

Еще не вечер...
Роберт Миннуллин

лирика
интервью, беседы
стихи для детей
о творчестве поэта

Казань
Татарское книжное издательство
2008

УДК 821.161.1-1:3
ББК 84(2Рос=Тат)-5:4
М62

Миннуллин Р.М.

Еще не вечер... стихи / Роберт Миннуллин; предисл. Р.Мустафина; перевод с тат. — Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. — 542 с. — 2000 экз. — ISBN 978-5-298-01627-8

В татарском мире Роберт Миннуллин известен как автор стихов многих популярных песен, как замечательный детский поэт, тонкий лирик и горячий публицист. В книгу вошли избранные переводы лирических и детских стихов, беседы, интервью, а также статьи о творчестве народного поэта.

ISBN 978-5-298-01627-8

© Татарское книжное издательство, 2008

© Миннуллин Р.М., 2008

***Памяти моего друга —
прекрасного поэта и переводчика
Сергея Владимировича Малышева***

МИРУ НУЖНО ПЕСЕННОЕ СЛОВО

Татарским читателям нет нужды представлять Роберта Миннуллину — народного поэта, крупного общественного и государственного деятеля. Его знают по многочисленным поэтическим книгам для детей и взрослых: «Будьте счастливы» (1976), «Вечная дорога» (1983), «Колыбель» (1995) и многим другим. За свои стихи он удостоен нескольких высших литературных наград республики, в том числе молодежной премии имени Мусы Джалиля и Государственной премии имени Габдуллы Тукая. В числе немногих татарских поэтов он удостоился и престижных международных наград. В частности, за книгу «Самое большое яблоко» (на татарском языке, 1992) он удостоен Почетного диплома имени Г.-Х.Андерсена, а его книги внесены в список лучших книг для детей писателей всего мира, рекомендованных для перевода на другие языки.

Русские же читатели мало знакомы с творчеством одного из ведущих поэтов современного Татарстана. Лет двадцать назад в Москве были изданы книги Р.Миннуллину «Глядит в окошко человек», «Наш тигренок», «Утренний снег», в Казани — «Возвращение», тиражи которых быстро разошлись. Настоящее издание представляет Р.Миннуллину наиболее полно и всесторонне — и как яркого детского поэта, и как самобытного лирика, и как общественного деятеля.

* * *

Иной не слишком даровитый сочинитель стихов всем своим видом дает понять, что он — Поэт милостью божьей. Ходит, выпятив грудь, надувшись, как индюк. Кое на кого это производит впечатление — принимают за мэтра. Но знающие люди понимают, что это — от неуверенности в себе, комплекса собственной неполноценности.

Роберт Миннуллин не из таких. Простой и естественный, он с любым разговаривает уважительно, на равных. Даже с несмышленими ребятишками. Я не раз присутствовал на его выступлениях в школах или сельских клубах и всегда поражался той теплой, доверительной атмосфере, которая устанавливалась в зале. Ни тени важничанья или зазнайства. Ни грамма самоуспокоенности. Более того, его одолевает вечное недовольство собой. В одном из интервью он откровенно признался: «Я себя терпеть не могу». А на вопрос журналиста, считает ли он себя счастливым человеком, ответил: «По-моему, счастливый человек не может быть поэтом».

Автору, как говорится, виднее. Но в стихах его разлита солнечная атмосфера счастья. Многие его стихи так и брызжут теплым, добрым юмором. «Без веселой улыбки детской поэзии не бывает», — это творческая позиция

Р.Миннуллина, его неизменное кредо.

Впрочем, в его стихах присутствуют не только юмор, но и лирические раздумья, и мудрая философичность, порою даже грусть, иной раз перерастающая в драматизм. Сам поэт сравнивает свою поэзию с рекой Сюнь, на берегах которой он вырос: «У меня ее характер — умеренный, неторопливый...»

Его поэзия поднимает читателя на новый, высший духовный уровень. Читатель с интересом читает, смеется, негодует, радуется. И одновременно происходит процесс познания окружающего мира — процесс необременительный, незаметный и увлекательный.

Особенность юмора Р.Миннуллина в том, что он не ставит своей целью рассмешить читателя во что бы то ни стало. Он просто подмечает какую-нибудь чудинку у своего юного героя, укрупняет и «педалирует» ее. При этом за шутивостью его тона скрыты серьезные жизненные проблемы. Прежде всего — проблема воспитания человека, только еще вступающего в жизнь, становления его души и характера. Можно сказать, что в поэзии Р.Миннуллина культивируется призыв к человечности, доброте и душевному такту.

Стихи Роберта Миннуллина отличаются удивительной простотой и прозрачностью — без претензий на усложненную образность и насыщенную метафоричность. Но в них всегда есть тонко подмеченные детали, не просто точные, а яркие и сочные. Он воспевает родники своей родины. Тоскует о кротких, грустных ивах, растущих на берегах реки Сюнь. А ивы эти у него «по-женски светлы и нежны».

Поэт обычно пишет о себе, своей семье, своей любви и привязанностях. Но при этом затрагивает те струны души, которые есть у многих. Он не претендует на выражение всей правды о жизни. Да это и не под силу одному художнику, а лишь искусству в целом.

Поэзия способна передать все — любые оттенки чувств и мыслей. Но не сухо и назидательно, а весело, остроумно. Таковы стихи Р.Миннуллина для детей. В стихах же для взрослых на первый план выступают раздумья о жизни и, конечно, любовь, не перерастающая, однако, в безумство слепой страсти. Есть в его стихах и печаль. Но не та, что разъедает душу ржавчиной скепсиса, а светлая, дающая облегчение. Присутствует и тревога за будущее, гнев, обличение подлых и низких людишек. И за всем этим чувствуется надежда, невольно проникающая в сердце читателя. Именно надежда снимает ощущение трагичности, порою возникающее при чтении его стихов.

Роберт Миннуллин всегда был на виду, занимал видные посты в общественной иерархии. Главный редактор детской газеты «Сабантуй», председатель Детского фонда Республики Татарстан, народный депутат всех четырех созывов (таких в республике можно сосчитать по пальцам), наконец — заместитель председателя Государственного Совета РТ, в сущности — второе по значимости лицо в парламенте республики. Такой головокружительный взлет у иных вызывал острое чувство зависти и недоброжелательства. Случалось, что Р.Миннуллина не просто остро критиковали, но и пытались смешать с грязью.

Но что бы там ни говорили завистники, я убежден: в литературе решающую роль играют не крепкие локти, а крылья души. С помощью локтей можно немного продвинуться вперед, а взлететь на поэтический олимп — только с помощью крыльев.

В лирических стихах Р.Миннуллин остается убежденным реалистом. (Литературоведы называют такой метод психологическим реализмом.) Но в то же время охотно прибегает и к густым романтическим краскам, укрупнению тех или иных черт своих героев. Вот почему его стих всегда приподнят над повседневной обыденностью и не производит впечатления приземленного провинциализма.

Поэта можно назвать чародеем языка, мастером слова. И в этом есть свой глубинный смысл. Ведь каждый национальный язык — это свой особый мир, уникальный, неповторимый. Язык сам в себе несет свет национальной культуры, колорит своеобразной цивилизации. Через язык проявляются этика и мораль народа, своя традиционная философия, нравы, обычаи. Исчезнет язык, и вместе с ним исчезнет целый культурный пласт, обеднеет вся планета, пострадает ее генофонд. Стихи же Р.Миннуллина, давно вошедшие в школьные учебники и хрестоматии, способствуют сохранению этого генофонда.

При всей своей доброте и светлом, оптимистическом взгляде на жизнь, поэт остро бичует недостатки и темные стороны жизни, высмеивает подлость и приспособленчество. Но при этом кулак поэта — его незащищенное живое сердце. Поэтому бьющему нередко бывает больнее, чем тому, кого ударят.

В его поэзии — не столько анализ проблем, сколько анализ души. Впрочем, нередко он затрагивает и серьезные проблемы, в частности, утраты родного языка, национального самосознания. Это и понятно — ведь душу человека невозможно понять, игнорируя волнующие его проблемы. Эти проблемы всегда даются у поэта через призму души человека. В самом характере его лирического героя — человека неравнодушного, напряженно размышляющего о настоящем и будущем, проявляется смысл эпохи. Эпохи, постигнутой не столько разумом, сколько творческой интуицией художника. Все, что выходит из-под пера Миннуллина, не просто отражает жизнь, а представляет собой новую эстетическую реальность. Реальность, у которой свои особенности, свои законы.

Дописываю эту статью, а по радио звучит песня на слова Роберта Миннуллина «Галбишек» («Колыбель») — одна из многих, вошедших в народ. Слушая ее, многие даже не задумываются об авторе, воспринимают как свою, народную. И в этом — высшее признание поэта. Как тут не вспомнить слова Сергея Есенина: миру нужно песенное слово.

Рафаэль МУСТАФИН,
лауреат Государственной премии РТ им. Г.Тукая

Лирика

РОДНИКИ МОЕЙ РОДИНЫ

ИВЫ, ТОПОЛЯ...

Знаю — они еще живы,
вздыхают, листвою шевеля,
мои постаревшие ивы,
седые мои тополя...

Они посреди дорогого
родительского двора
стройно стоят и достойно
встречают дожди и ветра...

Учили меня тополя мои
твердости и прямоте,
ивы мои печальные —
скромности и простоте.

Кроткие грустные ивы —
по-женски светлы и нежны,
а тополя — терпеливы
и по-мужски сильны.

Знаю — ивы плакучие
печалются обо мне,
и тополя могучие
ждут меня в той стороне,

которая — самая близкая,
где бы я ни был — земля...
Там — ивы живут материнские,
отцовские тополя.

МЕЛОДИИ ОТЦА

Опять во мне звучит напев гармонии,
Отец мне вспоминается опять...
Зачем-то те мелодии я помню,
Хотя порою больно вспоминать.

Опять берет гармонь в свои объятия,
Опять поет, прислушиваясь к ней...
О чем он думал? — хочется понять мне,
Когда бывал с подругою своей.

Щербинки на лице его грустнели,
Нежна была мужицкая ладонь.
Любил ее... Не зря же, в самом деле,
Он звал ее «душа моя гармонь».

Продав корову нашу на базаре,
Вернулся с нею... Мена неплоха, —
Ах, как он разудало и азартно
Порою рвал певучие меха!

И нет отца, и нет его подруги,
Но есть тоска по музыке его.
Живут во мне напевов этих звуки,

Ждут терпеливо часа своего.

А как пропел с подружкой задушевной
В последний раз он на своем веку!
Не позабыть мелодии уже мне,
Но жалко, слов припомнить не могу.

Из глубины души моей всплывая,
Напев в глазах становится слезой.
Ну а слова — что искорка живая,
Еще не время вспыхнуть песне той.

РОДНИКИ МОЕЙ РОДИНЫ

И в знойный день, и ночью свежей
Среди холмов, среди лугов
Мерцает речки Сюнь побережье,
Блестит созвездьем родников.

В ночи журчанием бессонным
Ключи баюкают меня.
Разбужен их веселым звоном,
Встречаю я начало дня.

Они поют не затихая,
Мир с этой песнею певуч.
А пляска в нем нужна такая,
Чтоб из-под ног ударил ключ!

Когда же так, что нету слада,
Обида жжет или беда,
Спасает сердце мне прохладой
Лишь родниковая вода.

Всегда сквозь темень или тени
Сияет мир мне чистотой, —
Не оттого ль, что при рожденьи
Омыт я ключевой водой?

И в душу ясными очами
Глядят мне родники мои.
В них звезды плещутся ночами,
В них неумолчны соловьи.

Река бежит себе, играя,
От родника до родника.
Не знаю песеннее края,
Чем речки Сюни берега.

В мгновенье счастья ли, печали,
В миг зарождения стихов
Я так хочу, чтобы звучали
В них струйки наших родников!

РАЗГОВОР С СОЛОВЬЕМ

Соловей мой, послушай,
Помолчи, соловей.
Снова трогаешь душу
Вечной песней своей.

Как же песне не петься

И не трогать сердца, —
Соловьиное сердце
Бьется в трелях певца.

Лучше спеть невозможно,
Чем поешь ты сейчас, —
Оттого и тревожно
В этот розовый час.

Где найти мне певучесть,
Точность музыки чувств?
И робея, и мучаясь,
У тебя я учусь.

Начинай же сначала,
И меня не жалея, —
Лишь бы сердце звучало
В каждой песне моей.

РОДНОМУ ЯЗЫКУ

Родной язык, мне драгоценных слов
Побольше дай, сокровищ не жалея.
Не навсегда, я их вернуть готов
В последний миг исхода моих дней.

Хранил бы каждый из даров твоих
Я как зеницу ока своего,
И затвердил бы лучшие из них
Молитвой, что священнее всего.

Позволь мне своеволия чуть-чуть:
Не растрянжирю я сокровищ, но
Хотел бы все же песнею вернуть
Часть из того, что мне тобой дано.

Пусть неведом песни той удел
Среди людей. Ну что ж... Наверняка
Всегда я счастлив буду, что владел
Бесценностью родного языка.

ОТКУДА?

Мелодии пальцы ведут наизусть,
У братьев баян соловьем заливается,
У братьев баян соловьем заливается —
Откуда, баян,
Эта светлая грусть?

И грустны глаза у сестер с давних пор,
А сами они — озорны, шаловливы,
А сами они — озорны, шаловливы!
Откуда ж взялось
Озорство у сестер?

Светлым-пресветло на родной стороне,
А это березовый свет разливается,
А это березовый свет разливается!
Откуда бы взяться
Такой белизне?

Откуда же грусть, белизна, озорство? —
Я чувствую это, я все понимаю,
Я чувствую это, я все понимаю,
Но я не могу
Объяснить ничего!

НАШИ СЕРДЦА

Идет от отчего крыльца
Дорога —
не кончается.
У нас и звезды, и сердца
Свеченьем отличаются!

Напевы родины моей,
Протяжные, раздольные,
Летят, звенят среди степей,
Такие же привольные.

И миг, и час,
и день, и год
Мы озаряем песнями,
И в сердце каждого живет
Мелодия чудесная.

Одной судьбой сердца горят —
Все с песни начинается...
Жизнь —
это песня, говорят,
А песня не кончается!

ВСТРЕЧА НЕВЕСТЫ

Летят по снегу взмыленные кони.
Как неожидан поворот и крут!
Такая скачка — словно от погони,
Саням не опрокинуться бы тут!
А ребяташки следом все бегут.

Единым махом кони пробежали,
К домам возница лихо завернул.
В санях — невеста в белоснежной шали,
И голосов неясный слышен гул —
Навстречу вышел сразу весь аул!

И вот невеста из саней выходит.
Ей хочется, чтоб было так всегда —
Чтобы ее встречали всем народом!..
Грустят старушки: «Не вернуть года —
Ах, как мы были молоды тогда!..»

На будущее счастье то и дело
Здесь колокольчик радостно звенит,
И у невесты сердце зазвенело,
Но в сердце этот звон она хранит
И с женихом глазами говорит!

Столы накрыли и гостей созвали.
Ворота дом давно уж распахнул...
Как хороша невеста в белой шали!
Сюда, наверно, каждый заглянул —
Приветствует невесту весь аул!

КТО СВЯТОЙ НА РОДИНЕ?

Кто святой в своем народе,
Кто велик в родном краю?
Даже будущие годы
Самозванца обсмеют!

Каждый здесь — односельчанин,
Здесь мы в главном все равны.
Ведь у нас одно начало —
Память древней стороны.

Дети в схожих колыбелях,
За селом — один покой.
Мы плывем до вечной цели
Общей вечною рекой...

Вся моя работа — песни,
Как другие — сеют, жнут.
Нет обиды, коль известность
Или слава обойдут.

Если сердце все не стынет,
Если с музой повезло,
Если ждет меня, как сына,
Здесь отцовское село!

ЛЕДОХОД

Земля очнулась и запела,
Льды по реке Базы плывут
И под мостами то и дело,
Как кони, на дыбы встают!

Земля, пробуженная страстью,
Поет, как птица, день-деньской.
Все предвещает сердцу счастье...
Как не влюбиться в день такой!

А девушки как изменились —
Куда милей, чем год назад!
Быть может, тоже в нас влюбились —
Вон как глаза у них горят!

Лебязьи льды плывут рекою,
А где-то над чужой землей,
Окрасив небо белизною,
Стремятся лебеди домой.

МЫ ВСАДНИКИ НАВСЕГДА

Я среди наших пацанов
За слабака считался,
И мне всегда из скакунов
Строптивый доставался.

От смиренного не отличить,
Сама покорность с виду.
А стоит на спину вскочить,
Как плачешь от обиды,

С земли вставая. А потом
Под смех друзей противный
Бежишь двуногим скакуном
За резвою скотиной!

Не зря, мучения терпя,
Ты учишься посадке.
Приходит день, когда тебя
Не одолеть лошадке:

Все та же пропасть номеров
И нрав ничуть не легче,
Но к буйству ты уже готов,
Поводья держишь крепче.

Ах, как ей хочется надуть,
Страхнуть тебя! Но поздно,
С тобой не сладить как-нибудь,
Противник ты серьезный.

Тогда рывок — и ветер в грудь,
И в скачке сумасшедшей
Не отдохнуть, не продохнуть,
Потише бы! Но нет же,

Не осадить коня никак,
Рехнулся он, похоже.
Тебя мотает так и смяк,
Но держишься ты все же.

Он в белой пене, он хрипит,
В крови твои ладони.
Но он тебя не победит,
Ты волей непреклонней!

Кто был однажды на коне,
Его не покидает.
...Я — на коне. Вот только мне
Поводьев не хватает.

Извечная скачка в ритмике сердца,
Над временем в седле.
Это задано с раннего детства,
В маленьком селе.

Те годы, словно ватага мальчишек,
Мне чудится, машут вослед.
Скачка выходит стремительна слишком,
А подстраховки нет.

И нет на такого коня управы,
Не остановишь ничем...
Да что говорить, если времени нравы
Известны практически всем!

ЖЕРЕБЦЫ

Дрожат в азарте жеребцы,
Луг ходит ходуном.
Они летят во все концы
Коричневым огнем.

Забором их не оградить,
Не обуздать пока.
Готовы солнце укусить,
Запрыгнуть в облака.

Над жеребцами — сизый пар,
Их ржанье — до небес.
Любой, как сказочный Тулпар,
Как чудо из чудес.

И кажется, еще таких
Никто не обходил.
Никто не скажет, сколько в них
Сверхлошадиных сил.

Но час придет — их укротит,
Поставит под седло
Очередной лихой джигит
И выведет в село.

Там этот яростный огонь
С годами усмирят...
С усталой грустью старый конь
Глядит на жеребят.

ПАМЯТИ МОЕГО ОДНОСЕЛЬЧАНИНА АНСАФА НУРЕТДИНОВА, ПОГИБШЕГО В АФГАНИСТАНЕ

Мальчишек Шамметово, озорников,
Я люблю всех, как братьев моих.
Им дано взлететь высоко, далеко,
Разве мы хуже других?
Я и тебя, как братишку, любил,
Мой юный земляк Ансаф.
Прости, что матери боль разбудил,

Опять про тебя написав.
Но это горе не только ее,
Это и раны села,
Где не забыты ни детство твое,
Ни твои молодые дела.
Великолепный, отменный джигит,
Ты ушел по приказу властей,
И был душманом афганским убит
Между черных гор и степей.
Ветер смерти, проклятый тысячи раз,
Перевалов знобящее зло,
Через столько верст дотянулся до нас,
Отыскал и наше село.
Как простить эту смерть, солдат,
Смерть, придуманную страной?
И страну — за ужас утрат,
Нанесенных этой войной?
Кинув юношей в пекло боев,
Раздробилась держава, ушла,
Потемнела привычная слава ее,
Горечь на сердце легла.
Остался Афган в солдатских гробах,
В скорбящем сиротстве семей,
И наша печаль — о тебе, Ансаф,
О судьбах таких же парней.
Мучительно думать, кто виноват,
Кто вами играл до сих пор,
На чуждые нужды отправив ребят,
Вынес вам всем приговор?
Тоска по тебе обжигает огнем,
Камнем ложится на грудь...
Славу себе мы, положим, вернем,
Но тебя нам уже не вернуть!

ПОМИНАЛЬНАЯ ПО ДУШЕ МОЕГО ОДНОСЕЛЬЧАНИНА
ДЕДА ТАХАВИ БАГДАТОВА

Век изменился.
Вот и ты от нас
Ушел, уважаемый дед-мулла,
Не назначенный свыше.
Разве нужен указ,
Чтобы добрые делать дела?

Молясь самочинно
В забытой глуши,
В лихолетье всесильного зла,
Ты самые тонкие струны души
Затронул, как совесть села.

И нам перепало
От этих щедрот
Стать лучше хотя бы чуть-чуть.
Без всяких дипломов
Учил ты народ
В молитвах улавливать суть.

Науку намаза ты почерпнул
У предшественника,
У Гали-муллы.
Аул без муллы,

Словно мертвый аул,
Но ты у нас, к счастью, был!

Праведно прожив
Между людьми,
Ты непременно будешь в раю...
А эти стихи
Благосклонно прими
Как поминальную песню мою.

ДУМЫ О ПРОШЛОМ

Как часто в прошлое гляжу я!
Кто нашу память сделал зрящей?
И сердце мечется, тоскуя,
Между прошедшим — настоящим.

И мнится: прошлое так близко!
Оно еще не отгорело,
И непогаснувшие искры
Нас обжигают то и дело!

А там — и отчий дом, и детство,
Далекой юности напевы...
Полузабытое наследство —
Тропинки молодости, где вы?

Да нет же, нет!
Я только брежу!
Исчезло прошлое навеки,
И как ни тешь себя надеждой —
К истокам не вернуться реки!

Смотрю в огонь бессонной ночью...
Кто нашу память сделал зрящей?
Года, разорванные в клочья,
Сгорают в пламени гудящем.

ПТИЦА. СОЛНЦЕ. ПОДСОЛНУХ

Из памяти не исчезает
Картина дивной простоты:
Наш садик в солнце утопает.
Кусты. Подсолнухи. Цветы.

И вижу снова я и снова,
Как, детской памятью храним,
Сад полон света золотого,
Пчелиный гул стоит над ним.

Подсолнух головой качает,
Желтеет среди бела дня,

Как будто солнце созревает
На длинном стебле у плетня!

Щебечет золотая птица,
Со мной о чем-то говорит,
Не то на солнышко садится,
Не то к подсолнуху летит...

Судьба останется судьбою,
И не изменишь ничего.
Исчезли с птицей золотою
Приметы детства моего.

И никуда от вьюг не деться,
Но в сердце все еще горят
Лучи рассвета. Утро. Детство.
Подсолнух. Солнце. Птица. Сад.

ЯБЛОКИ ДЕТСТВА

Я помню по раннему детству,
Что яблок не знало село.
На эти плоды наглядеться
Не скоро еще довелось.

Но вот из города как-то
Яблоки папа привез.
Сладким своим ароматом
Они потрясали до слез.

Каждому по красавцу
Отец разложил на столе.
И нам, пятерым, показался
Волшебником на земле.

Мы, бойкие, вдруг оробели,
Сиянием потрясены,
Стояли и молча смотрели,
Как смотрят чудесные сны.

Их и не скушали толком —
Растаяли мигом во рту!
Нам и осталось-то только
Описывать их красоту.

Как солнышко, необыкновенны,
В белых лучах изнутри...
Праздник вышел отменный,
Что теперь ни говори.

По вкусу и аромату
Частенько я их вспоминал,
Взрослым искал их с азартом,
Но больше таких не встречал.

Нет уже детства в помине...
Мне чудится некий укор:

Такого ни дочке, ни сыну
Я не дарил до сих пор!

МОЕ СЕЛО

Село погружается
В зелень и синь,
Узнаваемо издалека.
А рядом совсем
Таш-Елга и Сюнь,
Березовые облака.

Над родниками
Неба стекло,
Не скажешь уже,
Что синей...
Когда справляет
Свадьбу село,
Давно не хватает
Трех дней.

Размеренно, тихо
Столетия текут,
Не жаждут
Больших новостей.
Хозяева пашут,
Сеют и жнут,
А жены рожают детей.

И детям палец
В рот не клади,
Каждый отменно здоров.
Как когда-то меня
Не отнять от груди,
До трех-четырех годков!

Усадеб под сто
Уже столько лет,
Село не стареет на вид.
У свежей калитки
Благостный дед,
А юноша дом мастерит.
Здесь парни мужают,
Как на подбор,
В обиду себя не дают.
И девушки тоже —
О чем разговор!
Не худшие в этом краю!

Здесь по ночам
Необычно темно,
А рассветы —
Прозрачнее нет.
Такое селенье, наверно, одно,
На весь нескончаемый свет.

Должно быть, и вы об этом селе
Слышали кое-чего?..

Мама моя проживает здесь,
И в этом слава его!

В ГОСТЯХ У МАМЫ

Как часто почта приносила вести,
Что мама ждет и видит нас во сне...
И вот, как прежде, собрались мы вместе
В избе просторной, в зимней тишине.

Вдруг свет погас.
И мама рассудила:
«Запутались, наверно, провода...»
В чулан за старой лампою сходила.
И словно вспять отхлынули года.

Нам эта лампа сызмальства знакома
До трещинки на красшке стекла.
Круг света над столом в родимом доме...
Как кстати мама лампу сберегла!

Мы в этот вечер очутились в детстве,
Случайно, как бывает лишь в кино.
При тускловатом керосинном свете
Мальчишество к нам юркнуло в окно.

Здесь вкусно пахнет
Хлебом деревенским,
И пляшут в печке языки огня...
Печь в доме, словно пламенное сердце,—
Дом жив, покуда в нем жива она.

А мама — ни сединок, молодая! —
Склонившись, одежонку шьет для нас.
Жила всегда, не для себя стараясь,
Сил не жалела, не щадила глаз...

Как слушали мы,
Затаив дыханье,
Об Алпамыше

Или водяном!..
И ни одна из сказок и преданий
Не обходила ласковый наш дом.

Мы, ребятня, увлекшись чудесами,
Могли всю ночь шептаться о своем.
А в этот вечер,
Не заметив сами,
Заснули возле мамы сладким сном.

МАТЕРИ

Судьбу не выберешь... Печально,
И спору нет, все так, но я
Уверен: судьбы не случайны.
Твоя — действительно твоя!

Кто сам бы выбрал вдовью участь,
Чтоб на пределе сил своих
С любовью, словно бы не мучась,
В нужде растить нас пятерых?

Не знаю, совершить другая
Смогла бы долгий подвиг твой...
Ты выбрала, не выбирая:
Мы стали для тебя судьбой.

Невзгод пережила немало,
Свой непростой удел терпя.
Но зря терпенье не пропало:
Пять разных судеб у тебя!

МАТЕРИНСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

Друзьям, выросшим без отцов

И ранимей души, и нежней...
В ссоре мы особенно тоскуем —
Эту впечатлительность большую
Переняли мы у матерей.

Не хватает такта, благородства
Тем, кто всем завидует подряд, —
Походя напомнят про сиротство,
Раны на душе разбередят.

Мы смолчим.
Нас матери растили.
Мы нежны душою — что скрывать!
В детстве нас, увы, не научили
Подлецам пощечины давать.

Жизнь готовит трудные уроки,

На излом испытывая нас,
Только мы не выскажем упреки,
Не заноем в самый горький час.

Матерей возлюбленные дети,
Мы умеем счастьем дорожить!
Чем труднее жить на белом свете,
Тем достойней,
Тем прекрасней — жить!

ТЕРПЕНИЕ

Столько было разного в судьбе!
Но звучит во мне среди невзгод:
«Пусть Аллах терпение тебе
В трудную минуту ниспошлет».

В детстве помогавшие сперва,
Нынче незабвенные уже
Золотые мамины слова
Словно отчеканены в душе.

Мы росли в худые времена,
Навсегда остаться в них могли...
Но семья, ведь выжила семья! —
Мама да терпенье помогли!

А теперь летит за годом год,
Так порою грустно — хоть рыдай...
Но во мне терпение живет.
Жалко, что его — не через край.

Жалко, что нужда большая в нем —
И не только в будничных делах.
Мы в лихое времечко живем, —
Всем пошли терпение, Аллах!

Чтобы уцелеть и вам, и мне,
Выстоять, не улететь во тьму,
Дай, Аллах, терпение стране —
Да и человечеству всему!

ВСЯКИЙ РАЗ

В речке Сюнь воды лишь по колено,
И все ниже, ниже берега...
Всякий раз встречаю перемены,
Воротясь сюда издалека.

Стали однокашники мужьями,
Женами — ровесницы мои.
Годы не бесследно пробежали,
Всюду прибавление семьи.

Годы пробежали не бесследно,
Прежнего дружка не узнаешь.

Сыщется спиртное для беседы, —
Слов для разговора не найдешь.

Все же разным опытом богаты,
Разными заботами живем.
Было детство общее когда-то,
Всякий раз толкуем лишь о нем.

В новостройках улицы все краше.
А у матери моей все тот же дом,
И любовь к земле родной все та же,
И тоски по ней не тает ком.

Всякий раз на родине встречают
Новое и множество потерь...
А река мельчает и мельчает,
По колено мне она теперь.

КОЛЫБЕЛЬ МОИХ ПЕСЕН

Гараю Рахиму

Вот и возвратился в отчий дом...
Как сюда стремился издалече!
Для чего? Родное все кругом,
Но трудна нерадостная встреча.

Тесный дворик, старый дом и сад —
Колыбель пропетых мною песен.
Но иным вернулся я назад,
По-другому мир мне интересен.

К небесам, на тополь вековой
Больше не вскарабкаюсь по веткам.
Но расскажет дерево листвою,
Как жилось на белом свете предкам.

Помнит всех оно наперечет,
Сохранило в памяти бездонной...
Ну, а дед соседский у ворот,
Морща лоб, глядит из-под ладони.

Долго жду, признает или нет,
Потому как — непростое дело:
Без меня в деревне много лет
С ветром златогривым улетело.

Яблони, что посадил отец,
Все стоят — но с мертвыми ветвями.
Да, сужден и дереву конец,
В мире смерть придумана не нами.

И когда от вида яблонь вдруг
Сжало сердце болью нестерпимой,
Понял я стихи твои, мой друг,
О земле покинутой, любимой.

Нам не позабыть о ней вдали.
Словно бы я чем ее обидел,
Горестные слезы потекли...
Хорошо, что их никто не видел.

В РОДНОЙ ДЕРЕВНЕ

Утром все уходят на работу,
Я же на безделье обречен.
Изучаю местную природу,
Ролью экскурсанта удручен.
Я брожу как будто в Эрмитаже
По своей родимой стороне,
Вглядываюсь в сельские пейзажи,
Словно бы они на полотне.
А наскучит — рыбку золотую
Терпеливо целый день ужу.
Клюнет ерш — и значит не впускую
Время трачу, то бишь провожу.
Вся деревня на покос выходит,
Нет чтоб на луга забрать с собой:
«Ты в гостях», — мне говорят. Выходит,
Я теперь для земляков не свой?
Не считался косарем ленивым,
И забыть вовеки не смогу
То, что, как на облаке, счастливым
С вилами бывал я на стогу.
Он пока еще не заверченный, —
Подниму и выше, дайте срок, —
Звезды задевающий, зеленый
Юности моей душистый стог!

В дачника не по своей охоте
Превратился вдруг. Моя родня
Даже в разговорах о работе
Мнения не спросит у меня.

Горожанин я для них, в Казани
Все дела мои теперь. А здесь
Со своими справятся и сами, —
Отдыхай, и с помощью не лезь!

То над речкою сию над ивой,
То бреду с корзинкою скучать...
Улыбаюсь... Гостю некрасиво
Хмуростью хозяев огорчать.

ГЛАЗ НЕ СВОЖУ С ОКНА

Сию в избе, в деревне,
Уставившись в окно, —
Обычай очень древний,
Здесь так заведено.

И с замираньем сердца
Смотрю на свой аул,
Как будто снова в детство
Случайно заглянул.

Вот сверстницы-красавицы.
Знакомы вроде, но
Не глянут, не оглянутся
На близкое окно.

Вот братьев друг за дружкой

Куда-то черт несет.
Соседские старушки
Судачат у ворот.

Вот мать корову с ласкою
Опять идет встречать.
Сестреночка с опаскою
Прячется за мать...

Вон плотники на срубе
Крутят самосад.
Похоже, штучкам грубым
Учат там ребят.

Забыв про все на свете
С мячом бегут друзья.
Нет, не друзья — их дети,
Вот в чем ошибся я.

Ни дедушек, ни бабушек
Из детства моего...
Они теперь все рядышком.
Все до одного.

Мои друзья отмечены
Солидной сединой
И иногда при встречах
Знакомятся со мной!

Опорой стали братья,
Взрослою — сестра.
Теперь нам не добраться
В счастливое вчера...

Да, все идет как надо,
Пока из года в год,
Мать встречает стадо
Как прежде, у ворот.

МЫ ЖИВЕМ ОДНОЙ ПЕСНЕЙ

Моему другу Ильгизу Закирову

Суждено судьбою было,

Что с тобой мы — земляки.
Наше детство проходило
У прекрасной Сюнь-реки.

Я — на правом, ты — на левом,
Развела река, свела.
Я — стихи, а ты — напевы,
Получились два крыла.

И взлетела наша песня
Птицей сюньской стороны,
Где росли когда-то вместе,
Где состариться должны...

А ведь знаем, что не каждой
Песне дадены крыла...
Видно и тебя однажды
Мама с Сюни принесла!

ЗВЕЗДНЫЕ УЗОРЫ

Звездам нет ни меры, ни числа,
Нет числа узорам мирозданья!
Синева рассвета унесла,
Растворила звездное мерцанье.

Взмахивает крыльями заря,
Освещая нивы и покосы...
На травинках и листках горя,
Вспыхивают утренние росы.

Эти росы — звездная река,
Ставшая мерцаньем перламутра
На лугах,
но жаль, что коротка
Жизнь ее — длиной лишь в это утро!

Солнечные движутся часы.
Гасит ветер сильный и прохладный
Звездочки сверкающей росы,
И земля их впитывает жадно.

Но они проявятся во мгле,
На вечерних небесах сияя.
Звездный дождь прольется на земле,
Наши чаши светом наполняя!

ГРУСТНАЯ ЦЕРКОВЬ

Князь-Елга*. Море зелени. И церквушка,
Стоит одинока, как перст,
Среди илишевских сел, деревушек, —
Татарская молвь окрест.

Нашими песнями, нашею речью,
То есть тем, чем народ и жив,
Каждый кирпичик ее помечен,
Впитал татарский древний мотив.

Как чудо творения этой деревни,
Церковь глядится в века,
Тянется куполом в синее, древнее,
Трогает облака.

Многое перевидев на свете,
В небесном живет далеке.
Но если спросить — наверно, ответит
На нашем родном языке.

По-своему спеть, я не знаю, сумеет ли?
Но есть Александр-бабай, —
Поет по-татарски отлично наш мельник...
А далее — сам обобщай.

* * *

Непросто к звездам подойти,
Об этом вижу сны.
А звездам долгие пути
Исходно суждены.

Когда летишь, объятый сном,
В космическом саду,
Лишь в одержимости дано
Найти свою звезду.

В узоре звездном ждет мой взор
Прекрасную одну,
Что не дождется до сих пор,
Когда ее найду.

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

Я сегодня тебе изменил,
Сюнь-сестренка, река дорогая!
Безрассудный, тебе я не мил —
Ох, и сердисься ты, убегая.

Ведь сегодня я в море влюблен —
И душа не отыщет покоя.
Не пойму — это явь или сон?
И за что мне мученье такое!

Как опасен смятенья прилив,
Как безумен азарт увлечения!
Но, бурливую страсть раздражив,
Я стою на краю вдохновения!

Да, сегодня я в море влюблен,
Где волнуются волны-титаны...
Жаль, что я не для моря рожден
И не мне побеждать ураганы.

Хоть пленительна мне глубина,
Но в нее погружаться не стану...
Унесет мои чувства волна,
Обнажив незажившую рану.

Речка Сюнь! Я тебе изменил,
Дон-Жуан я из пьесы старинной...
Только если б тебя не любил,
Никогда не пошел бы с повинной!

О, родная!
Гордыню сломив,
Возвращусь я в надежде на чудо,
И, лицо в кудри ив уронив,
Возле вод твоих плакать я буду...

ЗАКАТ НАД СЮНЬЮ

Солнце проходит над нами
И дальше в долины плывет,
С такими тугими лучами,
Что можно развесить белье!

А дали скользят без предела
В серебряные облака,
Которые вдруг заалели,
Потом потемнели слегка.

А с ними и солнце краснеет,
Сливаясь в багровый овал.
Становится странно грустнее,
Как будто бы что потерял...

Березки прохладой дышат,
Все тише село перед сном,
Светлы небеса Актаньша,
А здесь уже полутемно.

Так долго мгновение длится,
В печали над кручей стою,
И то, что в слова не вместится,
Про жизнь понимаю свою...

ЗАСУХА

Ветра пригнали тучи дождевые,
Но дождь не хлынул — снова обманул!
Он по дороге не туда свернул
Иль путь забыл в края мои родные?

Потрескалась земля, и сердце ропщет —
Ведь я не знаю, в чем вина земли.
Приди скорее, дождь, и одели
Целебной влагой и поля, и рощи!

Деревья облетели, засыхая,
Тревожит сердце их печальный вид,
И белый тополь зябко шелестит,
Зеленый шум дождя напоминая...

ОДИНОКИЙ АИСТ

Я шел вдоль речки по дороге,
Неспешно облака текли...
Высокий аист длинноногий
Сидел на островке вдали.

Быть может, вспоминал он стаю?
Я долго на него смотрел,
Но, след лучистый оставляя,
Он над рекою полетел.

Быть может, Сюнь его вспугнула —
На тонких побежал ногах,
Взлетел —
И только тень мелькнула
И затерялась в камышах.

Да ивы вслед зашелестели
Под ветром с четырех сторон...
И снова — аист! Неужели
На речку Сюнь вернулся он?

Летит прекрасный белый аист,
Крылами машет вдалеке,
Но сердце чувствует, сжимаясь,
Что он последний на реке.

ПИСЬМО К БРАТУ

Распался отчий дом,
Наш общий дом!
Сначала я ушел,
А после — остальные.
И новые мы гнезда себе вьем —
Такая жизнь, обычаи такие.

Наш отчий дом
Покинули мы, брат,
А помнишь, как встречал он нас, бывало?

Приземист, кривобок и низковат,
Заброшенный, покинутый, усталый...

Теперь на месте дома — лишь земля
Ночами стонет, что-то вспоминая...
Живем теперь вдали —
И ты, и я,
О преданности дома забывая.

Давай, где раньше отчий дом стоял,
Посадим вместе яблоньки, дружище,
Чтобы отныне каждый приезжал
В веселый сад,
А не на пепелище!

Наш отчий дом...
Когда-нибудь пойдем,
Как дорог он, — и дело не в привычке...
Весенним утром
Мы с тобой придем
Туда, где ждут нас яблони-сестрички.

Я ПОНИМАЮ ТЕБЯ...

Марату Ямалову

Узнал ли, Марат, ты родное село,
Что подумал о детстве своем?
Заждались тополя твои: видишь, тепло
Полыхнули зеленым огнем?

Сюнь обмелела, но также светла,
И рисункам волны счета нет.
Ты с дороги устал? Ведь дорога вела
Страшно вымолвить — сорок лет!

То ли ты изменился, то ли село,
То ли слишком круты времена.
Вот и полжизни внезапно прошло,
На душе — ни покоя, ни сна.

Внешне ты сдержан, даже суров,
Но в глазах — затаенная боль,
Это все те же печали отцов,
Это предков наших любовь.

Что поделаешь, если жестоко судьба
Раскидала нас, сельских парней,
Разбросала в прокуренные поезда,
Не жалея глубоких корней...

Там другая земля, другая звезда,
Не такие восход и закат.
Проще простого — рвануть в города,
Трудно только вернуться назад.

Под обрывом, как в детстве,
резвятся ключи,
Затаилось село за тайгою годов...

Больше ни слова! Давай помолчим!
Я тебя понимаю без слов!

НЕОЖИДАННО

Ветер подкрался издалека,
Разом вдруг потемнело.
Молния стягивает облака
И грозно берется за дело.

В мгновение разнесено
Косматое небо в клочья!
Падает мир на дно
Внезапно нагрывшей ночи.

Ярость грозы невпопад
Сердце опять ощущает.
Обрушивается водопад,
Природа, взорвавшись, рыдает...

Потом — тишина. Необычно светло.
Стихии дается отбой.
Рядом березки дышат легко,
Омытые новизной.

Исчезли смятенье и страх.
Вновь Янгантау спокоен.
Лишь чудится грохот в ушах,
Мерещится бешенство молний...

ТОСКА ПО РОДИНЕ

Мне в деревню, где родился,
Не вернуться никогда.
Словно в чем-то провинился,
Малой родины лишился
Навсегда.

Постепенно разъезжался
Из селения народ.
Вряд ли чье-то сердце сжалось,
От того, что догадалось:
Назяде*-то пропадет.

А, наверно, были шансы,
Если б сильно повезло,
Сговориться и остаться,
Сохранить свое село.

Сквозь отчаянную жалость
Стало вдруг казаться мне,
Что деревню потерял я
И по собственной вине.

Только ей не возродиться,
Сколько душу ни тревожь,
Хорошо, хоть колосится
Нерастоптанная рожь!

Каждый раз, когда бываю
У угасшего села,
Все острее понимаю,

Как потеря тяжела.

С возрастающей болью,
С ощущением пустоты
Я кладу у кромки поля
Запоздалые цветы...

РОДНАЯ СТОРОНА

Под шатром высоким небосвода
Здесь луга зеленые поют,
А в березах — нежность и свобода:
Превратившись в девушек, бегут

К речке Сюнь — сплели свои объятья,
К ветке — ветка, как рука — к руке,
Чтобы, скинув беленькие платья,
Поплескаться в голубой реке.

Кони здесь отчаянно лихие,
В стойле — пляшут, во поле — бегут...
А хлеба высокие такие,
Что колосья небо достают!

Мальчики о подвигах мечтают,
От проказ их все дрожит кругом —
С молниями запросто играют,
Словно дружат с огненным кнутом!

Ну а если со всего размаха
Щелкнет в небесах ременный кнут, —
Гром над самой головою ахнет,
Облака на поле упадут!

НА ДОРОГАХ УФА — КАЗАНЬ

С ностальгией я еду в Казань,
С ностальгией в Уфу возвращаюсь.

А.Атнабаев

На безмерных этих трактах
Годы, мысли да дела.
Незаметно даже как-то
Там и юность протекла.
А теперь они попроще,
Побыстрее, чем вчера:
То ли версты покорооче,
То ль искусней шофера.
И душе намного легче,
Если где-то обгорит,
То Казань опять излечит,
То Уфа приободрит.
Я в Казани — со своими,
Я в Уфе — среди друзей,
Изметался между ними
Сын Илишевских полей.
Навсегда дороги эти
И судьба, и выбор мой,
Нет других таких на свете,
Но и я им — как родной.

Пусть зовут, ведут дороги,
Пусть не тает сила уз.
Без раздумий, для подмоги
Сам асфальтом расстелюсь.
Лягу каждым километром,
Каждой плиткою моста,
И путем таким последним
Возвращусь к родным местам.
Меж Уфю и Казанью
Жизнь не даром отшагал —
Может, так я расстоянья
Сократив, отшлифовал?

НЕСПЕТАЯ ПЕСНЯ

Живет во мне песня одна.
Как жжется порою она,
Как больно такую терпеть!
Но как эту песню пропеть?

Как пепел холодный, грустна,
Как сумрак, тоскою полна,
Пылает огромным костром —
И тает спокойствие в нем.

Откуда же песня взялась?
Она не во мне родилась.
Но птицей, влетевшей в окно,
В душе она бьется давно.

Она словно в клетке живет,
Как птице, ей нужен полет.
Ей волю бы дал я взлететь, —
Но как эту песню пропеть?

Все звуки я чувствую в ней,
Певучей печали моей.
С ума она может свести, —
Но слов для нее не найти.

Я песней томим день за днем.
Спою, полегчает потом, —
Я знаю, что должен суметь.
Но как эту песню пропеть?

ПТИЦА МОЕЙ ЛЮБВИ

ДОБРОТА

Давайте делать добрые дела!
Мы вроде бы не потеряли стыд?
Пускай работа будет тяжела,
Но душу этот труд обогатит.

Не всякий встречный злой или злодей,

Но жизнь, она крута и непроста.
Как мучились бы мы среди людей,
Когда бы не людская доброта!

Согреться в ней желание остро,
Мы ждем ее хотя бы от родных.
Давайте все же совершать добро,
Его не дожидаясь от других.

Бессовестную лень гоните прочь,
Отвратно стать бесчувственным навек...
Но так приятно ближнему помочь,
Сказать себе: я — добрый человек.

Пусть работа будет тяжела,
Но делать надо, делать день за днем.
Нужны как воздух добрые дела, —
Без них в такое время пропадем.

НЕКРАСИВЫХ ЖЕНЩИН НЕ БЫВАЕТ...

Некрасивых женщин не бывает, —
Кто не знает, тот не виноват:
Просто красоту не понимает,
Что поделать, если дубоват.

Некрасивых женщин не бывает.
Женский ум, вот с этим посложней:
Гурия порою изумляет —
Скажем мягко — странностью своей.

Некрасивых женщин не бывает.
Ослепляют внешностью простой,
Но пленяет та, что обладает
Женственной душевной красотой.

Некрасивых женщин не бывает.
Даже не сражая наповал,
Дочь Евы позже покоряет:
Бог ее прекрасною создал.

Некрасивых женщин не бывает.
А любви согретая теплом
Милая сияет, расцветает —
Чудная в цветении своем.

Некрасивых женщин не бывает, —
Что же о мужчинах говорить?
Кто из нас, красивых, пожелает
Нелюбимым быть и не любить?

Счастье наше полным не бывает,

Если нежный не встречаем взгляд.
...Он зарю собою озаряет,
Он печаль вечернюю смягчает,
С ним спокойней пепельный закат...

Некрасивых женщин не бывает...
Не встречал. Не видел. Вот и все.

МОНОЛОГ КОСТРА

Можно без труда задуть огонь.
Это справедливо для свечей.
А меня вот так попробуй тронь —
Стану лишь бодрей и горячей!

Я — костер!
Живу под небом я,
Пламя, не упрятанное в печь.
На земле прекрасна роль моя:
Согреть, а если надо — жечь!

Если волю дать, я сумасброд,
Я бедовый, сущая беда.
Ну а если правильный подход,
Я само терпение тогда.

Дуйте, если хочется раздуть,
Мне, поверьте, это не во вред.
Искры я в ответ могу взметнуть,
Пусть красивым будет мой ответ.

...Жаль мне только: некий миг придет —
Черный, леденящий, как вода,
Дуй не дуй — старания не в счет:
Сам угасну раз и навсегда...

БОЮСЬ ОБИДЕТЬ...

Боюсь обидеть я людей.
Не знать и мне бы униженья,
Но жизнь — не райский сад, и в ней
Обид хватает, к сожаленью.

Ох, сколько я их перенес!
Особенно в счастливом детстве.
Старались довести до слез,
Пуская в ход любые средства.

Людская злоба — что ни шаг,
Любому оскорбить по силам,
Ведь я малец, ведь я слабак —
И нет отца, чтоб защитил он.

И снова маме утешать:
«Заря бы ты не убивался...»
«Вот подрасту!..» — твердил опять.
Но взрослый, с кем я расквитался?

Прошли и нынче далеки

Те дни, где, гневный поневоле,
В тоске сжимал я кулачки
И зубы стискивал до боли.

Я вроде всех простил уже,
Зла не держу ни на кого я, —
Но что же взгляды их в душе
Таятся ядовитой мглой?

Угас мальчишеский запал.
Вот стало б для меня страданьем,
Когда бы Всемогущий внял
Моим проклятьям-пожеланьям!..

ПОКА ВБИРАЮ ЭТОТ СВЕТ

Ночь будет светлой у меня:
Я видел солнце на закате.
Луч угасающего дня,
Последний луч успел поймать я.

У солнца обделенных нет,
Оно сиянья не жалеет.
Пока вбираю этот свет,
Мои глаза не потускнеют.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

О Мать Весна!
Как ждем ее прихода,
Хоть знаем, что объявится опять!
Ее восславим! Но какая ода
Восторг от чуда сможет передать?

Трава спешит на свет явиться снова,
И заново рождается листва.
Из семени березоньки готовы
Пробиться к жизни силой волшебства.

Природа возрождается. Охотней
Мы видим радости безудержный разбег, —
Но вот в траве листочек прошлогодний...
Он навсегда ушел. Как человек.

БЕРЕЗОВЫЙ СОК

Прозрачны эти слезы боли,
Но мир тусклей от тихих слез.
Спросил я: «Жить не тяжело ли?»...
Но боль безмолвна у берез.

И, сострадая, подтверждает
Душа с березами родство.

Их светом радости сияют,
Печали мягче от него.

От красоты их незакатной
У нас на родине светло.
За что же ранят беспощадно,
Как будто в них таится зло?

Березы, сестры, вы слезами
Так удручаете меня!
Что делать мне? Заплакать с вами?
Как быть-то, кроткая родня?

Давайте за руки возьмемся,
От не имеющих стыда
Умчимся вместе, унесемся!
Бежать отсюда!.. Но куда?

НО ГДЕ ВЕСНА?

Сверкала в лужах вешняя вода,
Журчала, устремясь невесть куда —
И вот земля в зеленое одета.
Но где весна? Уже настало лето.
А мы и не заметили — когда.

И молодость бурлила, как вода.
Как здорово мечталось нам тогда!
Как соловьям для нас прекрасно пелось!
Но где весна? Уже настала зрелость.
А мы и не заметили — когда.

Утесы точит быстрая вода.
Бегут года упорного труда,
В делах мы забываем про усталость.
Но осень, но когда она подкралась?
А мы и не заметили — когда.

Нет, все не зря, уйдем не без следа,
Но жизнь — как между пальцами вода.
И не заметим — кончится когда...

ГЛЯДЯ В ПРОШЛОЕ

Когда я в прошлое гляжу,
Тоскливо мне, щемит в груди.
Я словно к бездне подхожу,
Которую не перейти.

Оно ведь рядом, под рукой,
На берегу недалнем том.
Всего-то сделать шаг-другой —
И снова я в моем былом.

А там и детство ждет меня,
А там и молодость моя...
И ждут они, к себе маня,

Не все дела там кончил я.

Но прошлое — волшебный сон,
Его в словах не передать.
Пусть явью даже станет он,
Зачем же мучить, соблазнять?

Ведь если я вернусь туда,
Где каждый день сегодня мил,
Покинуть лучшие года
Не хватит мне душевных сил.

А впрочем, это сущий бред.
Ведь в прошлое дороги нет.
Наверняка, наверняка
Морочит так меня тоска.

К тому же цело все в былом
Далеком, а поближе — нет:
Там развеваются тряпьем
Обрывки суетливых лет...

ОПОЗДАНИЕ

В лес тропа меня приводит,
И смотрю я сквозь рассвет,
Как горит и колобродит
Золотисто-желтый цвет.

Опьяненный красотою,
Обниму березки ствол,
Но подумаю с тоскою,
Что июль уже прошел.

Отгорело это лето,
И к нему я опоздал —
Как остался без билета,
Как от поезда отстал!

И любовь моя отстала,
Страшно ей теперь одной —
Безнадёжно опоздала
На свидание с тобой!

А березы терпеливы —
Предрассветный ветерок
Кольхат им будут гривы
И всему наступит срок:

Без меня они однажды
Зеленью зашелестят,
Без меня они от жажды
Желтым пламенем сгорят.

БЫТЬ МОЖЕТ...

Избыть одиночество?..

Вряд ли, едва ли...
И все же, прошу, позови!
Все ближе мой поезд
К тревожной печали,
Все дальше от первой любви.

Безжалостный поезд
Уносит в ненастье,
В далекую область разлук.
На белом перроне
Мелькнешь ты, как счастье,
И снова — колес перестук!

О, как нас меняют
Года, расстоянья!
Вагонная хлопает дверь...
Забудем ли юности давней
Свидания,
Простим ли друг друга теперь?

Смеются в вагоне,
А мне не до смеха —
Я плачу средь белого дня.
А поезд зеленый,
Которым приехал,
Обратно уносит меня.

СЕТОВАНИЯ БЫВШЕГО СТУДЕНТА

Эх, былые времена!
Студенческие знания!
«Соответствовать должна
Форма содержанию».

Из познаний, данных нам,
Помнится лишь малость.
Только нежность к тем годам
Полностью осталась.

Эх, мечты, любовь, задор,
Озорная смелость!
Это, в общем, до сих пор
Никуда не делось.

Только зеркало дерзит
Предъявляя внешний вид...

Делится оно легко
Невеселым знанием:
Разошлись, ох, далеко
Форма с содержанием.

КОСНУТЬСЯ ЛИ СНЕГОВ?

Белый цвет, цвет белоснежный —
Для души милее нет.
С ним сравним лишь безмятежный
Синевы небесный цвет.

Не чудесно ли к любимой
В стужу страстью нам пылать?..
А еще потребны зимы
Чтоб по веснам тосковать.

Как березы заскучали
По весенним небесам! —
Еле терпят... И едва ли
Не сильней томлюсь я сам.

На пределе я сегодня,
У снегов покой взрывной.
К ним притронуться всего-то —
Побегут они водой.

В ожиданьи мир — на грани,
К переменам он готов,
Благодарный мне заране.
Не коснуться ли снегов?

НОЧИ МОЕЙ ДЕРЕВНИ

Как светлы в деревне были ночи
Отзвеневшей юности моей!
Сладко волновали, словно очи
Той, которой не было милей.

Где же вы теперь, тальянок трели?
Что ж так много ночью тишины?
А деревья словно овдовели,
В думы и печаль погружены...

И не потому ли безутешны,
Что не слышит темная листва,
Как звучат застенчиво и нежно
Самые прекрасные слова?

Нет, наверно, все куда как просто:
Ночь, она как прежде хороша,
Только стала к музыке подзвездной
Глуше повзрослевшая душа...

А для молодых — другое дело,
Радостно уходят в тишину,
Где тальянкам, видно, надоело
Ждать, когда я все-таки усну...

ОСЕННИЙ МОТИВ

Тоска обильная в очах.
Осенний лес воспламенился.
Осина тлеет как очаг.

Березы-близнецы стоят —
Я им излил сегодня душу —
Все понимают, но молчат!

Бессильны поздние слова,
И, как платок, тобой забытый,
Слегка колыхнется листва...

ОСЕННЯЯ ГРУСТЬ

И все же до чего грустны
Осенние красоты.
Неласковы и холодны
Закаты и рассветы.

И даль прозрачная грустна.
Еще грустнее ночи,
Когда осенняя луна
Плывет над звездной рощей.

Луна на небе — ну и пусть...
Но даже не мрачна,
Внушает грусть, тоску и грусть
Холодная она.

В своей бескрайней тишине
Плывет себе, плывет,
И вроде безразлична мне,
А душу все же рвет!

«МАМЕ СКАЖУ!»

Кто детство прожил без битья?
Лупили и меня.
Знаком и с тумаками я,
Отведал и ремня.

Когда же не хватало сил
Задирам дать урок,
«Скажу все маме!» — голосил,
А что еще я мог?

А как мне взрослому спастись,
Стерпеть словесный бой?
Один бы на один сойтись,
Но бьют всегда гурьбой.

Слова, как мордобой, сношу,
Но хочется порой
Кричать: «Я маме все скажу!»

...Но мамы нет со мной.

ЖДУ СОЛНЦА!

Как дни осенние угрюмы!
И сколько ж будет этих дней...
Как тучи, наплывают думы,
Томя тоскливостью своей.

Свет солнца явственно слабеет —
Там, за клокастой пеленой.
Душа невольно цепенеет,
Свыкаясь с вечной полумглой.

Ах, если б солнце появилось,
Была б и осень мне красна...
Бессолнечность — сама бескрылость,
Бессолнечность, она тесна.

Прелестной темень не зовется,
Ей ближе зло и пустота.
И смех, и радость — дети солнца,
Подруга солнца — красота.

Я солнце жду! С ним жду свиданья
На милой родине моей,
Я солнца жду и от Казани,
И от дорог, и от людей.

От мира жду я солнца тоже,
Необходим мне этот свет...
И вроде белый свет все тот же,
Но в нем сегодня солнца нет.

ТУМАН

Так вот что с вечера томило, —
Вчера предчувствовал его...
Заполнил мир, заполонил он,
Туман — и больше ничего.

Кругом безмолвие глухое,
Кругом туман, туман густой, —
Перед глазами — белой мглою,
И в мыслях — вязкой пустотой.

Я сквозь податливую стену
Иду, а выхода все нет.
И понимаю постепенно,
Что он надолго, этот бред.

И все же рвусь, не прорываясь, —
До струек пота на спине.
За сердце я уже хватаюсь,
Я задыхаюсь... Плохо мне...

Кого зову, изнемогая,
Объятый душной этой мглой?
Куда я выйду? Я не знаю...
Кругом туман, туман сплошной.

СНОВА ХОЛОДА...

Снова подступили холода.
Русская зимадохнула снова, —
Так же бесконечна, как всегда,
И безумна так же, и сурова.

Мертвенные эти холода
Так терзают душу мне и тело...
Но куда деваться ото льда,
Стали, что пронзает оготело...

С детства вся-то жизнь моя была
До того полна постылой стыни,
Что минута каждая тепла
Кажется мне роскошью поныне.

Словно бы и не было весны,
Холода надвинулись — и грянут.
Грозная экзотика страны,
Эти — ожиданий не обманут...

ХОЛОДА

Вот только что было тепло,
Вдруг холод меня пробирает.
Привыкнуть бы, — но тяжело,
Но как мне тепла не хватает!

Так что изменилось и где?
Я чувствую, как перемены
В годах обжитой среде
В душе отдаются мгновенно.

Пройдут ли когда холода?
Уже извела холодина.
От инея блекнет звезда,
Все небо — недвижная льдина.

Не мальчик я, взрослый вполне,
Но стужа меня угнетает.
Мне зябко, и кажется мне,
Что чувства мои остывают.

Холодные взгляды ловлю
Я мигом, ловить не пытаюсь.
И думаю думу мою,
Чего-то невольно пугаясь.

Я было привык к теплоте,
И вдруг холода налетели...
Так что изменилось и где?
На свете, со мною, во мне ли?

НЕ ДОЖИДАЙТЕСЬ ИЗДАЛЕЧЕ...

Ну что поделать, я не вечен,
Пожил — и будет.
Навряд ли многими замечен
Уход мой будет.

А жалко, что не за горами
Пора прощаться...
Как я хотел бы временами
К вам возвращаться.

Но если редки будут встречи,
Не по охоте,
Не ждите долго издалече —
В стихах найдете.

ВСЕ ШУТИМ...

Семь суток в неделю
Я с сердцем шутил,
В потехе и в деле
Его не щадил.

И вот подшутило
Оно надо мной...
От шутки скрутило,
Да так, что — ой-ой...

В друзьях оно снова.
Но помню всегда —
Из сердца родного
Шутник хоть куда.

В ПРЕДДВЕРИИ ОСЕНИ

Ах, как осень тягостна вначале!
Пообвыкнешь, втянешься потом...
Но привычка к пасмурной печали
Мне дается все-таки с трудом.

К сумраку дорогу начиная,
В сумерки душа погружена.
Осень как бессонница ночная —
Кажется, не кончится она.

День морозный видится светлее —
Поле за опушкой в лесу.
Если уж я осень одолею,
Стужу как-нибудь перенесу.

Ах, как сладко снежной ночью синей
Вспомнится ненастье позади!..

Если только осень я осилю.
Это ведь не поле перейти.

ЧЕРНАЯ ОСЕНЬ

Что за сила кружит над землей?
Словно стонущий ветер она,
Словно ветер дурной, роковой, —
И душа им насквозь пронзена.

Это осени сумрачный дух,
Одинокая нежить, кошмар.
Одинаково крутит недуг
И листочек, и солнечный шар.

Землю дождь обдает чернотой,
Черный ветер и облака мрак...
То ли с миром творится не то,
То ли что-то со мною не так.

Я с каких это пор занемог?
Что за вздор! Все нормально вполне.
Мне бы только увидеть снежок, —
Заскучал по его белизне.

НИ ОСЕНЬ, НИ ЗИМА...

Решила ль покапризничать природа
Иль человек природу раздражил?
Вчерашнюю прекрасную погоду
Как будто черт сегодня подменил!

Нам кажется,
Что осень на исходе,
Трепещет сердце птицею в груди,
Но произвол безумствует в природе,
Там ни зима, ни осень, — погляди!

Бесцветен мир,
Безволен и бессилён,
И красок в нем не различить сейчас.
А ветер запекает так уныло —
Спасибо хоть, что песни не про нас!

О чем ветра тоскуют по равнинам?
Тревожат душу песнями они...
И нужно чистой, светлой пронести нам
Свою любовь
Сквозь непогоды дни!

А может быть,
Нам приручить природу?
Она ведь тоже чувствами жива!

Ну а пока мы терпим непогоду
И ищем сокровенные слова...

ОСЕННИЙ ЛИСТ

Березка, с тающих ветвей
Дай листик свой резной,
Чтоб он об осени моей
Напомнил мне зимой.

Они летят, они летят...
Не наглядеться мне
На уходящий листопад
В щемящей тишине.

Слова пусты, мечты пусты...
Вдруг желтый огонек
Слетел с холодной высоты,
Ладонь мою ожег.

ПРАЗДНИК ЛИСТЬЕВ

Праздник листьев, праздник листьев!
Если воля позовет,
Как в просторе полумглистом
Изумителен полет!

С веткой радостно проститься,
Закружиться, полететь,
Быть свободным, словно птица,
Опустить, замереть.

И лежать среди таких же
Одиноких, как и ты...
Но ведь знал листок притихший
Счастье вольной высоты!

Кто лишился плена веток,
Цену полную дает
За прекрасный праздник этот —
Свой естественный полет.

НОЧЬЮ В БОЛЬНИЦЕ

Лежу в больнице, в тусклой тишине, —
И до чего же спокойно мне.
О воле мысли в голову приходят:
Как без меня там? Что там происходит?

Хотя понятно, что тревожусь зря:
Дела идут, вращается Земля —
Своим путем, все так же непрерывно.
Не станут ждать, когда я снова встану.

Лежу в больнице, мучит тишина.
Ни сил, ни настроения, ни сна.
Что день, что ночь — не радуюсь рассвету.
Я вроде есть. Меня как будто нету...

МЕТАМОРФОЗЫ

Смотрю на осень из больничного окна.
Меня томит, как долго тянется она.

Мне кажется, что так я изнываю,
Что время ускоряю, подгоняю.

А все же осень завершиться не спешит.
И только сердце отчего-то всё щемит.

От осени устала и природа.
Нет, все-таки меняется погода.

Вчера березу видел в золоте сухом.
А вот она же, увлажненная дождем.

Так редко волшебство бывает зримо:
В снег переходит дождь неуловимо.

Идет, кружится снег; белым-бело уже,
Но отклика пока не чувствую в душе.

Смотрю на первый снег, такой слепящий —
И с осенью прощаюсь уходящей.

И сердце ноет, — ноет, видно, потому
Что расставание нерадостно ему...

Смотрю я из окна уже на зиму,
На белизну, на свет ее любимый.

ВРЕМЯ СТИХОВ

Время стихов, медленных слов —
Осень пришла,
Небо в душе мглой облаков
Заволокла.

В сердце нитье, а забытье
Где же найти? —
Грустно в былом, здесь — не житье,
Тьма впереди.

Жизнь не нова, вечно слова
Те же опять...
Что рассуждать? Осень права:
Надо писать.

Ночь напролет, век напролет —
Все не успеть...
Песней томит птичий полет —
Той, что не спеть.

И за столом мне над листом
Снова корпеть...
Ну а листу рифменный стон

Время — терпеть.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Синий снег
с небес идет,
Хлопьями кружится,
Словно водят хоровод
Нежные юницы!

Синий снег
стрела тропы —
Дорогой подарок!
Серебром звенят чулпы
Девушек-татарок.

Синий снег
прервет разбег,
Чтобы опуститься —
Теплый снег, горячий снег
На твоих ресницах.

И усилится стократ
Синее
сиянье,
И снежинки зазвонят,
Как воспоминанья!

ИДУТ СНЕГА

Не понимаю, что такое, —
Одни метели на уме!
Мне не дают снега покоя —
Опять пишу я о зиме.

Мир перевернут наизнанку,
Но жизнь приятна и легка,
Когда на Волгу и Казанку
Кудрявые летят снега!

Снежинки опушили ворот,
Царь-белизна блестит вокруг —
Летят снега на белый город,
Все замели уже, мой друг!

Средь ледяного мирозданья
Стоят сугробы, как стога...
Всю жизнь свою мы льнем к Казани,
Как льнут к ней белые снега!

СКВОЗЬ БУРАНЫ

Я в этот сумрак белый
Иду как на таран.
Привычное мне дело —
Рваться сквозь буран.

Без грозного бурана
Не признаю зимы.
Должно быть, в детстве раннем
С ним породнились мы.

Я чувствую бураны,
Они в крови опять,
И этот холод странный
Похоже, не унять.

Мне повезло с уделом,
Снега по нраву мне,
И я с бураном белым
Иду к своей весне...

ЗИМА В КАЗАНИ

Опять снега в Казань мою вернулись,
И светом озарилось все кругом.
Влюбленным под ноги вдоль тихих улиц
Ложится снег нетронутым ковром.

В нем радость бьет крылами — не печали,
В нем — не висков усталых седина,
В нем — белизна не савана, а шали,
И юных чувств девичьих белизна.

Опять снега в Казань мою вернулись.
Кружатся в белом хороводе дни.
Все, что таилось в сердце, встрепенулось
В сиянии заснеженной зимы.

В сугроб пушистый съехать с детской горки,
В метельном вихре потерять покой, —
Не остудить и не унять восторга,
Когда бело меж небом и землей.

Взгляни на белизну безмолвных улиц —
Она коснется и твоей души.
...Опять снега в Казань мою вернулись,
И, словно праздник, будни хороши.

ЕЩЕ УМЕЮ Я ЛЮБИТЬ

Есть в мире только мы с тобой,
Да белый снег летает...
Нас белизной перед молвой
Он нежно обеляет.

Ты, как снежиночка, легка,
Готова закружиться.
Пройдут года, пройдут века,
Но миг не повторится.

Забудем чинности тоску,
Солидность ни к чему нам, —
Давай напишем на снегу
О нашем чувстве юном!

Скрывать его — напрасный труд.
И чем умерить счастье,
Чтоб сердца бедного сосуд
Не лопнул бы на части?

Да бог с ним, так тому и быть!
Куда важней иное:
Еще умею я любить,
Любовь еще со мною!

Я НЕ МОГУ БЕЗ ТЕБЯ...

День мой угрюм без тебя,
Всякая ночь холодна.
На сердце сумрак терпя,
Чувствую, как ты нужна.

Верю, что буду спасен.
Разве оставишь меня,
Сбывшийся давний мой сон,
Взрослая сказка моя?

Жизнь беспричинно томит,
Если на свете один.
Только любовь хранит —
Целое двух половин.

Я без тебя не могу.
Если такая беда,
Не одолею тоску,
Окаменею тогда.

Мало ли в мире камней,
Будет и любящий твой.
Ты уж меня пожалей, —
Может, нужней я живой?

Всю душу мне одна печаль большая
Заполнила, разумности лишая...
Одна печаль!

Она, как птица, бьется, изнывая,
Теперь ни сна, ни отдыха не знаю...
Одна печаль!

Такой напасти и тебе желаю,
Пускай настигнет и пронзит большая
Одна печаль!

Пускай, делам безжалостно мешая,
Заполнит душу, разума лишая,
Одна печаль!

Пускай, тебе покоя не давая,
Жар-птицей в клетке бьется, изнывая,
Одна печаль!

Не бойся боли... Ведь душа живая
Бессмертье познает, переживая
Печаль — по имени любовь!

СНЕГ В АПРЕЛЕ

Апрель уже начал
Веселый разбег.
Влюбленных полным-полно!
Но падает с неба
Влажный снег,
Сугробы растут за окном.

Вчера еще длился
Капели звон,
А нынче лишь снег шуршит.
Наверно, он знает:
Последний он,
И к вечной земле спешит.

От снега земля
И бела, и светла,
Как будто младенца душа...
Апрельская вьюга —
Ну и дела! —
А жизнь все равно хороша!

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Окончился дождь,
И открыл я оконце,
И капли запели:
— Мы дочери солнца!
— Мы дочери солнца!

Стряхнули дождевки
Кудрявые ивы

и песню запели:
— Мы дочери ливня!
— Мы дочери ливня!

И чайки взлетели,
Запели
Без слов:
— Мы дочери облаков!
— Мы дочери облаков!

МОЛОДЕЕТ ЗЕМЛЯ

Шумят ветра, грачи галдят,
Раскрылись гнезда почек,
А в них мерцают и горят,
Как звездочки, листочки!

Березы, клены, тополя
Горят огнем зеленым,
Помолодела вся земля
Под птичьим перезвоном.

Коль суждено земле звенеть
И делаться моложе,
Нам, значит, тоже молодеть
И радоваться тоже!

ТРИ МОИХ ВЕЧНЫХ СНА

1. Полет

В небо взлетел я в детстве,
Раскинув по-птичьи руки,
Чтобы оттуда взглядеться
В прелести нашей округи.

Деревня тогда казалась
Маленькою лужайкой,
Я в облака окунался,
Чувствуя усталость.

Взлетал и махал руками,
Словно крылами птица.
Казалось, с самими орлами
Мог бы силой сравниться.

Взлетал я все выше и выше,
Сладостно в воздухе тая,
И рядом восторженно слышал
Клич журавлиной стаи.

Под синими небесами
С ними мы пролетали,
А я скользил над лесами,
Если они позвали.

В детстве летается часто

Почти любому мальчишке.
Теперь не летается как-то...
Может, серьезен слишком?

А если летается — что-то
Ниже и реже, чем было.
И мне уже для полетов
Потребны стальные крылья.

Восторги те не забылись,
Я часто об этом думаю.
Зачем нам любые крылья?
Лишь бы остаться юными!

2. Стыд

Мне снится, что я подросток...
Шагаю не через лес, —
Сквозь городской перекресток,
Но обнаженный весь!

Люди глаза таращат,
Ужас средь белого дня!
И все они, как в пропащего
Пальцами тычут в меня.

А я иду не без гордости,
Можно сказать, на прорыв,
Какие есть, достоинства
Ладонями прикрыв.

Сам не знаю, что делать,
Заплакать или заржать?
Или со света белого
Куда-нибудь убежать?

В таргарары провалиться
Вроде уже готов,
Лишь бы так не срамиться
Чучелом без портков!

Когда дохожу до края,
От жара и от стыда
Я весь в поту просыпаюсь,
Чтоб вспомнить, что навсегда

Душа у поэта наружу.
Пусть и костюм на мне,
Но все-таки сильно стыжусь
Я каждый раз во сне...

3. Возвращение

Как только возвращусь в село,
Обратно нет пути.
Собрать пожитки тяжело,
Не то чтобы нести.
То конь, который был готов,
Вдруг убежит куда,
То вышла вдруг из берегов
Сюньская вода.

Зимою налетит буран,

Навалит мне преград.
Собравшись было, я и сам
Любой оттяжке рад.

Буранов нет — так лошади
Не могут путь сыскать.
Село как будто больше
Не хочет отпускать!

То мама снова машет:
Останься, мол, сынок!
И я, спешивший даже,
Останусь на чуток.

Куда же ты собрался? —
Вдруг молвит мне отец.
И я опять остался,
Решившись, наконец.

Уходит жизнь, бежит ручьем,
Обманчива, как грусть.
Я из Казани в отчий дом,
В село не соберусь...

В МОЛДАВСКОМ ДОМЕ

Александру Дорогану

Сижу — роднее всех родных
Я в славном доме гостем.
За полночь. Но хозяин лих:
Звучит здесь тост за тостом.

И в пляс пускается он вдруг, —
Молдавию узнал я!..
Здесь пляшут все и все поют,
Не чувствуя усталость.

Подбадривают: «Что притих?
Ты будь как дома — спляшем!
Мы знаем земляков твоих,
Мусу Джалиля, скажем.

И любим. И, не видеv, чтим
Великую мы Волгу.
И сам ты тоже, мы глядим,
Приехал к нам с любовью...»

Одна лишь встреча, но зато
И дом веселью тесен.
Угадывая ритм и тон,
Пляшу я с ними вместе.

И, словно дружная семья,
Сидим до зорьки ранней,
Три молдаванина и я —
Средь них один татарин.

ХМЕЛЬНОЕ МОРЕ

Ты, видно, подгуляло, море!
Да нет, ей-богу, под хмельком.
Валы, шатаясь на просторе,
На берег валятся валом.

Еще вчера — покой без края,
Не от любви ли ты хмельно,
Из рога лунного глотая
Ее прекрасное вино?

Уймись! В неистовом стремленьи
Все звезды в глубь свою увлечь,
Ты не боишься оперенье
Валов взлетающих обжечь?

Угомонись! Уж слишком явно
Смеются звезды над тобой.
А все же выглядишь ты славно
В своей веселости слепой!

Как не понять мне настроенья,
Охоты шумно бушевать —
Сегодня и мое волненье
Крутым волнам твоим под стать.

СЧАСТЬЕ ПОЛЕТА

Чайки над морем
Ликуют, резвятся,
С неба скользнув,
На балкон мой садятся,
С криком ныряют
В высокий простор,
Снова сплетают
Подвижный узор!

Чайки напрасно
Зовут за собою.
Рад бы с любой
Поменяться судьбою, —
Только раздолья
Не знать мне вовек...
Я ведь не более,
Чем человек.

НОЧНОЕ МОРЕ

Ночное море и безбрежно,
И тихо, словно озерцо.

Луна высвечивает нежно
Твое счастливое лицо.

Объяты ласковой водою,
В ней как дельфины мы с тобой.
Нас во вселенной только двое, —
Вселенной древности златой.

И нет конца минуте этой,
И смех беспечный не затих
В ночи, где нам хватает света,
Хватает моря на двоих.

МОРЕ

Я думаю о море...
И оно
сегодня так же, как и я, спокойно,
в задумчивый покой погружено,
и кажется, оно — всегда такое.
Садятся чайки на морскую гладь,
и все полно мечтательности сладкой,
и кротости, и...
если бы не знать,
что это — краткий отдых
перед схваткой,
когда толпа безумная валов
бежит навстречу гибели в прибое,
и хочет вырваться из берегов
бушующее море штормовое,
как гордый зверь, —
о клетку головой
бросается с разбегу с диким ревом...
В такие дни
я восхищен тобой!
Ну, а сегодня —
просто очарован!

БЕСКРАЙНИЙ МИГ

Скользит легчайшее мгновенье,
Заря тишайшая светла...
Ты сладко спишь, поджав колени, —
Клубочек нежного тепла.

Скользит легчайшая минута,
Плывет тишайший в мире час...
Котенок, спящий так уютно,
Тебя погладить бы сейчас.

Твое дыханье незаметно,
Румянцем тронута щека...
Хотел бы этот час рассветный
Продлить на легкие века.

Стою тихонько и люблюсь,
Бескрайний миг прервать боясь...
И сердце верит, не волнуясь,
Что я во сне твоём сейчас.

МОРЕ И ГОРЫ

Здесь горы подошли стеной,
Здесь рядом — моря даль.
Они теперь всегда со мной
Как радость и печаль.

Громады в небесах почти,
Безмерна моря гладь.
Мне эти выси не постичь
И дали не объять.

Когда вершины в облаках
И края нет земли,
Я снова мыслями в горах
И чувствами вдали.

Я впечатленьями живу,
Без них не знаю дня.
То горы властно позовут,
То море ждёт меня.

Я стал другим. Совсем другим.
Вникаю, что к чему. —
Благодаря горам моим
Иль морю моему?

ВЗДЫХАТЬ НЕ НАДО...

— А ведь красивой я была когда-то, —
Вздохнула ты, разглядывая фото.
Но удивляться и вздыхать не надо.
«Была», — я соглашусь с охотой.

Но о прошедшем не горюй напрасно,
Не стоит грусть минуты безвозвратной.
Как будто бы сейчас ты не прекрасна, —
Ты удивительна невероятно!

И снова скажешь ты переживая,
Из будущего глядя на сегодня:
— Как постарела...А какой была я
С десяток лет тому назад всего-то...

ОСЕННЯЯ ЛЮБОВЬ

С той первой встречи я в тебя влюблялся
Ещё сто раз — и снова, и опять...
Я в сдержанность играть и не пытался,
Готовый душу за любовь отдать.

Так мне казалось, но вряд ли было,
А кое-что разумно позабыл:

С Тагиром мне тягаться не под силу,
Медждуном явно не всегда я был.

Да, я пылал, но это — временами,
Пожалуй, чаще буднично жилось:
Не довелось заваливать цветами,
В огонь бросаться тоже не пришлось.

Я не умел тебя любить, конечно.
Хоть пламенные чувства хороши,
Учусь любви я, постигая нежно
Мелодию родной твоей души.

Торопит жизнь. Ты понимаешь тоже,
Что мне влюбляться не придется вновь.
Понятно всё. И оттого дороже
Последняя, осенняя любовь...

МЫ СТАРОСТЬ НЕ БЕРЕМ В РАСЧЕТ...

Мы те же вроде — и не те...
Но что нам мелкие детали,
Ведь мы в житейской суете
Свою любовь не потеряли.

Она все так же молода,
Хотя — мудрее и нежнее.
И ни к чему считать года
Пока мы неразлучны с нею.

Касаться время не должно
Влюбленных, — говорит мне сердце.
Но телу это все равно,
Не хочет с возрастом стерпеться.

Я плечи хрупкие твои
В печали обниму порою —
И слезы горькие любви
Струятся общие с тобою.

Мы старость не берем в расчет,
Когда придет, тогда и встретим...
А если на душе скребет,
То вместе справимся и с этим.

СЕМЕЙНАЯ РЕЛИКВИЯ

У моря снимаются люди
По разным причинам и без,
Приемами всякими будят
К снимкам своим интерес.
Снимаются с куклами, кошкой,
На фоне коня или скал,
Как фотомодель на обложку
В солидный парижский журнал.
Позируют вместе, играют
В кумиров своих и богов...
А я все стою, вспоминаю

Дедушку моего.
С надорванными углами
И пожелтевший весь
Паспортный снимок Кирама
В семейном собрании есть.
Было тогда не до фото,
А может, и сам не хотел?
Но от него нам всего-то
Снимок один уцелел.
В облике юного деда
Не внешней ищущей красоты, —
Ищу в нем родные приметы,
Ловлю родовые черты.

И снимок порою напомнит
Среди повседневных хлопот
Мои неусохшие корни,
Неувядающий род.

Нет золоченых альбомов,
Фарфора фамильного нет.
Реликвия отчего дома —
Маленький документ...

И как-то тревожно, что будет
Со снимком тем после меня...
Так пусть же снимаются люди,
Грядущих потомков родня!

ВОЛНА РЕЧКИ СЮНЬ

Как воздух прекрасен морской,
Какие здесь волны и дюны...
Волну своей речки родной
Искал я у края лагуны.

Нашел. Распознать ее смог —
Сама она модную проседь,
Ласкаясь, плеснула у ног.
Жизнь волны куда не забросит!

Душа умилением полна.
Невольной слеза накатилась:
«Ах, Сюни любимой волна,
Что сильно ты так изменилась?»

Всем обликом, вкусом, водой
Иная ты в этом местечке —
Следа не осталось от той,
Которую помню по речке».

Ответить мне — уст не отверзла.
В текущие скрылась стада.
Ушла... Укатилась... Исчезла
В пучине морской навсегда.

А море — величия взмах!
Волны в нем не сыщешь уже.
Остались лишь соль — на губах,

Да горький осадок — в душе.

ЮРМАЛА. УТРЕННИЙ ПЕЙЗАЖ

Юрмала — солнце сплошное!
Осень. Пески золотые.
Слышатся песни прибоя —
Вечные и молодые.

Волны узоры рисуют,
Нежно пыланье рассвета.
Даже вороны ликуют,
Радостью жизни согреты!

Море, деревья и осень —
Счастье почти неземное...
Между чернеющих сосен —
Солнца гнездо золотое!

СЕВАН

На высоте, где голубой простор
Вдруг обернется позабытой сказкой,
Севан увижу —
В чаше гулких гор
Мерцает, как нектар лозы армянской!

Севан спокоен.
Появились звезды
И смотрятся, как в зеркало, в него...
О, как целебен чистый горный воздух!
Вдохнешь — и жизнь прекраснее всего!

Здесь чувствуешь особенную связь
Между людьми,
Природою,
Веками...
И, может быть, тихонечко смеясь,
Русалки здесь купаются ночами...

Ручьи в долины убегают с гор,
Да и в долинах высыхают воды,
Но до краев ты полон до сих пор,
Севан, Севан,
Жемчужина природы!

Влюбленный сердцем в эту красоту,
Завидую Севану, может статья...
И если покорю я высоту,
На ней мечтаю так же удержаться!

МАРТИРОС САРЬЯН

И краски, и цвета, и свет, и тень,
и песня гор, и горный воздух пряный —
все это перед нами на холсте,
мы — в мастерской Мартироса Сарьяна.

Задумался... Посмотрим на творца,
как сам глядит он на свои творенья:
молчанье, руки и черты лица —
в нем все для нас исполнено значенья.

Морщины, что на лик его легли,
прочерчены годами долгой жизни,
они — как горы на лице земли,
вершины древней и святой Отчизны.

Мы видим руки мудрые его —
лежат они задумчиво и чутко,
в них скрыты мощь, и страсть,
и мастерство,
они все ищут красок, эти руки.

...Гостей встречает горная страна,
но нам уже знаком здесь каждый камень,
как будто бы Армения сама
сотворена его, творца, руками!

ГОРЫ

Встречают горы человека,
Застыв в величии своем,
Как копья каменного века,
Вонзившись в тучи острием.

Среди горящих бездн и молний
Когда-то в древние года
Вскипели каменные волны
И затвердели навсегда.

Неколебимые вершины
Горды небесной высотой,
Стоят в молчанье, как мужчины,
Поскольку нрав у них мужской!

Смотрю на скалы и немею.
Как до сих пор я жил без гор?
Неужто вправду не сумею
Затеять с ними разговор!

Отныне буду я стараться
Любовь вершин завоевать...
Как быть мне —
Жить в горах остаться

Или с собою горы взять?!

ОСЕНЬ В ГОРАХ

Осень торжественно ходит в горах,
Медною грустью склоны укрыв,
Медною грустью склоны укрыв,
Стынет осенний мотив на губах.

Краски горят, и звенит синева.
Горы осенние! Осень в горах!
Горы осенние! Осень в горах!
Здесь и поэта бессильны слова.

НОЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ночная жизнь
Кипит перед глазами!
Вверху, внизу —
Огни, огни, огни...
А сколько звезд
Рассыпано над нами —
Как окна неба
Светятся они!
И через них
Видна мне бесконечность —
Как будто мы
В бессмертие глядим...
Из окон неба
Мне мерцает вечность,
И руки
Я протягиваю к ним!

ПРАЗДНИЧНЫЙ ВЕЧЕР В ДЗИНТАРИ

Мы в Дзинтари праздник встречали —
Ты помнишь янтарную ночь?
Мы тосты без слов поднимали,
А мысли печальные — прочь!

За осень!
За праздничный вечер!
Смотрела любовь на меня...
Горели на столике свечи —
Два сердца живых, два огня.

С картин допотопные звери
Смотрели, драконам сродни,
Но мы не боялись, поверив —
Влюбленных не тронут они!

А стены зеркальными были,
И тени плясали в углах.
Друг друга вдвойне мы любили,
Как двое в немых зеркалах.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Здравствуй, Казань! По тебе так скучал я,
Город мой, чайка над волжской водой.
Радостно мне, приближаясь к причалу,
Вновь любоваться твоей красотой.

Сердце народа тебя излучило,
Светлое чудо над темной волной.
Наши сердца наполняются силой,
Стоит увидеть нам облик родной.

Сююмбике улыбаюсь опять я —
Как не гордиться, что с нею знаком?
Улицы мне раскрывают объятия.
Здравствуй, Казань — и святыня, и дом!

Трудно мне стало надолго прощаться,
С мыслью о доме по свету кружить.
Здесь — и невзгоды, и радость, и счастье —
Все, без чего на земле не прожить.

Как о любимой, в пути вспоминаю,
Где бы я ни был, но тянет сюда...
Прав ли, своей называя, — не знаю;
Чтоб ни случилось, я — твой навсегда!

НАД КАЗАНЬЮ

Крыльями
Яркую синь
Разрезая,
В небе огромном
Блистая,
Сверкая,
На развороте
Меня
Самолет
Выше и прочь
От Казани несет!
В ней —
Мои радости,
Будни
Заботы,
В ней — передраги,
Порою невзгоды...
Смотрит Кабана
Единственный глаз,
То ли печалюсь,
То ли смеюсь.
Вот и Казанка
Меня провожает.
Только по мне ли

Слезу проливает, —
Вечно загадочен
Город большой,
Хоть я к нему
Прикипел
Всей душой.
...Меньше и дальше
Мой город любимый,
Нежный и жесткий,
Необходимый.
С ним неразрывная
Тянется связь,
В сердце вонзаясь,
Тоской становясь.
И небо немило,
Здесь сердце страдает,
Считает:
В Казани меня не хватает.
Пилотам в полете
Мешать не велят,
Но как попросить мне:
— Давай-ка назад!

И ТЫ ТОСКУЕШЬ...

И ты скучаешь по деревне...
Да, не утратив остроты,
Тоска по ней во мне то дремлет,
То жжет. Но что тоскуешь ты,

Понятыя не имел об этом.
Хоть мог додуматься не вдруг:
А ведь не надо быть поэтом,
Чтоб ностальгии знать недуг.

Молчишь, печаль свою скрываешь.
Но чувства разве не ясны,
Когда украдкой напеваешь
Те песни милой стороны.

Я вижу, как ты изменилась —
Грустней глаза с недавних пор.
Но, дорогая, сделай милость,
Переживаньям дай отпор!

Иначе прошлое нахлынет
Воспоминанья без числа.
Померкнет явь и сон покинет,
И вкривь и вкось пойдут дела.

Непросто сладить с ностальгией, —
Всесильная сродни любви.
Чтоб не попасть в тиски тугие,
Ее ростки в себе дави!

Потом ничто уж не поможет.
Мной тяжкий опыт обретен:
Костер тоски притихнуть может,
Но, желтый, снова вспыхнет он.

Но если вновь лишат покоя
Тебя родимые места,
Пусть буду рядом я с тобою,

Твою печаль пойму всегда.

Грустить одной мы будем грустью
По дальним речкам и полям...
Хотя Казань уж не отпустит,
Тоска по ней знакома нам.

ОГНИ КАЗАНИ

Какое чудо!
Как во сне...
Нет, наяву, со мною!
Я слышу город в тишине
мелодией ночью.
Цветною музыкой
душа
объята, как пожаром.
Как несказанно хороша
Казань!..
За что мне? —
Даром!
Вокруг мерцает
мир чудес,
мелодии и лада.
Я слышу —
звездный хор с небес.
Нет, лунную сонату!
Услышать эту красоту
случается
не часто.
Гляжу в ночную темноту
и ощущаю
счастье!

ЗОЛОТОЕ ЯБЛОКО

Ты сказала: «Я твоею стану.
Но из сада райского сперва
Золотое яблоко достань мне, —
Подтверди красивые слова».

Не хотел оплошки ни за что я,
Ты так много значила в судьбе.
Яблоко принес я золотое,
И оно понравилось тебе.

Так вот нам для счастья золотого
Яблока хватило одного...
Ты простила даже, что его я
Утащил из сада твоего.

ЛЮБОВЬ ОСТАВЛЮ НА ЗЕМЛЕ

Хотя, наверно, тяжелей
Уйти в безмолвье одному,
Любовь оставлю на земле,
Ее с собою не возьму.

Пусть живет за годом год,
Тепла и света не тая,

Через столетия идет,
Неугасимая моя...

И в отблеске ее огня
Неведомо в каком краю
Такой же юноша, как я,
Увидит милую свою.

И вспыхнет новая любовь,
Когда придет ее пора, —
Мою не повторяя вновь,
Похожей будет, как сестра.

Любовь оставлю на земле,
Ее с собою не возьму...
Хотя, наверно, тяжелей
Уйти в безмолвье одному.

ПТИЦА МОЕЙ ЛЮБВИ

Ты сейчас далека,
И в ненастные дни
Под высокие окна твои
Будет птица слетать —
Ты ее не гони,
Это вестница нашей любви!

И хотя до поры
Безымянна она,
Но даны ей родные края.
Эта птица на свете
Всего лишь одна —
То надежда и нежность моя!

Эта птица — душа
Моей чистой любви
И отрада в нелегкой судьбе.
Ты окно отвори
И ее позови —
Прилетит она снова к тебе!

Я прошу: не дивись,
Что она не поет,
Только молча сидит на окне...
Твою грусть незаметно
Она заберет
И обратно вернется ко мне.

Если в мире однажды
Не станет меня,
Может, скрасит она твои дни...
Ты ее не гони
Среди белого дня,
Мою душу, прошу, не гони!

БУДУ ЛЮБИТЬ!

Клясться тебе я не стану
С неба звезду подарить.
Знаю ведь, что не достану,
Попусту что говорить.

Не обещаю богатой
Жизни в парче и шелках.
Ясно, что серебра-злата
Нет у меня в сундуках.

«Жизнь за тебя положу я,
Грудью закрою от бед...»
Если такое скажу я,
Ты засмеешься в ответ.

Буду любить — и всего-то,
Слово даю тебе в том!
Как? — не отвечу сегодня,
Вместе узнаем потом.

КЛАРЕ

Я для тебя, должно быть, горесть,
Я — слезы горькие твои.
Но что поделать, если горечь
Неотделима от любви!

И чем сильнее наше чувство,
Тем больше мук приносит нам.
И на сердца ложатся густо
Рубцы обид, за шрамом шрам.

Прости же мне страдания эти,
Я болью мучусь и виной...
Но разве мы хотим на свете
Иной судьбы, любви иной?

* * *

Уйдя однажды от тебя,
Я слово дал —
Не возвращаться.
И все-таки вернулся я —
Не выдержал,
Не смог сдержаться.

О чем тут долго говорить?
Сейчас ты обладаешь властью
Навеки счастьем одарить,
Навеки ниспослать несчастье...

ДАВАЙ-КА ЖИТЬ ПО-СВОЕМУ

Седешь... Дело ясное,
Что я повинен в том.
Хотя по мне прекраснее
Ты с этим серебром.
Наслышалась ты всякого,
Должно быть, от людей:
Мол, все мы одинаковы,
Мужик — всегда злодей.
Что спорить с ними даром нам,
Судачить о пустом?
Навряд ли станем старыми,
Пока с тобой вдвоем.
Пока люблю всем сердцем я,
Как пылкий мальчуган,
Тебя, когда ты сердишься,
Ворчишь по пустякам.
Но вот уже смягчаешься,
Стихаешь — и в момент
Девчонкой отзываешься
На скудный комплимент.
Я таю сам, как девица,
И мир светлей вокруг,
Когда ты за безделицу
Нахваливаешь вдруг.

В слова не то чтоб верится,
Но кажется опять:
Все к лучшему изменится,
Обидам — не бывать.
Давай-ка жить по-своему,
Оставшись в молодых!
А верящий в злословие
Пусть думает по-своему,
Живет на свой салтык.

ЕСЛИ ТЫ БУДЕШЬ МЕНЯ ВСПОМИНАТЬ...

Если ты будешь скучать без меня,
То посмотри в небеса над полями —
Там на исходе осеннего дня
Белые лебеди машут крылами.
Разве в любви мы не так же летим
Над беспредельным земным океаном?
Лебеди будут
знаком моим,
Лебеди будут
твоим талисманом!

В небе ты будешь искать лебедей,
Преданность нашей любви сохраняя...
Только прошу: не горюй, не жалея,
Если за облаком скроется стая.

Ведь, перелетную песню запев,
Лебеди рвутся к небесным пределам...
Сколько таких лебедей, улетев,
В небе растаяли облаком белым!

Если ты будешь меня вспоминать,
То облака, проплывая над нами,

Белым кочующим птицам под стать
Плавно и нежно помашут крылами.

Облако низко летает — лови! —
И хороводом снежинок кружится...
Эти снежинки, как слезы любви,
Тают сейчас у тебя на ресницах.

ИЗ РАННИХ СТИХОВ

Я ПО-ПРЕЖНЕМУ...

Я по-прежнему поэт, брат.
Я мечтатель. Не вини!
А в душе моей поныне
Все гнездятся соловьи.

До сих пор брожу по звездам,
Путешествий дальних бард.
Я мальчишка из деревни —
Городу не так уж рад.

Все еще серьезно верю
В красоту и доброту.
Что имею — тем доволен,
Не люблю и суету.

Я люблю и ненавижу —
Мне без этого беда.
Я доверчивый, как прежде,
И беспшанный, как всегда.

Как и в детстве, сердцем мягок
И наивен, как дитя.
Кто-то думает, наверно, —
«Не все дома» у меня.

А карьера? Что карьера:
Я всего — простой поэт.
То пишу стихи, то рву их
Терпеливо много лет.

Пусть кто хочет обсуждает,
У меня сомнений нет:
Почему-то я уверен —
В мире должен быть поэт, —

Хоть единственный...
А все же
Интересно мне порой,
Чем кончают бедолаги,
Сутью схожие со мной.

МОИМ ЧИТАТЕЛЯМ

С вами говорю, с друзьями...
Пусть я для других — слабак.
Но не лез я со стихами
Ни к кому из них. Ведь так?

Пусть меня не почитают,
Я слезы не уроню,

И на тех, кто не читает,
Я обиды не таю.

Впрочем, я ведь их не знаю,
Мне и дела нет до них,
Им стихов не посвящаю...
Лишь для вас звучит мой стих!

И в меня, друзья, уверен,
Вы, как прежде, влюблены,
Потому что сам, наверно,
Я такой же, как и вы.

Сокровеннейшие мысли
Поверить я вам привык,
И для вас, для самых близких,
Не иссякнет мой родник.

Да, я часто улыбаюсь,
Но душа моя в слезах...
Вашим горем огорчаюсь
И печалюсь я в стихах.

Чем я памятен вам буду?
Может, песнею моей,
Что надежду дарит людям,
От которой мир светлей?!

Я пишу, пока мы вместе!
С вами плачу и смеюсь...
Я без вас — пустое место,
В чем признаться не боюсь!

А КАПЛИ МОЛЧАТ...

Пришел к тебе я, встрече рад,
С нарциссами в руках.
Живые капельки блестят
У них на лепестках.

Но ведь не только же роса
Способна так сиять.
И где роса,
И где слеза —
Ты можешь распознать?

Иль нечего сказать тебе,
Любуясь на цветы?
Похоже, что в своей судьбе
Тоски не знала ты.

Ты — как счастливое дитя.
И слезы не горчат,
Они — росинки для тебя...
А капельки молчат.

Ты сейчас дочь Агидели,
Поклоняешься лишь ей.
Волны всю тебя одели...
Снишься в сумраке ночей.

Агидель тебя купает,
И влажна твоя коса.
Почему смех замирает,
И грозу таят глаза?

Я к тебе стремлюсь душою,
Сколько можно ждать любя?..
Агидель своей волною
Пусть ласкает за меня!

ТОСКУЯ О ТЕБЕ

Гляжу на вишни — трепещет сердце.
О, этот сок вишневый на губах!
Я вспомнил скрип садовой низкой дверцы
И девичий румянец на щеках.

Ах, яблоки! Соперничать с зарею
Окраскою вы можете вполне.
Румяных яблок я коснусь щекою —
Быть может, малость полегчает мне...

И небосвод бездонно-синеокий
Любимых глаз напомнит нежный цвет.
Ручей журчит, как голос твой далекий,
Он так похож, что мне спасенья нет!

Не знаю я, что памяти дороже!
Ласкает кудри ив моя рука...
Ты обо мне, видать, тоскуешь тоже —
Все холоднее Белая река!

МОЛЬБА

Я понимаю: все напрасно.
Но не забыть мне лик твой ясный.
И ты меня не забывай.
Приснись, прошу тебя, однажды
Живой водою в зной и в жажду.
Приснись, — и в сердце вспыхнет май!

Минуты счастья не вернуться.
Но разве трудно улыбнуться
Тому, кто так в тебя влюблен?
Надежды малой не теряя,
Лишь об одном прошу тебя я:
Войди в мой сон, войди в мой сон!

Ничем тебя я не встревожу.
Ты всех на свете мне дороже.
Пойми меня и не сердись.
Чтобы всегда твой облик милый

Звездой заветною светил мне,
Прошу: в последний раз приснись!

НЕТ, НЕ ПОЕТ...

В клетке — как птица, певунья-душа,
Мелодична, прекрасна собой.
Я спрошу, эту клетку держа:
— Как ты терпишь?
Прошу тебя, спой!

Я прошу...
Но до песни ли ей!
В темноте угасает она.
Снятся птице просторы полей,
И лесная звенит тишина.

В клетку песню сажай не сажай,
Но свободна она все равно!
Ну а птица, попавшая в «рай»,
Лишь клюет золотое зерно.

Не дано уже голоса ей,
Хоть порой и пытается петь,
И о том, что она — соловей,
Не припомнит, наверное, впредь...

В ВОЗРАСТЕ ТУКАЯ

Он пел и в зной, и в стужу
Лишь совести в угоду,
И певческую душу
Оставил он народу.

Горит, наверно, в каждом
Его души частица —
Так и в меня однажды
Вошли его страницы.

Как я, он столько прожил —
Немного ведь, признаться,
Но лет хватило все же,
Чтоб на века остаться!

Живу, не умирая, —
Поскольку рановато,
Но с возрастом Тукая
Прощаюсь виновато.

МОНОЛОГ ВИКТОРА ХАРЫ

Гитара тысячструнная
в руках у меня.
Песни протеста —
жизнь,
борьба
и страдания!

Вот стадион в Сантьяго —
здесь среди белого дня
По числу убитых
идут соревнования.
Здесь — все друзья мои!
Пришел я, заранее зная,
Что не вернусь.
Но песня моя не спета!
Я — Лорка!
Джалиль!
Фучик!
И, умирая,
Громко я запою:
«Не умирают поэты!»
Разве возможно песню
в наручники заковать?
Она разлетится ветром,
дождем на землю прольется.
Истерзанные руки
будут гитару держать,
Громоподобным эхом
песня моя отзовется!
Пусть я погибну —
в мире
сердцем останусь чистым.
Я — поэт свободы!
Я — Виктор Хара.
Даже песни моей
очень боятся фашисты,
Рядом со мной — моя
повешенная гитара.

БАЛЛАДА О СУМАСБРОДНОМ ПАРНЕ

Как буря,
Он любил шуметь,
Он был шальной, как вольный ветер.
Не мог спокойно он гореть —
В метаньях жил на белом свете!

Петь не любил и не умел,
Не верил в песню этот парень.
Гармонь он видеть не хотел
И равнодушен был к гитаре.

Но удивил он всех кругом,
Когда, стуча и громыхая,
Влетел в студенческий наш дом,
Гитару
К сердцу прижимая.

Он заиграл. В один момент
Я понял —
Слушать будет сложно.
И непослушный инструмент
Ругал приятель мой безбожно.

Он струны рвал, и резкий звон
И стон гитарный раздавался,
Как будто проволоки он

Колочей
Пальцами касался!

Пылало Чили в этот год,
Узнали мы о смерти Хары.
Играл мой юный сумасброд,
Душа рыдала из гитары!

В тот день для Хары он играл,
Не мог он с Харою проститься!
Он сердцем
В Чили улетал.
Гитара билась, словно птица.
...Нас разбросала жизнь потом —
Не все так просто в этом мире,
И как-то я узнал потом,
Что он работает в Сибири.

Нашел работу он себе,
Себя почувствовал при деле,
И все наладилось в судьбе,
Летело время,
Дни летели.

Работы парню много есть
На важной стройке комсомольской...
И вдруг пришла оттуда весть,
Что смертью он погиб геройской.

Погиб,
Рискуя жизнью, он,
Чтобы друзья в живых остались...
И над землей пронесся звон,
Как будто струны оборвались!

Над ним смеялись иногда
За то, что неразлучны были
Он и гитара,
Но беда
Пришла — вдвоем похоронили.

Летят, как прежде, звуки струн,
По всей земле поют гитары.
...Он был отважен,
Честен,
Юн
И так похож лицом на Хару!

В ГОСТИНИЦЕ «АНГЛЕТЕР»

Здесь последняя песня Есенина.
Крах надежды. О жизни мольба.
Неизбывное горе осеннее:
Одиночество? Вечность? Судьба?

Как найти смерти той оправдание,
Непостижное сердцу, уму?
Непомерное бремя страдания?
Почему? Почему? Почему?

Дань безумству (от предков наследие)?
Пусть бы рухнули стены тогда.
Не свершилась бы эта трагедия.
Никогда! Никогда! Никогда!

Если б друг подоспел во спасение,
Если в час тот хватило бы сил,
Сам себя светлый гений Есенина
Воскресил! Воскресил! Воскресил!

Ожидание чуда бесцельного?
Зыбкой жизни оборвана нить...
Не исправить ошибку смертельную.
И поэта нельзя воскресить.

Ни отмщенья воздать, —
От врагов защитить, —
Нельзя оправдать!
Нельзя осудить!

ОСЕННИМ УТРОМ

Ну, вот и осень наступила,
В росе — увядшие цветы,
Деревья шепчутся уныло,
Сады осенние пусты...

Кружатся листья золотые,
Лучей зари не тяжелей...
И над светлеющей Россией
Несется песня журавлей.

ЗЕЛЕНЬ. МОЛОДОСТЬ. ПАМЯТЬ

Цвет обновления жизни — зеленый.
Как хорош на земле обновленной!

Вся она звоном зеленым полна.
Молодость. Небо. Надежда. Весна.

Мир беспечальный ликует, смеется.
Молодость. Песня. Влюбленность и Солнце.

И на минуту стихает страна...
Год 45-й... Победа... Весна...

ГНЕЗДЫШКО

Гнездышко пустое
Посреди снегов
Налито литою
Стужей до краев.

Видно, минул снова
Понапрасну год.
Птенчика бывшего
Зря пустое ждет.

Только ветер-птица
И гостит в гнезде.
Ветру угнездиться
Не дано нигде.

Тихий сад застылый.
Черно-белый вид.
Холодно. Пустынно.
Гнездышко дрожит.

Да и сам я зябну,
И щемит в груди.
Не согреть тебя мне,
Гнездышко, прости!

СЛУШАЯ ПОЛОНЕЗ ОГИНСКОГО

Огинского
Старинный полонез
Играет кто-то
Иступленно
И в нотах
Горькую тоску
Вновь открывает
Изумленно.

А человек
Стремится вдаль,
Как не понять
Его печаль?..
Прощенья просит
У Отчизны..
И знает,
Больше никогда
Он не вернется к ней
При жизни.

Душа трепещет,
Ну, а мысли
О жизни песни
И о смысле жизни...

РОДИНА

Порою с горечью корят:
Мол, равнодушны молодые —
Так неохотно говорят
Про чувства, самые святые.

Мы выставляем напоказ
Любые чувства, но не эти...
Поверьте, нелегко для нас
Сказать про главное на свете.

Для нас простор земли родной
Всего любимей и дороже.
Не меньше неба над страной
Любовь сыновья к ней, — и все же

Твердить: «Люблю я» вновь и вновь —
Не по-мужски. И не словами,
Мы — как Джалиль — свою любовь
Докажем Родине делами.

Поступок — не словесный пыл,
Пожалуй, повесомей будет...
А кто и как ее любил —
Так это Родина рассудит.

ПЕСНЬ РОДИНЕ

Уж день погас,
и ночь настала...
 О, как ты,
 Родина,
 устала!
Зажглись вечерние огни —
Не беспокойся, отдохни.
Ведь зорко смотрят в темноту
Твои солдаты на посту!

Пора уснуть
 земному миру,
 ведь отдых
 нужен и батыру.
О, Родина!
Зажглись огни —
Не беспокойся, отдохни.
В ночи горит влюбленный взгляд —
Твои влюбленные не спят!

Назавтра
 солнцем, синевою
 нас встретит
 утро трудовое!
О, Родина!
Горят огни —
Не беспокойся, отдохни.
Выводит перышко строку —

Твои поэты начеку!

* * *

Душа моя и мечется, и рвется,
Но так ли нужен мне покой — не знаю...
Пока горит душа и сердце бьется,
И я живу, и я любить дерзаю!

Живу! И разве есть покой при жизни?
Пускай душа спокойствия достойна,
Пускай спокойно небо над Отчиной, —
Душа моя,
 как прежде,
 беспокойна!

ЕСЛИ ГОРЕТЬ...

Если гореть, то — гореть, а не тлеть!
Если гореть, то гореть до конца.
Сжечь свое сердце нужно суметь
Так, чтоб зажечь и другие сердца.

Можно по-разному жить на земле,
Но, ослепительна и коротка,
Молния мир озаряет во мгле,
А не холодный огонь светляка.

Если гореть, то — гореть, а не тлеть!
Сердце для этого нам и дано.
Лучше его мне совсем не иметь,
Если гореть не умеет оно.

Жить потихоньку — почти что не жить.
Веры своей никогда не предам.
Надо работать и надо спешить
Выполнить все, что положено нам.

Не понимаю и не пойму
Тех, кто лениво и праздно живет.
Жизни второй не дано никому!
Что, если эта напрасно пройдет?

РЕКВИЕМ

Услышал сообщение ТАСС —
Погибли космонавты наши...
И стало на мгновение страшно,
Как будто солнца свет погас.

А ведь Земля была близка —
Текли последние минуты,
Мерцали им огни, как будто
Ждала их звездная река.

О, как я им хотел помочь
Избегнуть вечного наркоза!..
И звезды, как Вселенной слезы,
На землю падали всю ночь.

И все-таки живут они
В священной памяти народа!
Нам светят жизни их сквозь годы,
Словно сигнальные огни.

СЛУШАЙТЕ ПАМЯТНИКИ!

Встают победители —
в бронзе, в граните!
Их стать исполинская
всюду видна.
Батыры встают —
и уже не убить их,
Им вечная жизнь
на земле суждена!
Стоят обелиски,
ничуть не старея.
И если найдете
хоть пару минут,
Вы в камне
услышите сердцебиенье —
Солдатские души
в граните живут!
Чтоб каждый прожил
на земле человеком,
Застыв,
как в минуту молчанья, стоят,
Но разницы нет
меж минутой и веком —
Молчанием с нами
они говорят!
О Родине, доблести,
храбрости, чести,
О мужестве
самых последних минут —
Батыры из камня
поют эти песни,
Поют в Бухенвальде,
в Хатыни поют.
Спасли нашу землю
от вражеских полчищ,
Спасли наши села,
поля, города...
Поют они песни священные
молча,
Но тот, кто захочет,
услышит всегда!

ВETERАНЫ

Ветераны приходят
на праздники,
встречи...

где в их честь
произносятся
здравицы,
речи...
А мальчишки глядят
на живых,
настоящих
героев
и на их ордена,
за которые
было заплачено
кровью...
Вспоминают о битвах
минувшей войны
ветераны.
Эти дни
не забыты!
Они —
незажившие раны...
Ветераны стареют.
И время
бежит все быстрее.
Ветераны седеют.
Ряды их
все время
редеют...
Ветераны уходят
один за другим...
Нет! Не умирают —
на войне погибают!
Торжественный гимн
по ним
не смолкает!

МАЛЬЧИКИ

Самых лучших на свете
Мальчишек мы провожаем.
Удачи и счастья желаем...
Они ведь — совсем еще дети,

Не испытавшие горя,
Вкуса вина не узнавшие,
Девушек не целовавшие...
Все у них будет скоро.

Еще предстоит повзрослеть им.
А нам за них еще страшно...
Но вот они встали на страже
Мира на всей планете...

А мы не заметили даже —
Когда повзрослели дети?

Не ждите от меня теорий,
Я обыкновенный лирик.
А лирик по всему настрою,
Он — практик в этом мире.

Любовью душу я терзаю,
Надеждою, разлукой, —
Всем тем, что каждый постигает
Совсем не по науке.

Душа — струна.
Я с ней жестокий.
Не скрою, что порою
Мучительно даются строки,
Вам отданные мною.

Пушай они летят по свету...
Но что-то остается:
Есть тайны даже у поэта,
Есть то, что не поется.

Пушай стихи летят как птицы
Над отчею землею.
Им только бы с пути не сбиться,
Не вымерзнуть зимою...

...Ищу важные мне звуки
В привычном нашем мире —
В слезах, в любви, в звезде разлуки...
Я обыкновенный лирик.

ВОПРОСЫ

КАК УДИВИТЕЛЬНО, КАК СТРАННО...

Как удивительно, как странно:
Я по ночам пишу стихи...
В душе — кипение бурана,
Лесов летящие верхи.

И в ней же — синева без края,
Сияющая тишина,
Печаль высокая такая,
Что поневоле не до сна.

Влюбленность это или старость,
Но не забыться до утра...
В мои года и боль, и радость
Рассудку бы смягчать пора.

НОЧНЫЕ ПТИЦЫ

День — сплошной кошмар,
Для них блаженство — ночь.
Они летят от света фар
Как от пожара — прочь.

В дремучих зарослях своих

Они хозяйки тьмы...
Я все мечтал увидеть их,
Глазастых, как и мы.

Когда я слышал грозный «ух!»
В бескрайней темноте,
Всегда захватывали дух
Глухие звуки те...

Раз только ночью голова
Светлеет у совы,
То я по-своему «сова»,
Поскольку днем — увы! —

Я — как во сне: просвета нет
В заботах, беготне...
Лишь по ночам приходит свет
Поэзии ко мне.

ПОД ДИКТОВКУ

Не сам я стихи сочиняю,
Шальным соловьем не пою, —
Я тихую речь вспоминаю,
Что голову кружит мою.

Бывает, услышу такое,
Что надо писать во всю прыть,
Но нет листка под рукою,
Ни времени, чтоб затвердить.

Удачи случаются редко,
Описки теснятся гурьбой...
Погромче, диктующий Некто!
Слуге ли тягаться с тобой?

Хотел бы сказать хоть однажды,
Что строчку Господь нашептал...
Но, слава Аллаху, пока что
Тукаем себя не считал.

В НЕМОТЕ НАЙТИ ПОКОЙ...

На стихи я стал скупой.
Муза — редкий гость,
Строчки дарит по одной,
А не сразу гроздь.

На стихи я стал скупой,
Подустал от слов.
А казалась жизнь пустой,
Пресной без стихов.

На стихи я стал скупой,
Смолкнуть бы черед...
В немоте найти покой
Сердце не дает.

И МЫ ПИСАЛИ...

И мы писали...
Жизни ритм
Терзали без конца,
Его вгоняли в клетку рифм,
Чтоб умягчить сердца.

Не тает от заклятий лед.
И у кого вокруг
Мы изменили круг забот,
Его стремлений круг?

Тогда — зачем?
А не поймешь.
Такая вот стезя, —
И смысла вроде ни на грош,
И не писать нельзя.

ВОПРОСЫ

Вот что меня тревожит
Среди других тревог:

А так ли будет прожит
Недолгой жизни срок?

Не зряшно ли горенье,
Работа на износ?

Чем наше поколение
Запомнится всерьез?

Дорогой опустелой
Кто двинется вослед?

И начатое дело
Продолжат или нет?

А песни наши снова
Споет ли кто потом?

Зерном или половой
В потомках просльвем?

А вдруг съедят проблемы
Житейские живьем?

Не редко ли себе мы
Вопросы задаем?

МАРАФОН

Стремится род людской вперед.
Дорога нелегка.

В движении за годом год
Слагаются века.

Народ мой, тяготы терпя
И не жалея сил,
В том состязании себя
Не раз ты проявил.

И спотыкался ты в пути,
А то — сбивали с ног, —
Тогда и слабый позади
Тебя оставить мог.

Но пыл и в бури не угас,
Тебе ли отставать?
Ты группу лидеров сейчас
Не хочешь покидать.

Вторым дыханьем окрылен,
Еще упорней будь! —
Хотя и труден марафон,
Хотя и долог путь.

Ты проявляй упрямый нрав,
Терпи, коль невтерпеж.
Неужто, старт однажды взяв,
С дистанции сойдешь?

И запинаясь, и скользя,
И падая — вперед!
Ни мешкать, ни стоять нельзя...
И некий день придет:

Рукоплесканьем моря лет
Ты будешь награжден!..
А финиша не будет, нет!
Такой уж марафон.

ЕДИНСТВЕННОЕ

Солнце, хотя и одно,
Но не скупится оно, —
Хватит на всех одного
Щедрого света его!

Неповторимой души
В песню частицу вложи, —
Может ли песен хватить,
Чтобы все чувства вместить?..

Родина в мире одна,
Больше вселенной она, —
И до скончания дней
Хватит простора на ней!

Жизнь, к сожаленью, одна.
Пусть она будет длинна! —
Может ли срока хватить,
Чтобы ее разлюбить?..

* * *

Горести народа моего,
Беды и страдания его
В сердце я мучительно вбираю, —
В ненависть к врагам переплавляю
Горести народа моего...

Чистоту народа моего,
Радости и праздники его
Полнят сердце, не отягощая, —
Я друзьям любовью возвращаю
Радости народа моего.

СПИТ ДЕРЕВНЯ...

Зуфару Хамидуллину

Безмятежно спит деревня ночью...
Всю-то мы ее за пядью пядь
Обошли вдвоем неспешно, молча,
Зная, что нам нужно отыскать.

В поисках своей первоосновы,
Сущего начала своего,
Нашего заветного, родного
Так и не нашли мы ничего.

Может, на заре оно виднее?
Ох, темно вокруг, ох, темнота...
Спит деревня, мирно цепenea,
Собственными снами занята.

Кажется, что прошлое забыто,
Может быть, и след его забыт...
Спит деревня, тишью вся укрыта,
Время спит, в ее объятьях спит.

Только ветер носится вдоль улиц,
Он откуда, из каких времен?
Ночь. Деревня. Слезы навернулись...
Это — ветер. Ну, конечно, он...

ПИСЬМА МАТЕРИ

В часы моих раздумий и сомнений
Беру и перечитываю вновь
Странички материнских наставлений,
Где неразрывны мудрость и любовь.

Откуда гениальность, я не знаю,
У деревенской женщины простой:
Гармония царит в них неземная,
Божественны они любой строкой!

В обычных письмах чудится другое,
Где простота — покров над глубиной, —

Да разве может охватить такое
Душа, обыкновенная собой?

Бездонный опыт вещей озарений,
Слова молитв мне подарила мать.
Как обойтись без этих откровений?
В самом Коране их не отыскать.

Огнем души ее запечатленной
Я очищаюсь от грехов моих.
Читаю письма, вновь замороженный:
В любой строке — проникновенный стих.

Читаю в дни раздумий и сомнений,
Хоть наизусть я выучил его —
Заветный свод Великого Ученья,
Что для меня писалось одного.

ИЛИШЕВСКИЙ САБАНТУЙ

Потный повод вонзился в ладони,
всадник к гриве косматой приник.
Мчатся кони за славой в погоне,
весь майдан многолюдный притих.

Перестали батыры бороться,
жаркой схватке на миг изменив:
шеи выгнув, летят иноходцы,
Бархат пены с удил уронив.

Горячатся, друг друга обходят,
каждый всадник отважен и юн.
Но беда: на крутом повороте
вдруг споткнулся передний скакун...

Мальчик-всадник слетел с него...
Сжалось у меня сразу сердце в груди.
Мальчик плакал, не боль это — жалость
к скакуну. Ведь он был впереди...

Конь и мальчик забыты мгновенно,
победитель в почете зато...
Я подумал: «Сойди лишь со сцены,
вмиг забудут, не вспомнит никто!

Победители сразу найдутся,
если ты оплошал, не дай бог...»
Что тут делать, коль может споткнуться
даже конь о ногах четырех!

Я БЫЛ БЫ МАЛЬЧИШКОЙ ЧТО НАДО!

В светлое отрочество
Мысли часто рвутся.

До чего же хочется
Мне туда вернуться!

Разве в жизни главное
Перья да бумага?
Приняли б как равного
Пацаны в ватагу.

Я бы в ваши правила
Смог четко уложиться.
Я бы вам понравился,
Чтоб мне провалиться!

Я бы снова играми
Увлёкся до упаду,
А действующих на нервы мне
Отделал бы как надо.

На любое дерево
Я как рысь взлетаю,
Что с добычей делают,
Классно понимаю.

Девчонок, как положено,
Дергал бы за косы,
Но только осторожно,
В шутку и без злости.

Прыгал бы по садикам,
Изранившись при этом,
Ноги в цыпках, ссадинах
Ныли бы все лето.

Из носу бы дождичек
Тер я рукавами.
Носил складной бы ножичек
С восемью ножами.
Скакуна горячего
Укротил при детях
Плеткою порядочной
Ремешков так в десять!

Где-нибудь за банями
Выкурил чинарик,
Став в глазах компании
Крутоватым парнем.

Или, в крайнем случае,
Отсиделся рядом, —
Мол, мама огорчается,
Объяснив ребятам.

Где конфеты спрятаны,
Отыщу в два счета...
С такими-то талантами
Как не быть в почете?

А усы — сбиваются.
Главное — есть порох...
Как же получается,

Что мне давно за сорок?!

* * *

Скакун-буран ли это пролетел,
Со снежной девой, мчащейся на нем?
А может, лебедь белый захотел
Погладить землю шелковым крылом?

И каждый клен притягивает взгляд:
На ветви иней жемчугами лег.
Таким узором вышитый наряд
Я подарил тебе бы, если б мог.

Как нынче долго тянется зима...
И сквозь снега и холода спеша,
Сводя нерасторопностью с ума,
К весне торит свой путь моя душа.

Среди зимы журчит душа моя,
Из-подо льда пробившийся ручей.
Войду в весну, — но выберусь ли я
Живым-здоровым из желанных дней?

Уже сейчас разумным не зови,
В разливе чувств уже сейчас тону, —
Я так и таю от шальной любви...
Так в чем винить прекрасную весну?

ВСЕ ВЫШЕ, ВЫШЕ...

Ах, как синее небо свод,
Какой простор без края!
Он птицу певчую влечет,
Зовет, не умолкая.

Для песни ей земля тесна,
Как песне в сердце тесно.
Напев наполнит вышина
Гармонией небесной.

Должна наполнить, ведь не зря
Даны певунье крылья!
Легко, мелодию творя,
Уверовать в всесыле...

Так выше, выше, в синеву,
Все ближе, ближе к солнцу!
Сбылись мечтанья наяву,
Какая песня льется!

...Все выше, выше надо мной
Пичуга точкой тает.
Уже ни звука до родной
Земли не долетает.

Возможно, в песню перелить
Она сумела чувства,
Но мне уже не оценить
Высокого искусства.

А если даже бы и смог,
Все представлялось мне бы:
Тоскует тополь, одинокий,
По улетевшей в небо...

* * *

Если мучительно ищешь, всерьез —
сотни ответов на каждый вопрос:
белое кажется черным,
черное кажется белым...

Как находить среди тысяч людей
только хороших и верных друзей?
Каждому верить готов я,
но существует и подлость...

Но, ошибаясь опять и опять,
я никогда не устану искать
верное, истинно верное
и потому — прекрасное!

КУВШИН

Поражали своей красотой
Устремленные ввысь минареты,
И о башнях с луной золотой
Сочиняли газели поэты.

Но судьба рукотворных вершин,
К сожалению, недолговечна —
Нам остался скудельный кувшин,
Да и он разломился, конечно!

Этот древний кувшин... Для чего
Мы в земле черепки собираем?
В тонко слепленных стенках его
Встретить джинна мы не ожидаем.

Да и сами — неужто с вершин
Лишь кувшином укатимся в вечность?
Но не глиняным будет кувшин —
И прочнее всего человечность!

БИЛЯР

Гуляет ветер по Билиару,
Осенний ветер заполошный,
Затосковавший, словно пьяный
От неприкаянности тошной.

А было время — здесь тягались
Батыры перед знатью праздной,
И мурзы распознать старались,

За коим шах следит пристрастней.

И кто глупее, кто умнее —
Неважно через поколенья...
Лишь сиротливые каменя —
Останки давнего кипенья.

И только мох, и только ветер,
Да в песнях — смутное виденье, —
Как будто не было на свете
Биляра пышного цветенья.

Истории сурово сито,
Дошли — обломками Биляры...
Пока мы живы, не забыты,
О чем ругаемся, татары?

По нраву нам сценарий старый,
Другие — словно невозможны...
Гуляет ветер по Биляру,
Осенний ветер заполошный.

ТАКАЯ СТРАНА...

Криком кричи, но проси не проси —
мимо пройдут, бормоча и смеясь.
«Вот оно!» — прямо к глазам поднеси ...
Видеть не надо, чтоб втаптывать в грязь.
Это страна глухих.
Эта страна слепых.

Сходят за ум пустозвонство и спесь,
Пьянство положено чтить и любить.
Бога бояться не принято здесь,
А воровать — не грешнее, чем пить.
Странной стране никогда
Не умереть от стыда.

МОЛЧУ...

Все замечаю, что вокруг творится.
Загадок мало в зрелище таится.

Их разгадать — нехитрая задача.
Но я молчу, в усах усмешку пряча.

Изрядный риск в несдержанных улыбках,
Учиться лучше на чужих ошибках.

Все понимаю и на ус мотаю.
Но лицедей я, действие наблюдаю.

Чтоб зрителя артисты не побили,
Уместнее казаться простофилей.

Все ясно. Удивляюсь одному —
Упорному молчанью своему.

А я ведь вижу все, все понимаю,
В комедию с дотошностью вникая.

Вздыхаю. Чтоб безмолвствовать опять...
Гадаю: сколько так смогу молчать?!

КАК НАДО ЖИТЬ

Я накрепко усвоил: в этой жизни
У подлых — преимущество во всем.
Держать в узде злонравие излишне,
Желательно быть первым подлецом.

А скромность и усердие в работе,
Не стоят, извините, ни черта.
Вот разгильдяйство — чуть ли не в почете,
Бессовестность — почетная черта.

Быть обаятельным при случае полезно,
Но лучше — вид суровый, волевой.
Но мало проку в воле разжелезной
Без жесткости, жестокости стальной.

Прочь сантименты! И душа никчёмна,
Поскольку не помощница ничуть
Неутолимой страсти, неуёмной —
Набить мошну, нахапать, утянуть.

Ты хочешь жить как людям подобает?
Тогда воруй! Но осознай сперва:
Твоя удача зависть вызывает, —
Воруй с оглядкой, с долей мастерства.

А на трибуне будь неиссякаем,
Пускай фонтаном добродетель бьет!
Народ простой, он верит краснобаям, —
Врунами презираемый народ.

Где сила — надо видеть с полувзгляда,
Хвостом виляя вовремя притом...
А если жить без всяких этих «надо»,
То лучше быть обычным дураком.

Хотел бы стать, но явно не под силу,
Раздача счастья — не в моих руках.
Таланта ли, ума ли не хватило,
Но в этом я остался в дураках...

КОЛЫБЕЛЬ ЗЕМЛЯ

Колыбель зеленая качается
На подвеске солнечной, а в ней
Чадо несмышленное старается
Люльку раскачать еще сильнеей.

Ох уж, Человечество! Когда-то
Мудрым мне казалось ты. Но нет —
Звать тебя разумным рановато,

Вряд ли вышло ты из детских лет.

Только кроха, в глупости безгрешный,
Да к тому же крайне озорной
Может обращаться так небрежно
Все-таки с единственной Землей.

Ох уж эта жажда развлечений,
Шалостей у бездны на краю!
Тот, кто очень ищет приключений,
Их найдет на голову свою.

А Земле становится все хуже, —
Ты, малыш, на выдумку не хил.
Где же этот взрослый, чтобы уши
Юному пострелу накрутил?

Юным быть прекрасно в самом деле,
Но приходит время поумнеть,
Чтобы из уютной колыбели,
Как с качелей, вдруг не улететь.

Глупое везение кончается.
Вспомни о разумности своей.
...А дитя по-прежнему старается
Люльку раскачать еще сильнее...

МЫ

Кем же мы себя считаем?
Вот вопрос на злобу дня.
Я отвечу: мы лентяям
И нахалам не ровня!

Скромность сделали своею
Исключительной чертой,
Иногда гордимся ею
И смущаемся порой.

И в борьбе, и в разных схватках
Скромно мы себя ведем,
И батыров на лопатки
Аккуратно мы кладем!

С трудностью столкнемся если,
«Караул!» не закричим.
Если празднуем — то с песней.
За столом, смеясь, сидим.

Мы живем в ладу со всеми,
Но в заботах день за днем.
Для забав ли наше время?
Пораскиньте-ка умом!

Размышления об этом
Заставляют быть скромней.

Мы хозяйева планеты,
Но и гости мы на ней!

КУДА ТОРОПИМСЯ?

Куда спешим?
Торопимся — куда?
Сама эпоха, распахнув объятия,
нам отворяет настежь ворота —
и все пути
для нас открыты, братья!
По очереди
в Прошлое идут
часы,
и дни,
и месяцы,
и годы,
и, как старье,
в утильсырье сдают
Истории вторичные отходы!..
И род людской,
чья пестрая душа
испытывает вечную тревогу,
спешит вперед,
по лезвию ножа
прокладывая вечную дорогу!
За годом год —
вперед, вперед, вперед!
Обманчив,
но заманчив путь познания.
Что в Будущее род людской несет?
Осуществит какие предсказания?
Неужто взрывов черные цветы
испелелят весенние, живые?
Стоит земля у роковой черты.
Стоят ребром вопросы роковые.
Покуда связь времен
не прервалась,
на всех лежит вопросов этих бремя.
Куда же время так торопит нас?
Куда мы сами так торопим время?..

И вновь —
за днями дни,
за годом год...
И мир готов взорваться временами.
Неужто зря
нас Будущее ждет?
Ждет и не знает,
что поделаться с нами...

* * *

И бездны на пути у нас,
и скалы — до небес почти,
но разве в мире есть для нас
недостижимые мечты?!

Когда придет конец мечте,
Все сбудется и станет бытом —
Куда мы, по каким орбитам
пойдем, тоскуя в пустоте?!

ВРЕМЯ

Со временем беда,
Сжимается оно.
Сливаются года
В мгновение одно.

Несусь по кругу дел,
Бегу, бегу, бегу.
Я мало что успел,
Я больше не могу!

И все короче век,
И все быстрее жизнь.
Разумный человек,
От гонки откажись!

Но жмем еще сильней,
Мгновенье уплотнив.
Плотней, плотней, плотней,
Еще чуть-чуть — и взрыв!

Куда, сходя с ума,
Летели сквозь года?..
Тьма...Вспышка...Снова тьма...
Жизнь — как щелчок кнута.

ДУБ

Огромный дуб среди лугов
Стоял, как лес густой,
Мелодии былых веков
Наигрывал листвою.

Когда же ветер верховой
С упрямой силой дул,
То разносился над землей
Величественный гул.

Заветных песен миллион
Теперь не услышать.
Под корень кем-то срублен он
И брошен усыхать.

Сухие ветви, как укор,
Пейзаж беднее стал.
И опустел вокруг простор,
И душу потерял.

Теперь поля вокруг грустны,
Спокойней ветерок.
Прости, земля, твой старший сын
Бывает и жесток.

Тот дуб повержен, как солдат,
И не скорбеть нельзя...
И птицы с криками кружат,
Оставшись без жилья.

ЧЕРНЫЕ КАМНИ

Здесь шепчут прошлые века мне:
Издревле на земле родной
Лежат разбросанные камни —
Чернее сажи вековой!

Лежат они, напоминая
Тех сказочных богатырей,
Что в песнях и преданьях края
Камнями стали средь камней.

А может, звездами когда-то
Они сияли в вышине,
Давно угас порыв крылатый,
Но он тревожит душу мне!

Чернеют камни, словно птицы
На теле вспаханной земли,
И в небо им не возвратиться —
Глубоко в землю проросли.

ОДА КАМНЯМ

Ваши Величества Камни!
Оды вас воспевают по праву.
Веками выситесь вы над нами,
Веками вы измеряете славу!

Вы были когда-то просто дворцами,
А стали — девятым, десятым веком!..
Сколько нашествий прошло над вами —
Просто страшно подумать об этом!..

Слава богу, что вы — бессмертные.
Стоите себе как ни в чем не бывало.
И чем древнее вы, тем приметнее —
Так история приказала.

Простым камнем, просто строением
Если вас кто назовет, не верьте.
Это — временные настроения,
А время не знает цены бессмертья.

На судьбы людей ваши судьбы похожи.
А высказать свойство — язык мой немеет...
Становится прожитый день все дороже,
А прошлое — просто цены не имеет.

ЗОЛОТАЯ ОРДА

В глубинах степей
Я стою, поражен
Следами племен
И огнями времен.
Как в разливах вода
Здесь бурлили стада...
Золотая Орда!
Золотая Орда!

Здесь грозных земель
Снисходительный хан
Послов принимал
Из немыслимых стран.
Тонули в садах
И лучах города...
Золотая Орда!
Золотая Орда!

Прошел суховей
По барханам песков
Как ветер времен,
Как знаменье веков.
И душу мне рвет,
Полонив навсегда
Золотая Орда!
Золотая Орда!

Я тебя разыщу
В пепелищах костров,
В приметах прошедших,
Грядущих веков,
Чтобы вновь небеса
Озарила звезда,
Золотая Орда!
Золотая Орда!

САБЛЯ

Всю рукоять украсила эмаль,
А сам клинок — синеющая сталь.

Спокойно нам, когда она в ножнах,
И страшно нам, когда она в руках!

Не так уж эта сабля и страшна —
Смотря в чьи руки попадет она!

КОСТЕР

Огонь — агатового цвета!
Где грива красная костра
По ветру вьется до рассвета,
Сижу в раздумьях до утра.

Огонь с людскою схож мечтою —
Он рвется в звездный небосклон,
Он хочет слиться с высотой,
Светить как звезды хочет он!

Костер — столетий эстафета, —
Вот так же предок мой сидел
И зачарованно глядел
В огонь
 до самого рассвета.

СУМЕРКИ

Сумерки...
Сумерки...
День прошел,
Ночь еще не настала.
Светлые очи
Ушедшего дня
Смотрят на нас устало.
Сумерки...
Сумерки...
Свет погас.
Что же нам тьма пророчит?
С грустной улыбкой
Смотрят на нас
Ночи
Темные очи.
Сумерки...
Сумерки...
Смутная тень
Тучи — луна не выйдет.
Кто-то увидит
В сумерках — день,
Кто-то в них ночь увидит.
Сумерки...
Сумерки...
На простор
Двигается тьма ночная...
Сердце!
Скорей разведи костер,
Сумерки озаряя...

НЕ ТРАВИТЕ ДУШУ ПУСТЯКАМИ

Что мы, всех несчастней в этом мире?
Во сто крат бывает хуже людям.

С сердца же давайте сбросим гири
И назло тоске тужить не будем.

Желтизну печали не припишем,
С черным цветом горе не увяжем.
Скулежа унынья не расслышим,
Скорби мировой на дверь укажем.

Все цвета ликующи на свете.
Миром, где живем мы так недолго,
Будем восхищаться, словно дети,
В хмурости не видя много толку.

Не травите душу пустяками,
Никогда на жизнь не стоит дуться.
Радости — под боком, под руками.
Радуйтесь — тогда они найдутся!

ПРИЗЫВ К ПРОСТОТЕ

Тут спорить не о чем:
Давайте
К величию стремиться,
К тому, чтоб интеллектом,
Ученостью своею потрясать!
Давайте удивлять планету
Уму непостижимыми делами...
А все-таки при этом рисоваться
Не станем,
А останемся просты.
Давайте будем трижды гениальны,
Но — будем,
А не только притворяться.
Давайте же не раньше, чем заслужим,
Великими почувствуем себя.
Пускай же безыскусны будут позы
И разговоры,
Обращенья,
Смех, —
Смеяться, никому не подражая,
По-своему давайте,
От души.
И как бы наше время ни кипело,
И сами ни шумели мы,
И как бы ни менялась мода,
Давайте оставаться лишь собой.
Нет ничего прекрасней простоты,
Хотя она дается и не просто.

Но нам ли трудностей бояться?
Во многом мы искусники.
Давайте ж

Изыщем способ безыскусно жить.
И кем бы ни были мы,
Пусть с нами будут
Естественность и простота.
В конце концов
Естественный, нормальный —
Одно и то же...
И если быть великими
Для нас простое дело,
Давайте будем заодно простыми!

СЧАСТЬЕ

Он гнался за счастьем всегда:
«Поймаю — не будет иначе!»
Его не смущали года,
Он верил, что рядом удача.

Известный упорством своим,
Он скорым успехом прельщался,
А счастье... гонялось за ним,
Пока он за счастьем гонялся!

Когда же он знание обрел,
Где счастье скрывалось сначала,
То так далеко он зашел,
Что счастье его не догнало!

СТРУНА

Струна у сердца моего
Одна,
и многие пытались
Сыграть на ней, и — ничего:
Мелодии не получались!

Чтобы сыграть на той струне,
Быть нужно, верно, Паганини,
Но Паганини что-то мне
Так и не встретился доньне!

Красавица мне не видна,
Что пробудить могла бы чувства...
Струна у сердца лишь одна,
Да музыканты неискусны!

УСПЕХ

Желанье было б — прогреметь
Любой сумеет — и на славу!
Но для того ль приходим петь,
Чтоб славу выпить, как отраву?!

Шумевших дерзостная шалость
Громоподобной нам казалась,
Но громких слов их
Не осталось,
Даже следов их
Не осталось!

Судьба у шума коротка —
Он не рассчитан на века!

Пока одни, шумя, дерзили —
Увы, ни сердцу, ни уму! —
Спокойно гении творили,
Верны призванью своему.

Наш век — совсем не простофиля,
Он понимает, что к чему!

Прошла пора, когда в литавры
Лупили, чтоб иметь успех...
До срока высохшие лавры
Печальный вызывают смех.

НАПИСАНО ПЕРОМ...

Творчеству Тукая
Вечность давно суждена.
Поэзия золотая
Чем написана, как рождена?
Разгадка, наверное, в том,
Что писал он пером соловьиным,
Соловьиным, должно быть, пером...

Туфана стихи озаряет
Ослепительная весна...
Поэзия эта живая
Чем написана, как рождена?
Разгадка, наверное, в том,
Что писал он пером лебединым,
Лебединым, должно быть, пером...

Джалиля стихотворения
Незаконченная страна...
Поэзия света и мщенья
Чем написана, как рождена?
Разгадка, наверное, в том,
Что писал он пером соколиным,
Соколиным, должно быть, пером...

НА ВЫСТАВКЕ

В задумках свежих и красе
Занятен этот зал.
Сегодня он на вкусы все
Тукая показал.

Какого тут Тукая нет
И не сказать, бог мой:
Тукай — поэт, Тукай — шакирд,
В общении с Уфой.

Среди друзей. Совсем один.

А вот малыш — Тукай.
Не счесть тематики картин, —
Тукаев — через край!..

Мол, много ликов у него...
Старательно ищу.
Но все Тукая моего
Никак не различу.

То очень полон, то высок,
То богатырь-бабай.
И вроде бы похож чуток,
А все же не Тукай.

Как знать, быть может, этот зал
Нам правду и открыл...
Ведь я Тукая не видал
И с ним не говорил.

Но за Тукая ни одну
Персону не приму.
И я ищу, всю жизнь иду
К Тукаю моему!

ЛЮБЯТ ИЗВЕЧНО ПОЭТОВ...

Любят извечно поэтов!..
Их обвиняют за это,
Обвешивают ярлыками
И затыкают рты.

Любят извечно поэтов!..
Грязью марают поэтому,
Подталкивают к гильотине,
Ссылают в края мерзлоты.

Любят извечно поэтов!..
Затем и изводят наветами.
Ждут их тюремные нары,
Пуля или петля.

Любят извечно поэтов!..
Хлеба лишают за это.
Но если умрет — погребают
В бархате, как короля.

ПИСАЛИ И ТОГДА...

Писали и тогда у нас
От всей души, сполна.
Не хныкали, что, мол, сейчас
Дурные времена.

И как бы ни давили их,
Умели путь найти,
Чтоб самобытный честный стих
До сердца донести.

Поэта часто выручал
Эзоповский язык,

Но он иллюзий не питал,
К поблажкам не привык.

А кто творить совсем не мог —
Причины находил.
Какой ему, понятно, прок
Признать, что мало сил?

Теперь же всем — зеленый свет,
Инструкций нет таких,
Чтоб отправляли под запрет
Любой приличный стих.

С порога стих не завернут,
Простят ему грехи...
Но только что-то не идут
Хорошие стихи!

ПЕРЬЯ

Все себя поэтами считают,
Каждый нынче к творчеству готов...
Серебром и золотом блистают
Перья всевозможнейших сортов.

Кажется, начни писать такими —
Сотворишь шедевров целый том,
Строки будут прямо золотыми,
Зазвенят певучим серебром.

Взглянешь в магазине на витрину:
Господи, а выбор-то каков!
Здесь, должно быть, кроется причина
Нынешнего сонмища стихов.

Как бы за прогрессом мы ни гнались,
Я простую истину постиг:
Все ж пером гусиным создавались
Лучшие из строчек золотых!

* * *

Сердце болит,
Плачет душа.
Рана — горит.
Рана — свежа.

Раны души
Не затушить!
Сердце болит.
Рана горит.

Дни — океан,
Буйство волны!
Тысячи ран
Нам суждены.

Сможет душа
Не постареть,
Если, дыша,

Будет гореть!

Вечность шумит
Над головой...
Если болит,
Значит, живой!

СЕРДЦЕ

Бывает сердцу больно...
Лекарства тебе,
Жена вздохнет невольно:
— Побереги себя!..

Спасибо нашим женам
За правильный совет!
Я с сердцем береженным
Прожил бы тыщу лет,

Но, видно, не умею
Я сердце убересть
И вечно пламенею
В пожаре дел и встреч.

Пусть же сердце бьется,
Горит — костру под стать,
Сегодня жизнь живется,
А завтра — что гадать!

О СЕБЕ

Каков я? Спрошу — и сомнение гложет,
Доверюсь ли чувствам своим?
Кому-то кажусь я хорошим, быть может,
Кому-то кажусь я плохим.

Каким бы меня на земле ни считали
(Других нам судить суждено!),
На всех угодить я сумею едва ли,
Но знаю я твердо одно:

Кто добр, тому доброе делаю тоже.
А зло сотворить — не возьмусь!
Наверно, плохим я кажусь нехорошим,
Хорошим — прекрасным кажусь!

НЕ МОГУ НАУЧИТЬСЯ

К старому знакомому на «вы» —
Кто придумал это обращение?
Словно что-то важное забыл
Или зародилось сомнение.

Странность в обращении таком
Я впервые сознавать стал в школе:
Обдавало явным холодком,
Было стыдно и неловко, что ли.

Блиzkих звать возвышенно-степенно
И сейчас, как прежде, тяжело.
Видно, это заложило в гены
Старое отцовское село.

И друзьям придется мне простить
Эти прегрешенья прямоты:
Я могу на «вы» заговорить,
Но закончу все-таки на «ты»!

СОБАКЕ ПО ИМЕНИ ПИРАТ

Ну, здравствуй, брат —
Почтенный Пират,
Наконец-то я слышу твой лай.
Да и ты, похоже, отчаянно рад,
Волнуешься через край, —

Ведь мы же с тобой давно кореша...
Как умеет дружить твой народ!
От того и скорбит собачья душа,
Что ее не всякий поймет.

Но тебе, Пират, я всегда помогу,
Я тебя в обиду не дам.
«Сукин ты сын!» не скажу я врагу,
Чтобы не льстить врагам...

Хочется мне поболтать с тобой,
Обо всем понемногу, Пират...
Ты нос-то не вешай, покуда живой,
Ведь мы же мужчины, брат!

Из «Коротких стихов»

ЖИЗНЬ

Иду...
И мысль нечаянно приходит,
И улыбаюсь мудрости своей:
Неверно говорят, что жизнь проходит.
Скорее так:
Проходим мы по ней!

ЭПИТАФИЯ

Жизнь не прожить без добрых дел,
Если человеком назывался.
Сделать что-то доброе сумел
Даже этот зверь — когда скончался.

ПРЕВРАЩЕНИЕ

Он убивался, он страдал:
Ведь я в беде.
Такого друга не видал
Никто, нигде...

Но вот мой светлый день настал,
Мой час пришел!
И друг со мной внезапно стал
Угрюм и зол.

СБЫЛОСЬ...

«Я вечностью отмечен, — думал он, —
И в душах след мой не сотрут года».
Титан заснул однажды вечным сном
И канул в вечность. Без следа.

* * *

Сердце мое — в вечном огне,
Не заживает рана...
«Умер Туфан», — сказали мне,
Когда я читал Туфана.

НОЧНОЙ ПЕЙЗАЖ

Рассыпал кто-то жемчуга
По небосводу летней ночью...
Нет, вышивает мне Зухра
При звездах синенький платочек!

СОЛНЦЕ

(эпюда)

Ясный день.
Над головою
Спелым яблоком висит

Солнце — чудо золотое.
Вот дотронусь,
И в ладони
Солнце звонко полетит.

ПЕРЕМЕНЫ

То неспешно, то мгновенно,
Сплошь и рядом, там и тут
Происходят перемены,
Заскучать нам не дают.

От лаптей и древней брички
До космических ракет,
От восторга до привычки
Переменам счета нет.

И не первое столетье —
Так в реке течет вода —
Все меняется на свете:
Песни, мода и года.

С недоверием, но все же
Замечаем иногда,
Что меняемся мы тоже,
Что любовь чуть-чуть не та.

В наших душах перемены.
Как на это ни взгляни,
Но в итоге непременно
Только к лучшему они!

ЖАВОРОНОК

Назару Наджми

«Между небом и землей
Жаворонок вьется...»
Где приют отыщет свой?
Видно, где придется!

До звезды полет далек,
До цветка — не ближе.
Не останься одинок
Без любви и крыши!

Манят птицу небеса
И зовет земляца.
Сердце верит в чудеса,
И трепещет птица!

Продолжается полет,
Труден и опасен...
Но о том она поет,

Что наш мир прекрасен!

Неужели жизнь пройдет
Меж землей и небом?
Я не знаю... Но в полет
К солнцу взмыть и мне бы!

СЕСТРЫ-БЕРЕЗЫ

Эту белизну не мучай,
От ненужных ран храни...
Как душа ее певуча —
Нашей собственной сродни!

И нельзя не видеть слезы,
Что береза тихо льет,
Радость белую березы
Горе белое ее.

И совсем недаром летом
И зимой она бела:
Ей не знаться с черным цветом, —
Ведь душа ее светла.

И березы свет целебный
До конца пребудет в ней,
На прощанье луч последний
Даст она земле моей...

Поклонись березам вечным,
Сестрами их назови —
И они движеньем встречным
Свет зажгут в твоей крови.

ОРЕЛ

Рашилю Файзуллину

Орлу своя потребна высота.
Не для орлиных крыльев теснота.

И правда у него своя. Она
И сладостна, и горечи полна.

Но и орел на суетной земле
Нуждается в единственной скале,

В надежно свитом собственном гнезде...
Ох, как непросто жить на высоте!

Безмерная стихия — для орла,
И в ней свои, орлиные, дела.

А что пониже, то не для него.
И с этим не поделаться ничего.

А ниже — он теряться принужден
Среди крикливых сереньких ворон.

Орел он — в поднебесье, только там.
Он силу придает тогда мечтам.

И сколь высок прекрасный небосвод
Указывает нам его полет...

ДУША

Как ветер и как птица,
Как бури и дожди,
Душа моя резвится
И плещется в груди.

Ей чудятся метели,
Волна сечет волну,
Хотя на самом деле
Она в моем плену.

Душа!
Будь человечной
На страждущей земле,
Чтоб не остаться вечно
У тела в кабале,

Чтоб не ходить кругами,
И с круга не сойти.
И добрыми делами
В грядущее войти!

ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ

Кусты калины у бугра
Еще горят, как шуба лисья,
Но приближается пора —
Пора переселенья листьев.

Кружатся листья! То умрут
И шалью распушатся алой,
То на мгновенье оживут,
Когда подхватит ветер шальный.

Ах, птицы-листья, как же вы
Перезимуете под снегом?
Но не взовьется клин листвы
На юг стремительным побегом.

В преддверье гибели своей
Тускнея, вы мороза ждете,
Но, может быть, еще больней
Вам было б умирать в полете.

И я, как вы, лечу, спеша
Под кров последнего мороза,
И поздней осенью душа
Нага, как белая береза.

Интервью, беседы

ДЕТСКАЯ БОЛЬНИЦА: ОБЪЕКТ НОМЕР ОДИН

*Интервью Е.Павловой — корреспонденту газеты
«Вечерняя Казань»*

Недавно в Детской республиканской клинической больнице состоялось выездное заседание президиума Татарского отделения Советского детского фонда имени В.И.Ленина. Наш корреспондент встретился с его председателем — писателем Робертом Миннуллыным.

— Роберт Мугаллимович, почему местом проведения совещания была выбрана именно ДРКБ?

— Главная задача нашего фонда — забота о детях и помощь детям. И в первую очередь тем из них, кому она необходима экстренно. Так, например, одной из первых общественных организаций, пришедших на помощь детям, пострадавшим от землетрясения в Армении, был Советский детский фонд. В том числе и наше, Татарское отделение.

Сегодня, пожалуй, самую большую тревогу вызывает состояние детского здравоохранения. Я был на пленуме СДФ в Москве и не мог без волнения слушать доклад нашего председателя А. Лиханова, который привел в своем выступлении цифры, свидетельствующие о детской заболеваемости и смертности в стране. Они ошеломляющие. Поэтому СДФ и решил бросить все силы прежде всего в эту область.

Детская республиканская больница — самое крупное многопрофильное лечебное учреждение у нас. Здесь работают первоклассные специалисты. Клиника хорошо оснащена. Но — мы в этом убедились воочию — она переполнена. В палатах, рассчитанных на четырех человек, лежит по 8–12. Нарушены все санитарные нормы. Скажем, если на одного ребенка полагается 7 квадратных метров площади, то при существующей загрузке больницы на каждого малыша приходится в два раза меньше. По словам заведующего кафедрой детской хирургии КГМИ профессора М. Рокицкого, выступавшего на заседании, дети с хроническими заболеваниями легких, подлежащие плановому обследованию, записываются на него в очередь аж на сентябрь следующего года! Скученность в отделениях не только затрудняет работу врачей, но и мешает полноценному лечению детей. В этой связи Совет Министров ТАССР принял решение о строительстве на территории ДРКБ нового корпуса на 300 коек, предназначенного главным образом для обследования и лечения детей из Казани. Кстати сказать, стройка эта осуществляется на средства, заработанные горожанами на Всесоюзном Ленинском субботнике.

— Насколько мне известно, решение принято еще в 1985 году. Как движутся дела?

— Нас тоже очень волнует этот вопрос. Собственно, это вторая причина, по которой мы собрались именно в ДРКБ. Ну что можно сказать? Дела движутся. Но, увы, не так быстро, как хотелось бы и как того требует ситуация, сложившаяся в городе с детским здравоохранением. Посудите сами: срок, отпущенный на строительство — 39 месяцев, начиная с сентября нынешнего года. За три месяца 88-го строители должны были освоить 350 тысяч рублей. Освоили не более ста тысяч. На следующий год им запланировано 800 тысяч рублей (хотя и эта цифра до конца еще не утрясена), тогда как надо было выделить (учитывая сроки и стоимость объекта — 5,6 млн. руб.) по меньшей мере полтора миллиона. Выдача средств такими дозами, да еще такая малая скорость освоения, может затянуть строительство на добрый десяток лет. А детская больница нужна городу уже сегодня! Поэтому наше отделение СДФ и решило взять стройку под свою опеку. Правда...

— Есть сложности?

— К сожалению. Ведь фонд — организация общественная. И хотя мы готовы оказывать строителям всяческую поддержку и помощь, одних наших усилий недостаточно. Хотелось, чтобы такую же заинтересованность проявили партийные и советские органы. Ведь новый корпус — единственный крупный объект детского здравоохранения, строительство которого запланировано на ближайшие годы. А в последних партийных документах неоднократно подчеркивалась приоритетность сооружения именно детских лечебных учреждений.

Президиум нашего отделения СДФ направил обкому КПСС и Госплану ТАССР письма с просьбой взять сооружение корпуса ДРКБ под свой контроль, так как целый ряд проблем, связанных со стройкой, можно решить только на их уровне. Областной комитет партии курирует сегодня немало строящихся объектов производственного и культурно-бытового назначения. Но, на мой взгляд, ничего не может быть важнее и нужнее больницы для детей.

— И последний вопрос, хотя, наверное, уместнее было бы задать его главному врачу ДРКБ. Какие

проблемы снимет ввод в строй нового корпуса?

— В первую очередь, он решит проблему оказания детям города и республики квалифицированной медицинской помощи. Новая больница будет способствовать снижению смертности, улучшению качества лечения. Централизация в клинике основных служб — ЛОР, хирургической, офтальмологической и т. д. — упростит порядок обследования детей. Наконец, в новой больнице будут собраны лучшие медицинские кадры.

Повторяю: клиника необходима. И я надеюсь, что ее строительство, кроме партийных и советских органов, Детского фонда, возьмет под свой контроль общественность города и наша «Вечерка».

1988, 11 января

«В ДЕТСТВЕ ОТКАЗАТЬ!»

**Беседа с В.Якуповой — корреспондентом газеты
«Комсомолец Татарии»**

Кто подпишется под этой фантастической резолюцией? Но на пути к теплоте дому для сирот стоят бюрократы. А кто еще?.. Читайте беседу нашего корреспондента с председателем республиканского Детского фонда Р.М.Миннуллыным.

— Роберт Мугаллимович, перестройка рассеяла миф о счастливом детстве советских детей. Но создание Детского фонда не есть ли очередной маневр нашего государства, переложившего на общественную организацию свои большие проблемы?

— Лживость лозунгов: «Дети — цветы жизни», «Дети — наше будущее» я понял только в должности председателя республиканского Детского фонда. В нашей стране, занимающей пятидесятое место по детской смертности после Барбадоса и Объединенных Арабских Эмиратов, дети — самый бесправный класс, а не самый привилегированный, как утверждала пропаганда. Перестройка должна была начаться с помощи детям, но этого не произошло. Уповать на всеобщую благотворительность проще, чем принять государственную программу по защите детства. Общественное сознание не дошло еще до понимания того, что мы в долгу перед нашими детьми. Иначе, как объяснить тот факт, что список учредителей нашего фонда «худел» на глазах? Немногие отважились на бескорыстный шаг...

— Кто же ваши спонсоры?

— Татпотребсоюз, Татнефтепроводстрой, Татнефть, Татгаз, «Нижнекамскнефтехим», «Нижнекамскшина». Громадную сумму перечислило на счет 707 население республики. Приведу только один пример. Проживающая в Джалильевском доме-интернате для престарелых восьмидесятидвухлетняя Ольга Савотеевна Кукоркина перечислила на наш счет 1000 рублей.

— Какая сумма на вашем счету!

— Почти миллион рублей.

— Как расходуются эти средства!

— Мы заказали дорогостоящие аппараты для детей с плохим слухом. Сделан заказ на мебель для маленьких инвалидов. Перечислены деньги на строительство летних дач для сирот. Оказываем материальную помощь многодетным семьям. Мечтаем открыть санаторий для сирот.

— Значит, фонд не занимается «латанием» хозяйственных дыр!

— Ни в коем случае. Мы оказываем яростное сопротивление всем ведомствам, которые пытаются использовать наши деньги для того, чтобы провести ремонтные работы. А таких попыток делается, поверьте, немало! Я убежден: в наших силах согреть души детей! Чем? Приобщением к искусству, к нормальному отдыху, к праздникам.

— Казалось бы, агитировать в нашем обществе, что помогать сиротам нужно, нет необходимости...

— Откуда такой оптимизм? Я недавно ужаснулся тому, что в толковом словаре слово «благотворительность» определяется как сугубо буржуазное понятие. И бюрократы солидарны со словарем, чинят нам всевозможные препятствия. Полгода мы выбивали мутоновые шубы для детей-сирот воинов-интернационалистов. Бьемся за то, чтобы выбить квартиры для семей погибших в Афганистане. Но даже заявки на телефоны для этих семей не удовлетворены. На всех уровнях находятся бюрократы, которые смотрят на нас как на... бюрократов. Да-да. Подтверждение тому: в помещении фонда нет телефона. А раньше, когда здесь находилась дирекция Ленинского мемориала — телефон был! Или история со спецудостоверениями на льготы для многодетных семей. Московские семьи такие льготы имеют, у нас глухая стена непонимания к инициативе Детского фонда. Знаете ли вы, что ежегодно у нас в республике выявляются 100–120 детей, страдающих онкологическими

заболеваниями? Где для них места в наших больницах? Словом, пора в нашем обществе вывесить другие лозунги: «Осторожно: дети!», «Несчастливые дети», «Помогите детям!» Лицемерие в обществе достигло своих пределов! Мы не знаем нужд маленького человека. Он бесправен, унижен. Если о собственных детях мы еще заботимся, то о чужих голова болит у немногих.

— *Выходит, силы фонда слишком малы, чтобы справиться с проблемами несчастного детства!*

— Нет, руки у нас не опустились. Все-таки мы пробудили во многих интерес к сиротам. Нашими друзьями стали кооператоры — они часто снабжают деликатесами детские дома. А кооператив «Зодчие» за свой счет отремонтировал помещение Детского фонда. Финансируют нас также религиозные объединения. В Набережных Челнах начато строительство городка для сирот. У детей будет своя школа, больница, бассейн. Жить они будут в семейных коттеджах. Договариваемся также с исполкомами местных Советов о том, чтобы семьи, взявшие на воспитание сирот, имели большую жилплощадь.

— *А не позарятся ли многие на квартиры! Представьте, каким тогда будет тот дом для сирот.*

— Это мы предвидим и собираемся организовать конкурс для желающих. Предпочтение будет отдано педагогам и врачам.

— *В начале нашего интервью вы сказали о лживости наших лозунгов, посвященных детству. Значит ли это, что вы познакомились с несчастным детством, став председателем Детского фонда?*

— Да нет, был в плену стереотипов, как и все. Сам же рос без отца. Был старшим в семье и, как мог, тащил своих братьев и сестру. Практически не знал, что такое игра. Детским писателем стал, наверное, еще и потому, что детства почти и не видел. Моя мама — воспитанница детского дома. Но вот парадокс — в ее годы во многих детских домах было тепло. Заботилась о них Советская власть. Нам нужно всем понять, что дети-сироты — это наша общенациональная беда. Не признаю отговорки, что у государства нет денег на программу о детстве. Нашлись же деньги для пострадавших в Армении. А положение с детьми-сиротами в нашем обществе сродни трагедии в Армении. Просто это замедленное землетрясение душ — детских, взрослых.

1989, 28 мая

«ДЕТИ — ПОЭТЫ С РОЖДЕНИЯ»

Интервью Л.Гаффаровой — корреспонденту газеты «Казанские ведомости»

Так считает популярный детский поэт Роберт Миннуллин.

Дети, как известно, — наше будущее и, как писали раньше, единственный привилегированный класс в нашей стране. Но разноцветный дым, навеянный пропагандой и пионерскими стихами о счастливой жизни советских детей, развеялся. И оказалось, что «наше будущее» — самый незащищенный слой среди всего якобы защищенного населения Страны Советов и что у этих симпатичных детей достаточно несчастий и проблем, которые им достаются от взрослых.

Есть человек, для которого защита прав детей, по его словам, — его судьба. И его творчество, все стороны его деятельности направлены на решение детских проблем. Это Роберт Миннуллин.

— *Итак, кто Вы, Роберт абый!*

— Я — детский поэт, который пишет и взрослую лирику, и песни, который всю жизнь работает журналистом, который по велению сердца возглавляет республиканский Детский фонд и является редактором детской газеты «Сабантуй».

— *А почему вместо «Яшь ленинчы» появился «Сабантуй»?*

— Дело в том, что под названием «Яшь ленинчы» (Юный ленинец) выходило большинство детских и молодежных газет страны. Почти 70 лет мы достойно несли имя Ленина, но повеял свежий ветер перемен, он ворвался и в сферу детства. И в итоге мы теперь «Сабантуй» — это настоящее название для детской газеты.

Некоторые говорят, что сабантуй — только праздник. А ведь это как раз то, в чем нуждаются наши дети. Наша газета должна приносить им праздник: веселье, радость, солнце. Но сабантуй — это не только праздник, это микрожизнь нашего народа, которая полна драматизма: там и борьба, и состязания, и скачки... Улыбки и слезы, победы и поражения... Песни и пляски... Словом, сама жизнь.

«Сабантуй» будет воспитывать нормального человека, то есть человека порядочного, любящего свою землю, Татарстан, свой народ, а не среднеарифметического «строителя коммунизма». Главная наша задача — привить детям такие понятия, как нравственность, милосердие, сострадание, человечность.

— *«Сабантуй» — орган рескома ВЛКСМ и Детского фонда!*

— Нас финансирует республиканский комитет комсомола. Детский фонд будет морально и, при необходимости, материально поддерживать нас. И газета, в свою очередь, будет освещать его

деятельность.

— *Бывали ли вы в гостях у детей-инвалидов, детей-сирот!*

— Не очень часто получается, но по возможности стараюсь бывать. За неимением служебной машины это затруднительно. А во-вторых, посещение детских учреждений, где живут больные дети, всегда оставляет очень тяжелое впечатление, особенно когда чувствуешь свою беспомощность перед ними, не можешь им помочь. Разве что морально и материально. В скором времени поеду к детям из детского санатория «Обсерватория» — они давно хотели встретиться со мной.

— *К Вам, конечно же, приходят письма от детей. О чем они пишут!*

— Писем от ребят я получаю очень много, особенно в последнее время. В основном дети присылают мне свои стихи, сказки, рассказы.

Но приходят письма и другого содержания: просят помочь деньгами, приобрести инвалидные коляски. В конце прошлого года я получил письмо из Заинского района. Мальчик пишет, что папа бросил их семью и женился на другой женщине, и со слезами просит, чтобы я помог вернуть отца. А вот самое свежее письмо из Сабинского района, пишет ученица 3-го класса Зульфия Каримуллина: «Роберт абый, ваш Фонд пополнился еще тремя сиротами. Убили нашего отца. Остались братишка двух лет и сестренка, которой в день похорон отца исполнилось шесть. Помогите, пожалуйста, найти тех, кто убил нашего папу». Вот такое душераздирающее письмо.

— *Помните ли Вы свое первое стихотворение!*

— Как многие дети, в школьные годы стихи пробовал сочинять и я. Хорошо помню одно из них. Это было связано с историческим событием: по радио передавали сообщение ТАСС о полете человека в космос. Это меня так сильно вдохновило, что в тот же день я написал четверостишие:

Летчик-космонавт
Гагарин Юрий
Дъньяны шаккатырып
Космоста йъри.

— *Ваши детские стихи удивительно добрые, веселые, порой и грустные. Что Вам помогает уловить настроение ребенка, его мысли — ваши детские воспоминания и впечатления, а может, темы подсказывают ваши дети!*

— После рождения сына Алмаза я серьезно стал писать детские стихи. Каждое его слово, фраза, поступок были источником вдохновения. Я и относился к своему сыну тогда больше как поэт. А вот с рождением дочери Тансылу этого не произошло. Дочка пока не стала моей героиней, хотя и занимаюсь с ней больше, чем с сыном.

Некоторым кажется, что мои детские стихи — это сплошной юмор. На самом деле мои стихи полны грусти, даже драматизма, ведь в них я стараюсь показать очень серьезные взаимоотношения взрослого и ребенка в сегодняшнем сложном мире.

У татар есть прекрасная поговорка: «Улым, сиһа һйтһм, киленем, син тыһла» (Сынок, тебе говорю, а ты, невестка, слушай). В детских стихах я придерживаюсь как раз этого принципа — они адресуются юным читателям, но там очень много намеков взрослым. А мой юмор — это только форма подачи стихов. Без веселой улыбки детской поэзии не бывает, я убежден в этом.

Я шутя говорю на встречах с читателями, что мои наставники в детской поэзии — Габдулла Тукай, Шаукат Галиев, Алмаз Миннуллин.

— *Вы, конечно, очень занятый человек. А есть ли у вас хобби!*

— С детства люблю книги. Иметь у себя хорошую книгу — большая роскошь для меня, и, несмотря на то, что жена иногда бывает недовольна, стараюсь покупать.

Еще в детстве любил красивые значки, но их в те времена невозможно было достать. Но, видно, желание тогда было так велико, что я теперь наверстываю упущенное. Играю на гармошке — это у меня от отца. И на курае, и на кубызе...

— *Какие качества цените в человеке!*

— Прежде хочу сказать, какие не люблю: лицемерие, мстительность, зависть. Такие люди не дают спокойно жить. Уважаю людей порядочных, честных, бескорыстных, добрых. Мой девиз: «Доброта спасет мир». Мама мне всегда говорит: «Таш белһн атканга аш белһн ат, улым!». Я придерживаюсь этого мудрого совета.

— *Традиционный вопрос — Ваши планы на будущее!*

— Их очень много. Но самое основное — писать для детей, защищать их права.

— *Вы были членом жюри на первом конкурсе «Навруз чибһре» (Красавица Навруза). Как, по-вашему, были ли среди современных татарских девушек, претендовавших на это звание, действительно достойные!*

— Это начало — и это уже хорошо. В том, что среди наших девушек есть настоящие красавицы, я

не сомневался, но, к сожалению, это только внешняя сторона. Конкурс показал, что наши красавицы не блещут знаниями татарского языка, истории и культуры родного народа, ведь «Навруз чибѣре» — не купальники и красивые ноги.

Меня порадовала казанская школьница Венера Абдулхаева, которая показала всем, какой должна быть настоящая татарская красавица. Мы должны воспитать таких.

— *В газету приходит очень много стихов, сказок, рассказов от детей. Ваши пожелания маленьким сказочникам, начинающим поэтам и писателям!*

— Дети — поэты с рождения, почти все пишут стихи. Лев Толстой говорил, что если ребенок до 17 лет не пишет стихов, то его надо показать врачам. Поэтому детские писатели должны подняться до уровня детского гения — с его чистотой и наивностью, верой в чудо и в хорошее.

Необходимо поддерживать стремление детей к творчеству. По-моему, если в детстве ребенок написал хоть одно стихотворение, он не сможет стать плохим человеком.

Быть поэтом — не обязательно писать стихи. Все дети в душе поэты, сказочники и фантазеры. Пусть остаются такими всегда.

...Зазвонил телефон. Рабочий день начался.

Очень многое надо сделать, чтоб увидеть сияющую от счастья детскую мордашку среди всеобщего разочарования. Улыбка ребенка — что может быть дороже!..

1991, 17 января

«Я СЕБЯ ТЕРПЕТЬ НЕ МОГУ»

Беседа с В.Якуповой — корреспондентом газеты «Молодежь Татарстана»

— *Роберт Мугаллимович, я думаю, вы счастливый человек. Ваши песни поет народ, они звучат со сцены, по радио, по телевидению. Словом, успех у ваших ног...*

— Счастливый человек не может быть поэтом.

— *Неужели и вы будете жаловаться на жизнь? Весь ваш облик дышит оптимизмом. У вас даже на щеках румянец, что совершенно нетипично для поэта.*

— Ни от кого никогда не услышите, что я жалуюсь. У меня независимый характер. Маленький пример. Я ни разу ни у кого не брал денег взаймы, чтобы не попасть в зависимость. Вот люди и думают: «У него все хорошо...» И бегут ко мне занимать деньги. А щеки... Шесть лет не пил вообще. Столько всего потерял, вокруг не осталось друзей.

— *В своем творчестве вы уже в зрелые годы погрузились в мир детства. Почему!*

— Я рано лишился отца. Нас в семье было пятеро, я — старший. Может быть, так я наверстываю упущенное в детстве? Несмотря ни на что, детство — прекрасная пора: проказничал, дрался, правда, больше били меня.

— *За что!*

— За язык. Говорил, что думал. Это у меня от мамы. Она выросла в детдоме и дипломатией совершенно не владеет.

— *Самые популярные ваши песни посвящены маме — «Бнкѣй», «Бни кирѣк», «Бнкѣмнеѣ догалары». Она, наверное, очень довольна сыном?*

— Не знаю. Мама никогда не высказывает своего мнения о моих стихах, книгах. Хотя она — самый главный человек в моей жизни. Жена надо мной подшучивает: «Ты же маму слушаешь». Да, мне 45 лет, а я слушаюсь маму, следую ее советам. Не скрываю, получил материнское воспитание, легкораним и нежен душой, не могу быть по-мужски грубым, когда того требуют обстоятельства. Но за всю свою жизнь я не встретил человека, который оказал бы на меня такое влияние, был бы такой вершиной духа, как моя мама. После смерти отца она несколько лет сильно болела, тем не менее решила всем пятерым дать образование. Я этому воспротивился, потому что мечтал жить в деревне. Но мама сказала: «Выбирай между торгово-кулинарным училищем и курсами пчеловодов». Через два месяца я сбежал из Уфимского торгово-кулинарного училища и вернулся в деревню, надеясь, что мама оставит меня в покое. Целый год работал разнорабочим в колхозе. Тем временем мама договорилась, что я продолжу учебу в райцентре. Я нахватал двоек и там, чтобы вернуться домой. Мама плакала две недели, уговаривала меня продолжить учебу. Помню, нашла какого-то возницу, попросила довести меня до райцентра. А я на полпути прыгнул незаметно с саней и вернулся домой: не хочу уезжать из деревни и все! Тогда мама собрала на семейный совет родственников. Еле-еле убедили меня учиться дальше. И я попал в такую школу, где меня потянуло на литературное творчество.

— *Сегодня вашу песню «Бнкѣмнеѣ догалары» (Мамины молитвы) распевают повсюду. А как родилась эта песня?*

— Мама стала реже писать письма. Обычно она на одной стороне листа письма рассказывает о себе, о деревне, а на двух листках высказывает всяческие пожелания нам счастья, здоровья. Делает это

поэтично, переплетая с молитвами. Для меня это высшая поэзия! Мне очень нужны эти письма, поэтому и родилось такое стихотворение.

— *Эта песня на татарской эстраде вышла в лидеры. Вас наградили за нее японским видеомagneтофоном. Это высокий для вас гонорар?*

— На Западе я давно бы стал миллионером. Моя песня «Тнкфй» двадцать лет не сходит с эстрады. Поет ее и народ. А здесь... За последнюю свою книгу я получил что-то около тридцати тысяч рублей. А это самая толстая моя книга для детей! Я хочу быть богатым, но не знаю, что для этого надо делать.

— *Неужели популярность не дает никаких дивидендов?*

— Думаю, что никаких доходов со своей популярности я не имею. Единственная радость: получил в прошлом году четырехкомнатную малогабаритную квартиру. Нашлись люди, которые мне сказали, что получил я ее благодаря депутатскому мандату. Я им ответил: «Да, я не получил бы ее, если бы не был народным депутатом, если бы не был известным поэтом, если бы не был редактором газеты, если бы не был председателем Детского фонда...» Эх, если бы, если бы... Не знаю, почему ко мне такое отношение? Как бы меня ни обидели, я никого не считаю своим врагом и долго зла не держу.

— *Вам завидуют?*

— Меня откровенно не любят многие из ближайшего окружения, при том, что любят дети, читатели, зрители, слушатели. Для меня самого это загадка, обвиняют меня в какой-то хитрости, скрытности. Я трудно входил в поэзию. Перед нами шло сильное поколение во главе с Равилем Файзуллинным, и мы до сорока лет ходили в молодых поэтах. По натуре я остался деревенским, у меня есть и комплекс неполноценности. Я стеснительный человек, а работаю в различных комиссиях, редколлегиях. Так научила меня мама: не отказывай, если просят. Всю жизнь мне мешает плохое знание русского языка, сколько я из-за этого потерял... Сейчас неплохо знаю русский, и мало кто удостаивался из поэтов чести быть членом Президиума Верховного Совета республики. Но чувствую себя тем не менее не «в своей тарелке». Особенно среди номенклатуры. Рад, что квартиру получил в доме, населенном рабочими. Там я чувствую себя уверенней.

— *Что вы испытываете, когда слышите, что поют вашу песню?*

— Чувствую большое неудобство, даже краснею. Не люблю, когда это делают при мне. У нас ведь другие традиции. Наши поэты при встречах не читают друг другу стихи, такого «интимна» мы избегаем.

— *Если вы такой скромный, робкий, как же вы пробивались к тому, что имеете?*

— Борюсь с собой все время. Очень неудобно чувствовать себя ни городским, ни деревенским, это большой дискомфорт. Я, например, никогда не вхожу в общественный транспорт с передней площадки, потому что кажется, что все будут насмешливо на меня смотреть. Если бы издательство было в деревне, я не задумываясь вернулся бы в родной дом. Тихо-мирно сидел бы за столом без связи с внешним миром. И писал бы, писал... Но это только мечта. Нет даже средств построить дом в том месте, где рос.

— *Мне всегда казалось, что поэт и скандал идут рука об руку...*

— Как сказать... Два года назад я опубликовал в газете «Татарстан яшьләр» разгромную статью об аппарате Союза писателей, назвав ее «Последний бастион застоя». Как дальше развивались события? Около сорока писателей выразили мне свое одобрение, подтвердив правильность высказанной мной позиции. И вот появляется ответная статья председателя правления Союза писателей, в которой он смешивает меня с грязью. А коллеги молчат, делают вид, что ничего не произошло. К сожалению, Система и писателей, и журналистов сделала рабами: зачем критиковать начальство, если оно решает, кому дать квартиру, путевку, орден... Мне просто смешно: живые классики, а ходят с протянутой рукой, жалкие такие, выпрашивая милость у начальства.

— *Не секрет, что зачастую путь к сердцу чиновника лежит через хорошо сервированный спиртным стол. А вы не пьете. Как же вы решаете проблемы свои, чужие?*

— С водкой проблемы решать не люблю, хотя у нас без нее ничего не решается. Убеждаю чиновников при помощи слова, при помощи депутатского мандата. Хотя проблемы детства для власти никогда ничего не значили.

— *В адрес татарских писателей-депутатов слышны упреки: почему они не так активны в защите интересов республики на сессиях Верховного Совета?*

— Я думаю, что сессию по телевидению показывают для нескольких депутатов. По сути это спектакль, где с той и другой стороны «играют» свои роли 5–6 человек, для которых это реклама. Но это же не имеет никакого значения, в конечном итоге все решает кнопка, на которую нажимает каждый депутат: «за» ты или «против». Если бы мы были все такими «активными», от нашего парламента давно бы ничего не осталось.

— *А сами вы себе нравитесь?*

— Нет, я себя терпеть не могу. Иногда я думаю, что я случайный человек — в Казани, в творчестве... Остался бы в деревне, ходил бы сейчас в бригадирах, не меньше.

— *А с чем бы вы сравнили свою поэзию? С вином? С цветами? С горами?*

— Сравнил бы с деревьями своего детства — ивами, тополями, березами. Или с родной речкой Сюнь, у меня ее характер — умеренный, неторопливый. Я считаю себя хорошим лириком. А написанное для детей моим учителем Шаукатом Галиевым и мной, скажу без ложной скромности, это мировой уровень. Говорю как человек, хорошо знающий мировую детскую литературу.

— *Слышала, что ваша умеренность пришлась не по душе участникам национального движения?*

— В прошлом году 15 октября, в День памяти, колонны «националов» шли к башне Сююмбике с плакатом, на котором были начертаны мои поэтические строчки: «Любите родину, любите родной язык». Эти же ребята сожгли мои книги, когда узнали, что я как член Президиума Верховного Совета проголосовал за то, чтобы разрешить принять гражданам Татарстана участие в российском референдуме. Меня тут же обозвали «предателем татарского народа», шантажировали по телефону, но я уверен, что поступил правильно. В семидесятые годы сотни детей прошли через мою передачу на ТВ «Гроздья поэзии», читая на конкурсной основе стихи татарских поэтов. Где же были эти националисты тогда, до перестройки, когда нужно было сохранить национальный дух? Все талантливые татарские писатели всегда были националистами в хорошем смысле этого слова.

— *Что вы делаете, когда вам грустно?*

— Беру в руки гармонию. Мой отец был известным в деревне гармонистом. Однажды он поехал на базар продавать корову. Продал и привез на вырученные деньги... гармонию. Когда мне хорошо, я забываю, что у меня есть гармония.

— *Скажите, а о каких ваших талантах знает только узкий круг лиц?*

— Очень немногие знают, что у меня хороший баритон. Люблю петь, когда один дома. Если просят спеть в компании, не могу перейти какой-то барьер. Еще люблю шить на швейной машинке. Жене не доверяю укоротить что-то в моих костюмах, делаю это сам, сказывается материнское воспитание.

— *Как отдыхаете?*

— Как все советские люди, я не умею отдыхать. Работаю на даче — вот и весь отдых.

— *Какую шутку вы хотели бы сыграть с теми, кто вас знает?*

— Хотел бы выпустить книгу стихов под псевдонимом и посмотреть, что привлекает читателей: мои стихи или мое имя?

— *Из чего состоит ваша жизнь сейчас!*

— Работа — дом — работа. Я слишком правильно живу — такое у меня воспитание, веду элементарно порядочную жизнь. Даже скучно... Забыл вам сказать: я очень скучный человек. Жена меня тормозит дома: почему молчишь? А я, когда остаюсь в комнате один, писать не могу. Открываю дверь в зал, где возятся дети, работает телевизор. Шум, гам, а мне хорошо, и стихи сочиняются. Вообще, всегда считал себя боязливым человеком. Я боюсь огорчить свою мать, свою семью, своих читателей, слушателей. Хотя и мне иногда хочется погулять с друзьями, бывают такие моменты. Но я себя сдерживаю. Наш президент все время говорит о самоограничении суверенитета. Для меня это не игра слов. Я себя ограничиваю во многом.

— *Значит, вам есть о чем жалеть?*

— Да, о многом. Жалею, что в молодости не погулял с девушками как следует, хотя уверен, что большая любовь бывает только одна. Жалею, что не стал артистом. Мне было бы легче, играл бы себе...

— *Скажите, а бессонница у вас бывает? Ночь, говорят, лучшее время для поэта...*

Слава Аллаху, сплю хорошо, а стихи пишу вечерами. Правда, мучали и мучают меня на протяжении всей жизни три сна. Первый: я — летаю, такое блаженство! Но этот сон мне снится перестал. Второй: я приехал в родную деревню, а уехать в Казань не могу: то дорогу замело, то лошадей нет. Хожу, мучаюсь, как быть? Этот сон мне снится регулярно. Третий сон: хожу голым среди людей, и мне ужасно стыдно. Очень редко стал видеть этот сон. Интересно, почему?

1993, 22–29 октября

«Я ПРЕЖДЕ ВСЕГО — ДЕТСКИЙ ПОЭТ!»

**Интервью А.Хаирову — журналисту газеты
«Татарские края»**

Наша справка: Международный совет по детской и юношеской литературе (Ай-Би-Би-Уай) — информационно-консультативный орган ЮНЕСКО, — раз в два года определяет лучшую детскую книгу и выдвигает на соискание премии — Почетного диплома им. Г.-Х. Андерсена. Книга Р.Миннуллина «Дьяньдагы иһ зур алма» включена в Почетный список 1994 года. Эти книги в первую очередь рекомендуются издательствам для переводов на языки мира. Церемония вручения диплома состоится в октябре 1994 года в Севилье.

— Когда я слышу, что какой-то поэт или писатель стал начальником (главным редактором, депутатом...), то с сожалением думаю о том, что Власть соблазнила еще одного творца. Как вы, Роберт Мугаллимович, оберегаете свою музу от враждебного ей мира: кабинетов, президиумов, заседаний?.. Не происходит ли у вас раздвоение личности: на работе я — главный редактор, а дома — поэт?

— Думаю, что начальника из меня так и не получилось. Я прежде всего — детский поэт. Я столько лет «хожу» в членах Президиума ВС Татарстана, но так и не привык к этой роли, чувствую себя не в своей тарелке. Там меня, конечно, уважают, но, кажется, не принимают всерьез.

— Интересно, что чувствует детский поэт, которому за сорок, — ощущение затянувшегося детства?

— Конечно, мир моего творчества постоянно со мной, от него никуда не спрячешься. Поэтому, наверное, остались «детские» черты характера, которые люди в моем возрасте как-то уже успели преодолеть. Например, робость. Бывает, краснею как школьник.

Кто знает, может быть, мой уход в мир детства (а я «ушел» уже в зрелые годы) — это своеобразная реакция организма на несовершенный мир взрослых? Или так я наверстываю упущенное в детстве? Я рано лишился отца. Нас в семье было пятеро, я — старший.

— Роберт Мугаллимович, в Казань пришла приятная весть: вы теперь лауреат престижной премии — Почетного диплома имени Андерсена. Наши самые искренние поздравления.

— Спасибо! Да, моя книга «Дъньядагы иһ зур алма» («Самое большое на свете яблоко») признана лучшей. Алла бирса, поеду в этом году в Севилью, за дипломом.

— Когда я узнал, что вы стали председателем Республиканского Детского фонда, я понял, что детский поэт решил всерьез заглянуть за «праздничный фасад» мира детства...

— До того, как в моей жизни появился Детский фонд, а председательствую я уже лет шесть, я смотрел на детей глазами поэта, но сейчас смотрю иначе. Мир детства раскололся для меня, как яблоко, на две половины: одна — счастливое детство, другая — безжалостный, безрадостный мир. Представляете, целый класс больных детей! Я хожу среди них и дрожу. Много детей-инвалидов, которые из-за дороговизны даже не имеют своей инвалидной коляски! Мы как можем пытаемся скрасить им жизнь. Создали так называемую «Скорую социальную помощь» — покупаем для малоимущих семей, для детей-сирот все самое необходимое: обувь, одежду, книги...

— В жизни я одинаково стараюсь избегать как шовинистов, так и крайних националистов. Обычно эти люди и не слушают, и не читают ничего, что противоречит их идеологическим предрассудкам и требует критического и объективного размышления. Они знают и принимают либо «ДА», либо «НЕТ», но не видят между ними нюансов. Как я понял по вашему интервью, которое вы дали Венере Якуповой для «Молодежи Татарстана», вы человек иной — человек, который способен порассуждать на самые «больные» темы.

— Ну, как человек — я интернационалист. Работая в Детском фонде, я не смотрю, кто из детей русский, кто — татарин или чуваш. Для меня они просто дети, кто-то болен, кто-то сирота.

Как народный депутат, по своим воззрениям я центрист. Необходимо сдерживать свои эмоции, когда решаются вопросы на государственном уровне.

— Как вы относитесь к литературе русскоязычных татар? Можно ли назвать то, что они делают, современной татарской литературой? Пусть чужой язык, но тема, но содержание...

— Я искренне уважаю татарских писателей, пишущих на русском языке, и жалею их. Получилось так, что в Казани они как бы второсортны. Но необходимо помнить, что сегодня как в Татарстане, так и особенно в ближнем зарубежье, русскоязычные татары представляют значительный по численности «класс», поэтому татарским писателям, пишущим на русском языке, есть что делать, пропагандировать татарскую классическую и современную литературу через переводы, поднимать сегодняшние проблемы татарского народа в своем творчестве. Это нам необходимо для того, чтобы не потерять драгоценную связь с нашими соплеменниками в Татарстане и СНГ. Мне кажется, таких писателей надо поддерживать на правительственном уровне.

— В чем сильные и слабые стороны татарской литературы?

— Татарская литература слишком стабильна, умеренна. В этом ее сила и слабость. Ее как бы мало касается, что происходит в реальной жизни. Наша литература замкнута в своем пространстве, консервативна.

Вот началась в Москве перестройка. В русской литературе множество авторов откликнулось на это. А у нас — ничего! Пожалуй, один только Ибрагим Салахов — своей «Черной Кольмой».

Конечно, изредка средний уровень взрывают, скажем так, протуберанцы. Амирхан Еники — прижизненный классик, его «Җытмәһҗән васыять» и «Матурлык» — это мировой уровень! Отмечу еще прозу Аяза Гилязова и Нурихана Фаттаха. Но, к сожалению, переводы этих произведений на русский не получили должного резонанса.

Еще мне обидно за талантливое поколение наших поэтов: Р. Файзуллин, Р. Харис, Р. Гаташ, Г.

Рахим... Они прошли как бы незамеченными. К ним отнеслись несерьезно.

Что касается детской литературы, то и она никогда не воспринималась всерьез, критика ей заниматься брезгует. Вот и появилось много бездарных вещей. Серый поток шел беспрерывно вплоть до появления Шауката Галиева. А ведь почти все наши классики не считали для себя зазорным писать для детей. Габдулла Тукай — это ведь в основном детский поэт! Но об этом как-то не принято говорить. Далее... Абдулла Алиш, Джалиль, который даже в фашистском лагере писал для детей!

— *Критика во времена Тукая, как известно, больно жалила, сегодня мне кажется, она еще не играет той роли, которую должна играть в современной литературной жизни.*

— Начиная с 30-х годов, у нас в татарской литературе начала формироваться номенклатурная критика. У кого из писателей были «заслуги перед партией и народом», тех не трогали. Да и теперь еще положение осталось прежним. В Союз писателей Татарстана мы ежегодно принимаем критиков. Но потом они все куда-то исчезают!

— *Союз писателей в том виде, какой мы имеем сейчас в республике, нужен ли он нашим писателям?*

— СП Татарстана исчерпал себя. Это уже не писательская организация, а... кормушка.

— *Кого из молодых татарских поэтов вы бы выделили на сегодняшний день?*

— Р.Зайдуллина, Г. Мурата, Л.Лерона... Но пока они не оправдали моего доверия, работают по инерции, вполсилы. Но я жду от них, может быть, по инерции — нового, сильного...

Был у нас такой детский поэт — Авзал Нигматуллин, если бы не умер в тридцать лет, показал бы молодым, как следует писать!

— *Роберт Мугаллимович, каким вы видите будущее суверенного Татарстана в связи с последней расстановкой политических сил в России?*

— Что бы там, в России, ни произошло, кто бы не пришел к власти — левое крыло или правое — для Татарстана нет обратного пути. Контакты с Россией должны проходить только на договорной основе, без какого-то ни было давления Москвы.

Народ Татарстана, в том числе и его русская часть, просто так не отдаст свою свободу, свой суверенитет, я верю в это. Мы в центре внимания как у Запада, так и у ближнего зарубежья. Татарстан сегодня для мировой общественности — это барометр российской демократии. Настоящая она или нет, первыми на своей шкуре испытаем мы.

Если дрогнем, это будет последнее поражение татарского народа. И мы войдем в историю как народ, который не сумел сохранить свою государственность, нацию, язык...

1994, февраль

«САБАНТУЮ» СТАРОСТЬ НЕ ГРОЗИТ

*Интервью А.Малахальцеву — корреспонденту газеты
«Казанские ведомости»*

Сегодня у детской татарской газеты «Сабантуй», которую хорошо знают и с которой дружат не только мальчишки и девчонки, но и взрослые, — большой радостный праздник. Она отмечает свое 70-летие. И на встречу с ней, а значит, и со своей юностью, придут в культурный центр «Казань» многие из тех, кому она дарила и дарит на своих страницах радость общения со сверстниками, учила и учит любить свой многонациональный край. В такой юбилей стоит оглянуться на пройденный путь, вспомнить, как появилось это прекрасное издание, узнать, как живет коллектив газеты в наше нелегкое время. Об этом и шел разговор с главным редактором «Сабантуя», известным поэтом, председателем Республиканского детского фонда Робертом Миннуллиным. Кстати, он только вернулся из Испании, где ему был вручен Почетный диплом имени Андерсена за книгу стихов «Самое большое яблоко в мире».

— День рождения нашей газеты, которая более шестидесяти лет выходила под названием «Яшь ленинчы» (Юный ленинец) — 10 октября 1924 года. Я с удовольствием и гордостью перелистываю ее страницы. С позиций сегодняшнего дня может показаться наивной вера в социализм и коммунизм наших отцов и матерей, бабушек и дедушек, которые в свои детские годы были читателями и корреспондентами нашей газеты.

Нашу редакцию с самого начала отличало то, что здесь всегда работали талантливые писатели, поэты, художники. Назову только некоторых: Муса Джалиль, Абдулла Алиш, Фатих Карим, Авзал Шамов, будущие мастера кисти Харис Якупов и Лутфулла Фаттахов.

— *А кто был первым редактором?*

— Первый вожатый пионерского отряда в Казани — Шагит Шаммазов. Он отдал нашей газете пять лет жизни. Многие из главных редакторов «Яшь ленинчы» впоследствии возглавляли республиканские

газеты и журналы. Среди них Венера Ихсанова, Роза Туфитуллова, Ренат Харис. У нас начали свой творческий путь также Равиль Файзуллин, ныне главный редактор журнала «Казан утлары». Нургали Булатов — ответственный секретарь газеты «Ватаным Татарстан». Мазит Валиуллин — заместитель главного редактора журнала «Магариф» и многие другие.

— *А как газете живется сегодня?*

— Как и всем, нелегко. Тираж сократился до 12,5 тысячи экземпляров (а было время, когда у газеты было более ста тысяч подписчиков). Из-за финансовых трудностей ее теперь не выписывают, например, татарские ребята из Средней Азии. Огорчает и то, что Казань отстает от районов республики. А ведь это ненормально, если иметь в виду, что с возрождением национальной культуры развертывается в нашей столице целая сеть новых татарских учебных заведений и детских садов.

И все же, несмотря на трудности, я оптимист. Ведь газета нужна не только самим ребятам, но и их учителям. Они используют ее как методическое пособие, находят здесь материалы, имеющие большую познавательную и нравственную ценность. Нас поддерживает правительство республики. И нам удается выпускать двухцветную газету на хорошем полиграфическом уровне.

— *Интересно, почему сейчас она называется «Сабантуй»?*

— Мы остановились на этом названии, считая, что оно отвечает назначению нашей детской газеты. Сабантуй — это самый большой и любимый праздник народа, праздник труда, во время которого каждый может показать свое мужество, силу, умение — ведь идет соревнование талантливых и смелых.

И наш «Сабантуй» зовет ребят к творчеству и состязанию. На его страницах соревнуются юные поэты, художники, шахматисты. Мы очень надеемся, что мальчишки и девочки, которые читают газету, и на большом жизненном Сабантуе не подведут, покажут себя истинными патриотами Татарстана и России.

— *А у вас много юнкоров?*

— Очень много. Я ожидал, что их число сократится, ведь сегодня недешево стоит переслать материал в редакцию. А на деле кто писал нам, тот и продолжает писать. Достаточно сказать, что в год мы получаем до 15 тысяч писем. И не только из нашей республики.

— *Кого бы вы могли назвать из сегодняшних любимых детворой сотрудников редакции?*

— У нас уже более десяти лет работает прекрасный поэт и автор текстов многих песен мой заместитель Гусман Садэ. Ответственным секретарем трудится писательница Ляля Сабирова. А Юлдуз Шарапова прекрасно пишет статьи и стихи и выпустила первый поэтический сборник. Со студенческой скамьи начал сотрудничать с нами Алмаз Гимадеев, а теперь работает в редакции. Это детский журналист по призванию и талантливый писатель, автор юмористических рассказов. Шаукат Галиев, наш аксакал, сейчас член редколлегии. А недавно отдел литературы и искусства возглавил поэт Ильдар Юзеев. Так что традиции газеты живы, она по-прежнему притягивает, как магнит, талантливых литераторов. И для нас, и для ребят это подарок.

1994, 2 ноября

«Я — СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ ПОЛИТИК»

Беседа с Р.Ахметовым для журнала «Идель»

Роберт Миннуллин — писатель и государственный деятель. Председатель постоянной комиссии по культуре и национальным вопросам Государственного Совета Республики Татарстан. Говорят — в одну повозку впрячь не можно коня и трепетную лань. Что же тогда творится в душе у Роберта Мугаллимовича? И трепетная лань поэзии, и тяжеловесный конь законодателя в нем сопрягаются и движутся. Он романтик. Любит живопись Куинджи, Мане, Рериха. Лауреат Андерсеновской премии. 15 лет был председателем секции детской литературы. Давайте побеседуем с поэтом-законодателем.

— *Роберт Мугаллимович, какие законы Вы считаете сегодня наиболее необходимы республике в области культуры? Первоочередные, назревшие, которые в планах комиссии. Какие уже приняли? Прокомментируйте их, пожалуйста.*

— В течение двух лет работы Госсовета и нашей комиссии мы приняли ряд профильных законов. Отмечу основные — например, об охране и использовании исторических и культурных ценностей. Один из краеугольных законов. История татар искусственно предавалась забвению, вокруг нее много мифов. История Золотой Орды находилась просто под запретом. Вспомним известное постановление ЦК партии в 1944 году. В годы Отечественной войны, в тяжелый период, нашли время, чтобы вытоптать даже ростки исторического сознания народа, 400 лет предпринимались огромные

государственные усилия, велась планомерная политика насаждения антиистории. Да и дореволюционная история русских существенно пострадала. Вспомним хотя бы снос памятников Державину, Александру II в Казани. В Татарстане под действие нашего закона попадает несколько тысяч памятников истории и культуры.

Мы приняли также закон об архивном фонде Татарстана. Очень нужный закон.

— *А сколько в среднем хранятся документы по закону об архивах?*

— Сроки разные. Есть 75 лет, а в основном документы закладываются на вечное хранение.

— *От ваших законов веет вечностью. Действительно, как подумаешь, что наши потомки будут смотреть пожелтевшие фотографии Госсовета республики через 200, 300 лет... В конце концов от людей остается одна базовая ценность — культура. Деньги, золото становятся памятниками, может быть, и здание Госсовета будет смотреться памятником эпохе, как сейчас старый вокзал. Сюда будут ходить на экскурсии.*

— Мы также приняли в первом чтении закон о культуре. Этот закон является конституционным, то есть одним из стержневых для республики. Законопроект был сложным в разработке. Постоянно идет развитие ситуации, мы стремимся заложить в закон побольше возможностей, нас, естественно, сдерживают. Все упирается в финансы. Но в июле мы вернемся к нему. Осенью, я рассчитываю, мы его примем.

— *Сколько процентов от бюджета республики будет идти на культуру?*

— Мы закладываем 6%, это означает, что в среднем финансирование на культуру увеличится в три раза. Культура народа не может финансироваться по остаточному принципу. Мы что, хотим превратить свой народ в варваров? Если у человека нет внутренней культуры, он и работает хуже, никогда он не станет настоящим мастером. Добро и красота спасут мир.

Хочу обратить внимание на то, что наша комиссия появилась снизу, вначале ее существование не планировалось, депутаты настояли на ее создании. Из Кабинета министров к нам только два закона поступило — об архивах и о свободе совести. Кабинет министров пока о нас мало вспоминает. У них неплатежи, налоги, пенсии на первом месте, а вопросы культуры все откладывают. А ведь, может быть, поэтому и с неплатежами беда, и со сбором налогов неувязки, и криминал замучил. Сначала вырастят из человека вора и взяточника, потом удивляются, почему казна пустая.

— *Складывается впечатление, что комиссия по культуре, хоть и не планировалась сверху, но превратилась в одну из ключевых. Она стала как бы политической фракцией. В Госсовете 5 писателей, много деятелей культуры. Ваши голоса составляют чуть ли не треть голосов малого парламента. При таком распределении ваша комиссия может влиять на решение многих вопросов.*

— У нас в комиссии очень интересные люди работают. С незаурядным опытом. Многие уже опытные депутаты. Разиль Валеев, Ринат Мухамадиев, Фандас Сафиуллин, Индус Тагиров — известнейшие фамилии. Ринат Мухамадиев был членом Президиума Верховного Совета Российской Федерации, Индус Тагиров — академик, председатель Всемирного конгресса татар, Разиль Валеев — директор крупнейшей Национальной библиотеки Татарстана. Николай Коробков — первый секретарь Казанского горкома КП РФ. Есть главы администраций. Главным референтом нашей комиссии является известный писатель Гарай Рахим. Конечно, учитывая влияние членов нашей комиссии на общественное мнение республики, с нами считаются. В плане идеологическом, в культурном, в национальных вопросах наша комиссия, конечно, «делает погоду» в Госсовете.

— *Какова периодичность заседаний комиссии?*

— По регламенту — раз в месяц, но жизнь заставляет собираться чаще. Иногда заседаем чуть ли не еженедельно.

— *Есть ли у вас связи с комиссиями по культуре в законодательных органах других республик — Башкортостана, Чувашии, Удмуртии, Марий Эл?*

— Связи есть. Я, например, тесно сотрудничаю с комиссией в Башкортостане. У них двухпалатный парламент, и работа аналогичной комиссии строится на несколько иных принципах. Но они работают эффективнее. Правда, они пользуются и такими методами работы: многие кодексы они приняли, заключив договора с крупными московскими институтами. Те провели разработки, дали результат. Учитывая, что на парламент Башкортостана работают сильные московские ученые, можно понять, почему они нас опережают. Применима ли такая практика к Татарстану? Это большой вопрос.

Мы также поддерживаем парламентские связи с комиссией по культурным вопросам парламента Чувашской Республики, особенно по вопросам возрождения языков и национальных обрядов.

— *Довольны ли Вы сделанным в комиссии?*

— Не совсем. Тут две причины. Во-первых, у нас в республике, по существу, не было достаточного опыта законодательной работы до 1990 года. Наш Верховный Совет автономной республики до этого года просто штамповал законы, которые приходили сверху из Москвы. Боже упаси было изменить хотя бы порядок слов в предложении. Полетела бы половина руководства, если не больше. Сейчас, через годы, мы уже наработали опыт, но все равно юридических знаний не хватает. Вторая причина — слабо

еще нам помогает исполнительная власть. Кабинет министров, я уже говорил, слишком поглощен текущими вопросами. Хотя Фарид Хайруллович, сам бывший парламентарий, должен нас хорошо понимать. Мы у себя в комиссии вынуждены сами инициировать многие законопроекты.

Сейчас по инициативе комиссии начали рассматривать законопроекты — об административной ответственности за нарушение в сфере охраны авторских прав в Республике Татарстан, об административной ответственности за нарушение закона РТ об охране и использовании культурно-исторических ценностей. И третий законопроект почти подготовлен — об административной ответственности за нарушение закона о языках.

— *Когда они будут приняты?*

— Я думаю, в этом году.

— *По третьему законопроекту, если госслужащие не будут знать два языка, то будут штрафы платить? Но ведь многие депутаты не знают татарский язык. Будет ли заложена необходимость знания двух языков для депутатов парламента?*

— К сожалению, положение с законом о языках катастрофическое. Многие статьи не выполняются. Если мы закон приняли, давайте относиться к нему серьезно, не превращать в бумажку. Это только подрывает авторитет власти. Не так сложно научиться татарскому языку на бытовом уровне. Достаточно нескольких месяцев. Бесконечные дискуссии по этому поводу уже приелись.

— *Когда будет закон о гражданстве Татарстана?*

— Законом о гражданстве занимается комиссия по законодательству. Он будет, и очень скоро. Осенью приступим к рассмотрению на сессии. Потому что сегодня голосуют за депутатов в округах военнослужащие на территории республики, студенты из других областей, просто случайные люди. Должна быть юридическая определенность.

— *Ваша комиссия выступила инициатором ряда нашумевших парламентских слушаний. Что именно обсуждали?*

— Состоялись парламентские слушания по книгоиздательству, по радио и телевидению, по оперному театру. В конце июня состоятся парламентские слушания по газетам и журналам республики. Объем работы постоянно растет.

— *Обсуждают-то все вопросы очень горячо. Но прислушиваются ли к вашим рекомендациям?*

— Как сказать. В основном, я считаю, прислушиваются. Внимательно следят, делают выводы. Президент очень внимательно к нам относится.

— *А спикер прислушивается? Как Вы оцениваете деятельность спикера?*

— Насчет Лихачева я скажу так. Он на своем месте. Он долгие годы был рядом с Президентом. Политический опыт у Лихачева очень большой. Правда, после избрания его заместителем Председателя Совета Федерации он реже стал бывать у нас. Но это, я считаю, не от него зависит. После его пресс-конференции и заявления о возможной отставке, вокруг него возникло много суеты и слухов. Но я думаю, не нужно особенно удивляться таким заявлениям. Просто Василий Николаевич ближе к московской политической жизни. Там подобные заявления — стиль жизни. Политики стремятся привлечь внимание к острым проблемам, создавая сенсации. В Москве это привычно, у нас это звучит диковато. Наверное, кому-то и выгодно столкнуть лбами Шаймиева и Лихачева. Но я уверен, что Шаймиеву сегодня нужны и Лихачев, и Хакимов. И Татарстану они оба нужны.

— *Кто из замов Председателя Госсовета курирует Вашу комиссию?*

— Ренат Харисов. У него большой опыт, многие вопросы он знает. Был замминистра культуры, в обкоме работал в идеологическом отделе, трудился главным редактором журнала и газеты. Он очень сильный человек. Еще давно, в брежневские времена, писал смелые стихи, отстаивал интересы татарского народа.

— *Как Вы относитесь к объединительному процессу России и Белоруссии?*

— Я рассматриваю это как своего рода политическую игру. Несколько лет назад с успехом развалили Союз, и одним из главных героев развала был руководитель Белоруссии. И теперь занялись воссоединением. Если воссоединение произойдет, то, думаю, у Белоруссии будет статус, как у Татарстана. Менястораживает, что воссоединение активно поддерживают русские националисты и коммунисты.

Я читал выступление Василя Быкова, которого считаю великим советским писателем. Он выступает против воссоединения.

— *Не планируется ли поездка в Белоруссию членов комиссии? Встретились бы с Быковым, с Лукашенко, пригласили их в Татарстан, посмотрели бы, что там действительно происходит.*

— Предложение интересное. Я думаю, его нужно обсудить. По телевидению и прессе трудно представить реальную обстановку в Белоруссии.

— *Вы — один из видных писателей в республике. Рафаэль Хакимов мне заявлял, что татарская литература его разочаровывает, за последние десять лет ни одного крупного произведения не создано. Как Вы оцениваете литературный процесс в республике?*

— Есть писатели, которые работают на высоком уровне и сегодня, несмотря ни на что. Поэзия у татар традиционно сильная, на европейском уровне, скажу это без излишней скромности. Но эпохальных произведений действительно нет. Хотя вроде бы и цензуры нет. Видимо, еще идет внутренний процесс накопления материала. Сейчас, к сожалению, самый популярный жанр — это анекдоты. Все пишут анекдоты. Они в основном о писателях. Если верить этим анекдотам, получается, все татарские писатели алкаши, бабники и мерзавцы. Это, конечно, не так.

— *Какие произведения оказали на Вас наибольшее влияние?*

— Я воспитывался в атмосфере татаро-башкирской поэзии. Я родом из Башкортостана и читал башкирскую классику — Мустая Карима, Назара Наджми, Ангама Атнабаева. Они сильно повлияли на мое творчество. В русской литературе для меня крупные имена — Распутин, Астафьев, Белов, Булгаков. Современный авангард я не понимаю. Из русской поэзии я предпочитаю поэтов «серебряного века»: Гумилев, Ахматова, Блок, Есенин, Мандельштам. Пастернак мне кажется суховатым. Из современных русских поэтов я с интересом читаю Беллу Ахмадулину, Вознесенского, Евтушенко. По духу они мне не близки, сам я лирик, но как профессионалы они мне интересны. Люблю Лорку.

— *Вы поддерживаете выдвижение Ахмадулиной на Нобелевскую премию?*

— Как Вам сказать. Мне кажется, что в этом очень много политики. Я считаю, что среди лауреатов Нобелевской премии есть много недостойных ее. Но в русской поэзии у Ахмадулиной высокий уровень.

— *Что в Ваших творческих планах?*

— К сожалению, сейчас я пишу меньше. При такой загрузке в Госсовете только в отпуске можно сосредоточиться. Иногда пишу песни, стихи для детей. У меня много вышло литературоведческих статей, публицистических. В общей книге они никогда не издавались. Готовлю сборник стихов к 50-летию.

— *В принципе, как Вы считаете, современный литературный процесс в республике отвечает потенциалу?*

— Пока он как бы остановился. Что сдерживает? Думаю, неопределенность в обществе, его переходное состояние. Во-вторых, у нас пока нет полноценной критики. Никто не дает объективную оценку, достойную вещь ты написал или халтурную. Между собой поэты и писатели обмениваются мнением, а необходима профессиональная критика. Также мешает недостаток финансирования. Очень дорого в наше время книгу издать.

— *Сейчас создали ПЕН-клуб в Татарстане, это желание поднять планку качества литературы?*

— Желание поднять планку с помощью ПЕН-клуба есть, но я считаю, что каждый должен сам поднимать в себе свою планку. Тут никакая организация не поможет. ПЕН-клуб должен защищать писателей в трудные моменты. Когда меня в «Шахри Казан» в нескольких номерах подвергли травле, из всего ПЕН-клуба только один Нурихан Фаттах выступил в мою поддержку.

— *Как ныне живет Союз писателей Татарстана?*

— Тяжело живет. Нет денег даже для самого необходимого. С помощью комиссии удалось в бюджете заложить в помощь Союзу писателей финансовые средства на этот год. Писателям нужно помогать.

— *Как Вы считаете, Солженицына стоило бы пригласить в Татарстан?*

— Наверное, нет. Как идеолога русского национализма я его не принимаю. Я читал его, когда он был запрещен. Последние вещи уже не читаю, не тянет. Помню, на меня сильное впечатление произвел «Архипелаг Гулаг», но не менее сильное впечатление было от «Аз и Я» Олжаса Сулейменова. Сейчас с интересом читаю «Полынь половецкого поля» Аджи. Правда, русские историки с ухмылкой о нем отзываются, а мне многое созвучно. Это поэтическая история. Я жалею, что Лев Гумилев в Татарстане не побывал. Думаю, интересные вещи у него могли родиться под влиянием встреч в Татарстане.

— *Вы верующий человек?*

— Я не могу сказать, что я неверующий. Вера в крови у каждого человека. Но мы воспитывались в атеистическое время. Были какие-то убеждения, принципы. Я бы не сказал, что они по духу, по внутреннему содержанию противоречили религии. Да, было иконоборчество, но и вера в торжество добра жила. Путь к Богу очень непростой. Но мне трудно искренне принять обрядовость. Не обряды суть религии. У меня очень спокойный характер, я не хочу и не могу так быстро меняться в угоду конъюнктуре. Скорость изменений часто обратно пропорциональна глубине, фундаментальности изменений. Чем быстрее человек меняется, тем он обычно поверхностнее. Легко расставаясь с прежними идеалами, так же легко можно расстаться и с современными модными кумирами.

— *На вашей комиссии рассматривались проекты мечети Кул Шариф. Ваше мнение по этому вопросу?*

— Был конкурс. Многие проекты были отброшены. Проект Саттарова, который победил, больше похож на проект турецкой мечети. Мы не знаем, какие проекты были отброшены, конкурс был почти

закрытый. Мечеть, которую воздвигнут, должна стоять века. Есть татарская поговорка «Ум у татарина после обеда». Я хочу, чтобы мы потом гордились мечетью Кул Шариф. Альтернативный проект же оказался похож на русскую или даже на готическую церковь. Может, оба проекта не подойдут. Меня пока оба проекта не устраивают. Мечеть строится на народные пожертвования. А если народ ее не признает? Поэтому торопиться не надо. Необходимо еще раз все взвесить. Вынести на суд общественности.

— *Из Вашего окна видна статуя Хоррият. Какие мысли рождаются, когда смотрите на памятник?*

— Мне говорили искусствоведы, интеллигенция уже собирает подписи против нее. Каких только прозвищ по отношению к памятнику я не слышал. Но вот смотрю на нее каждый день, и уже привык. Конечно, не вдохновляет. Однако, как реалист, я скажу: этот памятник один из первых, пусть не совсем уверенный, как у младенца, шаг на пути татарской скульптуры. Это шаг вперед. Шедевра нельзя было ждать. Мы только в начале пути. Люди спорят, и пусть спорят, уже за это памятнику спасибо. Некоторые депутаты до сих пор критикуют наш гимн, флаг, герб. Но несмотря на это, когда гимн звучит, все встают.

— *Вот такой вопрос — ваша комиссия не обращалась с протестом к Президенту Ельцину против употребления в учебниках термина «монголо-татарское иго»? Ведь это прямое нарушение закона о запрете пропаганды межнациональной розни.*

— Нет. Но спасибо за предложение, мы рассмотрим этот вопрос. Употребление подобной терминологии — позор для школ и институтов России.

— *Какой Вы видите республику в 2050 году, независимой или в составе Российской Федерации?*

— Сейчас у международного политического сообщества другой менталитет. Есть такой термин «сепаратизм», и он имеет как бы негативный оттенок. Однако в результате сепаратизма были образованы почти все государства мира. Вспомним войну за независимость США, Италии... Процесс возникновения новых государств не остановишь, вечных государств и границ в природе нет. Другое дело, что этот процесс должен быть естественным, а не форсированным. Ребенок вырастает, уходит из дома. Я полагаю, в 2050 году Татарстан, несомненно, будет членом ООН, и очень уважаемым. Во всяком случае, это мое заветное желание. И не только мое...

— *Хантингтон назвал XXI век веком соревнования культур. Так что ваша комиссия становится основной.*

— Я уверен, что татары построят сильное, благородное, справедливое и процветающее государство. Мы должны быть достойны своих предков.

— *Ваши любимые музыкальные произведения?*

— Люблю народные татарские и башкирские песни. Особенно яркие, звонкие татарские застольные народные песни и протяжные, долгие башкирские. Но обратил внимание на один феномен. У башкир очень много шуточных песен. Для татарских песен характерен большой трагизм. Из мировой классики мне нравится Григ.

— *Ваш любимый жанр — трагедия?*

— Нет, скорее мелодрама. Для моего характера трагедия слишком болезненна. Я сентиментальный человек. Хотя политику это противопоказано. Я романтик. В детстве мечтал быть артистом.

— *Ваши любимые актрисы, тип женщины?*

— Из киноактрис мне нравятся Шукшина и Гундарева, спокойные, мягкие женщины.

— *Вы родились в Башкортостане. Как формировался Ваш характер?*

— Я был замкнутым. Рос в маленькой деревушке. Мы остались без отца, когда мне не было и 12 лет. Был старшим в семье. Нас было пятеро детей. Мать болела. Я как бы стал для них отцом. Детство кончилось в пятом классе. Может быть, поэтому я и стал детским писателем.

Меня до сих пор тянет на родину. Снится родная деревня. Все время на протяжении жизни преследует сон. Приезжаю домой и не возвращаюсь в Казань.

— *А кто были предки?*

— До революции были землевладельцами. Имели много земли. Может, поэтому, хоть я и поэт, все время тянет к земле.

— *Вы, наверное, должны болезненно чувствовать, что Татарстан и Башкортостан разные государства?*

— Куда денешься. Более миллиона татар живут в Башкортостане. Меня привлекает идея конфедерации Татарстана и Башкортостана. Недавно представители Всемирного курултая башкир и Всемирного конгресса татар поддержали эту идею. Вообще-то многое зависит от первых лиц в государстве. Мы с Шаймиевым почти земляки. Я думаю, ему очень близки эти проблемы. В далеком прошлом многие татары ведь записывались башкирами, потому что давались земли, льготы. Даже сейчас много татароязычных башкир. Правда, некоторые башкирские ученые думают иначе. Словом, очень много серьезных и спорных вопросов.

— Как относитесь к Шаймиеву? Ведь могли быть в Татарстане Усманов, Беляев, Булатов, Идиатуллин на его месте.

— Что было бы, если вместо него был бы другой человек? Как поэт я вижу что-то мистическое в том, что во главе Татарстана встал Шаймиев. Это и дипломат, и восточный мудрец. И сельский парень в нем чувствуется. Быт в татарской деревне очень поэтичен. Он очень лиричный человек, мягкий, тонкий, с поэтическим чувством, с чувством гармонии в политических процессах. Уникальная историческая личность.

1997, февраль

«ПОТОМКИ СКАЖУТ НАМ СПАСИБО...»

Закон «О языках народов РТ» принят. Что дальше?

Интервью Р.Мустафину для газеты «Казанские ведомости»

В 1992 году в нашей республике принят Закон «О языках народов Республики Татарстан». С тех пор утекло немало воды. Еще больше лилось всевозможных речей по поводу сохранения родного языка. Но как выполняется этот закон на практике? Что делается и, главное, что еще предстоит сделать для повышения статуса родного языка? Об этом наш разговор с председателем Комиссии по культуре и национальным вопросам Государственного Совета РТ поэтом Робертом Миннуллиным.

— Роберт Мугаллимович! Прежде всего разрешите поздравить Вас со славным полувекowym юбилеем! А разговор наш, думаю, пойдет вовсе не по юбилейному руслу. Как Вам с вашей довольно высокой «кочки» на одном из высших постов законодательной власти видится Закон «О языках народов РТ»?

— Спасибо за поздравления! Что же касается закона... Видите ли, язык, как и все в этом мире, развивается по своим естественным законам. Но для меня, как депутата, родной язык — не просто филологическое явление. Он напрямую зависит от социальной и национальной политики. Поэтому мы вправе говорить о ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ. Посредством законов, постановлений, указов можно и нужно непосредственно влиять на развитие языка, на активное применение его в жизни.

— Но это во всем мире так...

— Да... Но разница все-таки есть. Скажем, евреи, рассеянные по всем уголкам земного шара, не считают язык основным фактором национальной принадлежности, не абсолютизируют его. Белорусы и украинцы, несмотря на то, что живут теперь в самостоятельных государствах, и сегодня в большинстве случаев предпочитают общаться на русском, особенно в городах (я имею в виду Восточную Украину). В Индии до сих пор государственным языком является и английский... Примеры такого рода можно бы продолжить...

Но для татар языковой вопрос — это вопрос жизни и смерти. Будет жить язык — будет на планете Земля и мой народ. Умрет язык — и народ исчезнет. Именно так. Третьего не дано.

— Когда-то представителям татарской научной и творческой интеллигенции казалось, что статус языка полностью зависит от одного закона. Достаточно, мол, объявить татарский язык одним из государственных, и все будет хорошо, по-детски наивно верили мы. Но вот такой закон принят. С этого момента прошло уже шесть лет. А что изменилось? По-прежнему гордо заявляем, что татарский язык входит в число 14 великих языков мира, что, зная его, можно свободно общаться со всеми тюркоязычными народами планеты. А на деле... Даже в семье предпочитаем разговаривать на русском... Кстати, откуда пошло это утверждение? Ссылаются на какие-то исследования ООН. Но я лично их не встречал...

— Действительно ли наш язык входит в число 14 великих языков мира? Да, об этом часто твердят наши ученые-лингвисты, но и я не помню, чтобы где-либо указывали источник. Конечно, хотелось бы верить в это.

Как бы там ни было, я твердо верю в одно: язык — зеркало души народа. Каков дух народа, таков и его язык. А положение нашего народа пока что незавидное. Вернее, в его судьбе все перепутано: хорошее и плохое, величие и слабость. Сколько бы мы ни спорили, как бы ни старались найти виновников извне, судьбу татарского языка, а значит, и судьбу нашего народа решать нам самим.

Этого не добиться одними жалобами, стенаниями и руганью. Кричать на всех перекрестках: «Язык умирает, татары исчезают!» — мало чести. Да и просто не к лицу интеллигентному человеку. Если уж мы такие смелые, надо было кричать об этом лет 25–30 тому назад. А сейчас остается единственный путь: заниматься делом. Если каждый, считающий себя татаринoм, сохранит язык в своем сердце, в семье, передаст его детям, будет пользоваться им и на рабочем месте, язык будет жить...

— Но вернемся к закону о языках... Насколько он согласуется с мировой практикой?

— Интересное совпадение: в 1992 году, то есть как раз тогда, когда мы приняли свой закон о языках, была принята «Европейская хартия о региональных языках и языках малых народов». Многие положения этой хартии прекрасно согласуются, а иногда и совпадают с нашим, а также российским законами о языках. Так что в смысле легитимности законов — все в порядке.

На основании этого закона нашим парламентом принята Государственная программа по выполнению закона о языках. На ее основе позднее разработана и утверждена мэрией Казани своя городская программа претворения этого закона в жизнь. Помнится, во время обсуждения этой программы вы писали, что она получилась более конкретной, более продуманной и реальной, чем республиканская программа. И тут я полностью с вами согласен.

Короче, за законодателями дело не стало. Есть закон, есть программа. Надо только претворять их в жизнь. Это уже дело не парламента.

— *Вы хотите сказать, что в законодательном плане сделано все для сохранения и развития языков народов Татарстана?*

— Нет, конечно. Пока что заложены лишь законодательные основы языковой политики. Что еще предстоит сделать? Во-первых, нужен специальный республиканский орган государственной власти по исполнению Закона «О языках народов Республики Татарстан» и Государственной программы по сохранению, изучению и развитию языков народов РТ. Понимаю, что поднимать вопрос о создании нового государственного органа в то время, когда идет тотальное сокращение штатов государственного аппарата, может показаться безумной затеей. Но ведь кому-то надо этим заниматься постоянно, изо дня в день. А если выполнять эту работу на общественных началах, далеко не уедешь...

Во-вторых, как можно скорее надо подготовить и принять законопроект «Об административной ответственности за нарушение Закона «О языках народов РТ». Вот, скажем, уже после принятия закона о языках открыт парк Победы. Дело доброе! Но почему надпись у входа — крупными золотыми буквами — только на одном, на русском языке?

А главное, почему никто не понес за это никакого наказания? Вот если бы администратор любого уровня заранее знал, что так легко ему не отделаться, что нарушение закона грозит крупным штрафом, выговором, снятием с работы, а то и уголовной ответственностью, он бы десять раз подумал, прежде чем нарушать закон...

Полагаю, что парламенту надо объявить ближайший год, может, 1999-й, может, 2000-й, Годом татарского языка. Почему только год? Надо заниматься этим всегда? Согласен. Но, как известно, труднее всего сдвинуть воз с места. Год татарского языка как раз и нужен для того, чтобы сдвинуть этот нелегкий воз... А там пойдет легче, само покатится...

— *И тогда никто не сможет сказать, как сейчас нередко повторяют: а воз и ныне там...*

— Да... Но и это еще не все. Принято решение о финансировании этой программы. Но пока что не всегда хорошо с целенаправленным выделением денег... Действует прежний «остаточный принцип». В программе есть статья о 15-процентной надбавке за знание и применение двух государственных языков. Но не выработан четкий перечень профессий и отраслей, дающих право на эту надбавку. Сами понимаете, в этом деле не должно быть никакого ущемления прав других народов. И в то же время знание языков, если это и в самом деле необходимо по характеру труда или профессии, надо поощрять.

— *Приближается 30 августа — День Республики. Как по-вашему, произошли ли за последние годы какие-то принципиальные изменения в статусе татарского языка и других языков народов РТ?*

— Безусловно! Законы и программы не просто приняты, они заработали... Конечно, проблемы остаются. Но они будут всегда — таков закон жизни. Главное — не опускать руки, а работать, действовать. И тогда — я уверен — потомки скажут нам спасибо за то, что мы не сидели сложа руки, а сделали все, чтобы сохранить бесценное богатство народа, его живую душу.

1998, 28 июля

«КТО ВЫ, РОБЕРТ МИННУЛЛИН?»

Беседа с С.Малышевым — редактором журнала «Идель»

Лауреатом Государственной премии имени Г.Тукая в области литературы в этом году стал Роберт Миннуллин. По положению о премии она была присуждена за конкретную книгу детских стихов, хотя, конечно же, это оценка всего творчества поэта. Говорят, что впервые в истории премии Комитет по ее присуждению проголосовал единогласно (27— «за», против и воздержавшихся нет). В беседе с лауреатом я, Сергей Малышев, поэт и переводчик поэзии, сперва предполагал ограничиться только вопросами литературного ремесла, что, естественно, мне не удалось: человеческий фактор, личность автора в поэзии, пожалуй, существенней набора технических приемов. Переводя стихи Роберта на протяжении ряда лет, я волей-неволей узнал о нем весьма много: за поэтическими строчками не спрячешься, они говорят о сути человека порою больше, чем он сам хотел бы сказать. Тем более интересно было послушать, что думает о себе и о своем творчестве сам поэт. Запись беседы дана в сокращении.

— Роберт, о Вашей общественной деятельности Вы рассказывали в интервью нашему журналу ровно год назад («Идель», 1997, № 5). Но Вы поэт — и прежде всего поэт. Поэтому первый вопрос традиционный: как Вы начали писать стихи и почему?

— Общественная деятельность... Вряд ли она противопоказана поэту. Для многих она абсолютно органична: Джалиль, Такташ... Сошлюсь сразу же на слова Тукая, цитирую не совсем точно, но суть верна: «Я не только поэт, но и общественный деятель». Хотя я всегда завидовал «чистым» поэтам: Хасану Туфану, Сибгату Хакиму, Мударрису Аглямому... Но судьба такая: остаться только поэтом не смог. Пошло это на пользу моим стихам или во вред, обсуждать бессмысленно: жизнь заново не перепишешь, сравнивать не с чем.

А творческое начало, тяга к перу у нас, должно быть, в роду. Мой родственник Зуфар Хамидуллин в бытность свою студентом пединститута уже пописывал, что и стало его профессией. Правда, перешел он на суровую прозу, стал журналистом. Ну а я тогда, мальчишка лет десяти, учился у него азам стихотворного ремесла. Двоюродный дядя Бари Ямалов был редактором районной газеты, а его сын Марат — ныне ученый и поэт. Так что предпосылки были.

Если же принять за истину, что счастливые люди стихов не пишут... Когда я учился в пятом классе, умер отец. Что-то в душе изменилось...

И последний, существеннейший фактор: я родом из маленькой деревушки, а, как известно, 99 процентов татарских поэтов родилось в деревне. Если всерьез, то это беда нашей литературы. Но это уже другая тема.

— Вы у нас известнейший детский поэт и одновременно «взрослый». Понятно, что с детских стихов никто не начинает, у каждого поэта есть момент и своя причина для перехода от лирики к детской поэзии. Когда и как это произошло у Вас?

— По-моему, разделение на «взрослого» и «детского» чисто искусственное, считаю себя просто поэтом. А детские стихи начал писать в общем-то случайно. В студенческие годы сотворил три стихотворения и самоуверенно принес их в редакцию пионерской газеты «Яшь ленинчы». Ренат Харис (кажется, он был тогда в газете ответственным секретарем) отобрал два из них, стихотворения опубликовали. Недавно перечитывал их. С автором обошлись в высшей степени деликатно, скорее всего — просто пожалели его... Авторское самолюбие было удовлетворено, и до окончания университета к детским стихам я не возвращался. А потом пришел работать в «Яшь ленинчы» — ну как там было не писать? А потом родился сын Алмаз, герой и первый слушатель многих моих стихотворений, — и пошло-поехало. Где-то с середины семидесятых годов детские стихи стали для меня очень и очень серьезным делом.

— Что Вы считаете сильными и слабыми сторонами своей поэзии?

— Не сочтите за нескромность, но подчас мне мешает мастерство, отточенная техника, приобретенная за многие годы работы. Когда очень многое можешь, иногда теряешь самоконтроль, столь необходимый поэту. Потом видишь в стихотворении длинноты, вот тут сократить надо бы, и эта строфа лишняя, для замысла необязательная, — а вычеркивать жалко, хорошо все-таки сделано. Да ведь и свое, родное.

Есть у меня стихи, которые перепечатывать, наверное, не надо. В основном они написаны «по социальному заказу». Но каяться в содеянном не буду. Я сын своего времени, со всеми основными достоинствами и недостатками моего поколения. Есть у меня цикл детских стихов о Ленине. Ей-богу, за него не стыдно, уж очень хорошо сделано. Профессионал оценит. А вот о пионерах я, кажется, не писал. Или почти не писал, не помню...

К недостаткам своим отношу узость тематики своих детских стихов. Ох уж эти кошечки-собачки, мячики-цветочки! Но это общий порок детской поэзии, ее специфика. Круг тем расширяется очень медленно, он определяется областью предметов и явлений, доступных восприятию ребенка. Появляется в быту телевизор или компьютер, становится привычным, обыденным — тогда он появляется и в стихах. Врач с градусником в руках уже набил оскомину, но компьютерный томограф пока в стихи вводить рановато...

Из-за узости тематики — неизбежные повторы (хотя и с вариациями), в том числе и в рифмах. Вроде бы все это понимаю, могу найти себе оправдание, но чувство неудовлетворенности все же остается.

Наши достоинства, как известно, лишь продолжение наших недостатков. И наоборот. Отточенная техника, или скажем скромнее, неплохие профессиональные навыки, — сильная сторона моих стихов. Рифмы, ритмы, размеры — это само собой. А еще я умею поиграть звуками, словами, что особо ценно в детских стихах.

Узость тематики заставляет быть изобретательным, искать новые сюжеты и неожиданные повороты старых. По-моему, безуспешно. Диапазон моих возможностей: от юмора до лиричности, от радости до печали. И никогда в моих стихах не прозвучат грубость или жестокость.

Очень ценю в стихах (в своих, конечно, тоже) предметность, какие-то детали, мелочи, подробности окружающего мира. Не жалею времени на их поиск. Жизненная мелочь придает даже сконструированной ситуации психологическую точность.

Вообще-то о достоинствах своих стихов каждый поэт может говорить бесконечно. Проявлю-ка я силу воли и остановлюсь.

— *Как Вы работаете? Быстро ли пишется стихотворение? Правите ли Вы его потом?*

— Я много думал, читал и перечитывал великих, и то, что я скажу сейчас, не мгновенная реакция на Ваш вопрос.

Удача или неудача стихотворения определяется прежде всего верным выбором интонации. Она задается обычно одной или двумя строками, их ритмом, размером, музыкой. Нашел эту интонацию, совпала она с твоим душевным настроением — все, стихотворение есть. Оно будет чуть хуже или лучше, длиннее или короче, это узнаешь потом, когда его напишешь, — но стихотворение уже есть. Выбор метафор, эпитетов и прочего — дело второе, они вторичны по отношению к интонации. Точность или неуместность их определяется прежде всего тем, соответствуют они интонации или нет.

Быстро ли пишу? Очень редко. Как правило, пишу трудно, перебираю массу вариантов, подбираю детали, шлифую строки, подгоняю, чтобы не было зазора... Кропотливая работа ювелира. Хотя, конечно, изделие не всегда выходит драгоценным.

Бывает и так: сидел над стихотворением, продвигалось оно вперед — и вдруг стоп, дальше оно писаться не хочет. Тогда откладываю его, чтобы вернуться к работе над ним через месяц, два, год...

Опубликованные стихи не правлю никогда. Открываю книгу, вижу свои огрехи, но понимаю: прошло время, я уже другой, и после правки получится другое стихотворение. «В одну реку дважды не войдешь».

— *На Ваш взгляд, меняют ли что-либо стихи в окружающем мире? К сожалению, в этом вопросе я пессимист. Знал я вора-карманника, любившего поэзию и знавшего ее куда лучше, чем предусмотрено школьной программой. Все убийцы читали в детстве Пушкина или Барто.*

— Стихи сами по себе в мире ничего не меняют. Они меняют что-то в человеческой душе, особенно в детстве. «Уронили мишку на пол, оторвали мишке лапу. Все равно его не брошу, потому что он хороший». Если бы малыши не знали подобных добрых стихов, не постигали бы красоту родного языка и — через язык — окружающего мира, негодяев было бы куда больше. Нет, здесь я с Вами не могу согласиться. Без веры в то, что стихи — это не просто игра в слова, я бы не смог писать. Да и потом, есть же и отзывы читателей. Люди прямо говорят, что стихи им нужны «для души».

— *Насколько мне известно, Вы человек не религиозный, что, по-моему, говорит о Вашей порядочности: так мы были воспитаны, а вера не галстук, чтобы ее по моде менять и напоказ выставлять. В обычной жизни, в круговерти дел вечных вопросов не возникает: просто-напросто некогда. Но вот наступает момент тишины, остаешься наедине с собой и приходят мучительные вопросы зачем я жил? живу? что и как дальше? Командировали тебя в жизнь, срока командировки не знаешь, а цель в командировочном предписании должен проставить сам... Вам это чувство знакомо?*

— Я рад, что свобода совести теперь — не пустые слова, рад, что открываются мечети, церкви, синагоги, что они не пустуют. Это прекрасно. Смущает меня лишь одно: когда абсолютно циничные люди, не верящие ни в Бога, ни в черта, вдруг становятся религиозными напоказ, в поступках своих по-прежнему оставаясь циничными. Наверное, даже когда неверующий посещает храм, что-то меняется в его душе. Может быть, даже чисто формально выполняя религиозные обряды, становишься лучше. Не знаю, может быть. Но вера напоказ мне все-таки неприятна. Вера — дело интимное, не надо бы в нее играть.

Вера — дело интимное, и что там у меня в душе, позвольте оставить при себе, без попытки сформулировать. Возможно, я и не смог бы. Дорога к Богу — очень длинный путь. И где я сейчас? Нет, не могу ничего сказать.

А вообще-то неверующих поэтов не бывает, что-то в самой природе поэзии этого не допускает. Можно исповедовать или не исповедовать какую-либо из общепризнанных религий, но у каждого поэта есть своя, она — в его стихах.

О смысле жизни, конечно же, приходилось задумываться, и не раз. Четкого, однозначного ответа у меня нет. Есть множество готовых ответов, формулировок, инструкций, предписаний, как и для чего нужно жить. Мне кажется, что человек или живет как уж у него выходит, чисто формально называя истиной один из ответов, или же, принимая за истину, всерьез следует одному из предписаний. По-моему, из опыта личной жизни своего четкого, однозначного ответа на вопрос о ее смысле найти нельзя.

Жизнь — судьба, она непредсказуема. Но у тебя есть цель, и надо к ней идти — наперекор судьбе.

Цель же и ее значимость не есть что-то постоянное, они меняются с твоим возрастом, обстоятельствами, обществом. И ответ на вопрос о смысле жизни не есть что-то постоянное, однозначное, он меняется с возрастом, обстоятельствами, окружающим миром. Простите, если

изложил свое мироощущение несколько невнятно. Да, скорее, именно ощущение. Выдумывать еще одну чеканную формулировку не хочется.

А о последнем штампе в моем командировочном предписании гадать не хочу. Я живу заботами сегодняшнего дня, заботами и нуждами моих современников, — для них и пишу. А уж бессмертие потом или что попроще — для меня не слишком важно.

— *Какой вопрос Вы хотели бы задать себе сами?*

— *Всю жизнь спрашиваю себя: «Кто ты, Роберт Миннуллин?»*

— *Самопознание — тоже вопрос без однозначного, окончательного ответа?*

— Да.

* * *

Затем мы долго и церемонно прощались, при этом я услышал много приятных слов. Он ведь очень вежлив, этот Роберт Миннуллин. И сдержан, любит шутить не улыбаясь. Думаю, вы разберетесь, что было сказано всерьез, а что — не очень. Возможно, так откровенно о себе для прессы он говорил впервые. Но вот что еще интересно: мое представление о нем, о его взглядах и пристрастиях, даже о методах работы, составленное по его стихам, в беседе в основном подтвердилось. Так что ответ на вопрос «Кто Вы, Роберт Миннуллин?» — в его книгах.

1998, май

«МОЙ ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ НЕМНОГО ПОГРУСТНЕЛ»

*Интервью Г.Зиновой — корреспонденту «Башинформ»
для газеты «Республика Татарстан»*

1 августа исполняется 50 лет известному татарскому литератору Роберту Миннуллину. В честь юбиляра уже прошли торжества на его малой родине в Илишевском районе Башкортостана.

До некоторых пор Роберт Мугаллимович был больше известен как детский поэт, писатель, главный редактор газеты «Сабантуй». В его творческом багаже более 25 книг, публицистика, литературоведческие работы в периодических изданиях. Его талант, его труды по достоинству отмечены — он лауреат Государственной премии РТ имени Г.Тукая, лауреат литературной награды имени Г.-Х.Андерсена и имени М.Джалиля, удостоен почетных званий заслуженный деятель искусств Татарстана и заслуженный работник культуры Республики Башкортостан. Но все же самая дорогая награда — популярность его поэзии, песен, всенародная любовь к ним.

— *Роберт Мугаллимович, многие знают вас не только как поэта, но и как общественного, государственного деятеля. Что толкнуло вас на эту стезю?*

— Конечно, я тоже раньше не думал, что буду работать в парламенте, да к тому же на постоянной, профессиональной основе. Еще во времена КПСС я избирался в состав Верховного Совета республики, был даже членом Президиума. И не потому я там оказался, что рвался к власти или изнывал от безделья, нет. Будучи по своей природе больше все же детским поэтом, я тогда активно работал в Детском фонде. Альберт Лиханов, возглавлявший фонд во всесоюзном, а затем российском масштабе, «подтолкнул» участвовать в выборах: с мандатом депутата, говорил он, ты сможешь добиться многого, сможешь больше сделать для республиканского отделения Детского фонда. Действительно, так и вышло.

Кстати, как поэт, я не мог пообещать своим избирателям в случае победы на выборах ни помощи в приобретении техники, ни других «золотых гор». Что уж теперь вспоминать, но мои оппоненты, бывало, работали против меня нечестными методами. И об этом я говорю лишь для того, чтобы народ, избиратели умели отделять мнимые ценности от истинных, не дали обмануть себя обещаниями сиюминутных выгод. Пресловутая «пятая графа» не сыграла никакой роли — в моем округе в основном проживают русские и чувашаи.

Став депутатом, первое время чувствовал себя не в своей тарелке. Прекрасно осознавал, что могу быть мало полезен в том смысле, в каком привыкли за долгие годы смотреть на народного избранника: он, мол, обязан выбить, протолкнуть, походатайствовать... Однако, удивительное дело, вскоре выяснилось, что народ ходит на депутатские приемы не только с просьбами о получении жилья или внеочередной установке телефона. Наших граждан волнуют проблемы общегосударственного значения, например, развитие культуры, языков...

— *В обществе уже несколько лет муссируется вопрос о переводе татарской письменности на латинский шрифт. Порой кажется, что латиницу уже готовы принять. Об этом говорят не только выступления на уровне эмоций, но и аргументы ученых из Академии наук Татарстана...*

— Лично у меня вопрос о переходе на латиницу вызывает двойственное чувство. С одной стороны, в этом есть безусловные положительные моменты. Если, скажем, переход на латиницу состоится, то

татары, рассеянные по всему миру, смогут приобщиться к единому восприятию текстовой информации. Известно, думаю, всем, что латиница наиболее распространенный в мире алфавит. С введением латиницы произойдут мощные объединительные процессы в глобальном масштабе, татары всего мира смогут читать на родном языке прессу Татарстана, смогут получить доступ к нашим культурным ценностям. Издания на латинице будут доступны татарам, живущим в десятках стран мира.

Но вместе с тем, думая о зарубежных соплеменниках, нельзя забывать о тех, что живут совсем рядом, но в других республиках. Скажем, в Башкортостане более 1,2 млн. татар, живут они в Чувашии, Мордовии, Марий Эл, в Сибири... Как быть с ними? Везде в ходу кириллица, и об этом нельзя забывать.

Я твердо убежден, что любой шаг в области национальной культуры должен быть объединяющим, а не разъединяющим. Скажем, если в Башкортостане не примут латиницу, а в Татарстане примут — это будет разъединяющим моментом, чего никак нельзя допустить. Прежде чем принять решение, надо очень внимательно изучить опыт соседей, благо он есть. Многие указывают на Турцию, дескать, у них все хорошо. Может быть. Но ведь есть Узбекистан, там семь лет назад приняли решение о переходе на латиницу, а теперь говорят, что надо еще лет 5–6, чтобы хорошо подготовиться. В Баку тоже пока ничего хорошего в этом вопросе не получается.

— *За чередой депутатских забот, за работой в качестве председателя постоянной Комиссии Госсовета РТ по культуре и национальным вопросам не забываете, что вы по-прежнему поэт?*

— Нет, не забываю. Хотя белой завистью завидую тем, кто занят только своим творчеством, может уделять ему все свое время без остатка. Я тоже, наверное, мог бы жить только в своем внутреннем мире, но это, скорее, несбыточная мечта: слишком трогают меня и проблемы внешнего мира, народа, живущего в Татарстане и за его пределами. Последние несколько лет как литератор я работаю только во время отпуска.

— *И что волнует вашего лирического героя?*

— У моего лирического героя в последнее время четко проявились нотки грусти. Видимо, сказывается работа в политике. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и возраст, и положение общества в целом. У моего лирического героя исчезла присущая ему ранее мягкость и даже потускнело чувство юмора. Появился сарказм. Могу смеяться над собой, смотрю на мир несколько иными глазами.

... *Нам же от себя остается добавить, что Роберт Миннуллин смотрит на мир глазами человека, который хочет добра и мира. И для этого неустанно работает в двух ипостасях — народного избранника и поэта.*

1998, 30 июля

СВЕТЛАЯ ГРУСТЬ РОБЕРТА МИННУЛЛИНА

*Интервью А.Валиуллиной — журналисту газеты
«Молодежь Татарстана»*

Тот, кто знаком с творчеством Роберта Миннуллина, наверное, не поверит: 1 августа этого года любимому поэту детворы исполнится 50 лет.

— *Роберт Мугаллимович, помню, в детстве, когда я читала ваши стихи, то была уверена, что пишет их такой же ребенок, как я. Как вам удается сочетать в себе детское восприятие мира и серьезность взрослого политика?*

— Я называю это детскостью. В жизни она иногда помогает, но часто и мешает. В наше нелегкое во всех отношениях время очень тяжело быть ребенком в душе. Нужно быть более энергичным, даже нахальным. Сейчас время бизнеса, время денег, и легче живется тем, у кого нет чувств. Но я надеюсь,

что это время кончится.

— *Вы активно занимаетесь политикой. У вас остается время на творчество?*

— На творчество времени никогда не было. С 18 лет я работаю в газетах, журналах, на телевидении, то есть занят, как и все, с 9 до 18 часов. Поэтому основным временем для творчества всегда была ночь и выходные. По другому в нашем обществе, к сожалению, не получается, особенно в последние годы. Раньше, издав книгу, можно было позволить себе жить на гонорары год-два, сейчас, чтобы выпустить книгу, самому нужно находить деньги. Это очень обидно, ведь получается, что у нас нет профессиональной литературы, только самодеятельная.

— *Это говорите вы, депутат Госсовета...*

— Я знаю, как живут работники культуры. Они все думают, что депутаты смогут им помочь и в материальном плане, и в моральном, психологическом. Но не все зависит от нас, деньги не в наших руках. Мы же хотим помочь, используя законы, при принятии бюджета. Иногда получается.

— *В этом году вы стали лауреатом Тукаевской премии...*

— Да, долгожданной. Мою кандидатуру выдвигали на премию 5 раз. Наверное, эта заветная мечта каждого татарского писателя, так как это высшая в республике награда, связанная с именем Тукая. Только после ее получения я почувствовал, что на самом деле, наверное, поэт.

— *У вас много званий, вы лауреат многих премий, эта самая дорогая?*

— Самая дорогая премия — это любовь читателей. Есть поэты, имеющие и звания, и премии, но их читают мало. Меня же татарские дети знают хорошо, поэтому есть какое-то удовлетворение.

— *В одном из ваших интервью вы говорили, что ваш лирический герой грустит. С чем это связано?*

— Грусть у меня, вообще-то, с детства. В последнее время она усиливается, наверное, это и от возраста и от возмужания. Поэт без грусти — не поэт, даже детский.

Я долгое время работал в редакции газеты «Сабантуй» и председателем Детского фонда и многое для себя открыл. Я увидел детей, у которых нет счастья, будущего. И таких детей много. Детские поэты пишут, в основном, о счастливом детстве, это нужно, ведь так должно быть. Но оказывается, не все этим ограничивается. Я стараюсь показать детей сквозь слезы и улыбку одновременно. У меня есть стихотворение «Мне нужен братишка». Многие воспринимают его как юмористическое, но это не так. Оно об одиночестве, человеку очень больно, когда он одинок. Если поэт научит ребенка грустить, это уже высокое достижение.

— *Свои сюжеты вы заимствуете у конкретных детей?*

— Так получилось, что когда я начал писать для детей, у меня родился сын. В первых моих стихотворениях все взято от Алмаза. Сейчас же я научился писать без подсказки. Во-первых, он стал взрослым, во-вторых, я уже более-менее знаю психологию детей.

— *Про внуков будете писать?*

— Это будет уже другая поэзия, появится новый импульс. Все говорят, что внуки слаще детей, поэтому я с нетерпением жду этого времени.

— *Роберт Мугаллимович, как вы отметите свой день рождения?*

— В Башкортостане, на моей родине, уже провели большой праздник в виде сабантуя. Гости приехали со всего района, друзей было больше ста человек. Я пригласил татарских и башкирских писателей и поэтов, Салавата Фатхутдинова, Айдара Галимова, Зухру Сахабиеву, Хайдара Бигичева, было очень весело, все разошлись довольными.

В Казани же осенью наверняка будет творческий вечер, в котором примет участие много детей. Думаю, праздник получится не только для меня, но и для зрителей.

1998, 28 июля

«МЫ ВЗРАСТИМ СВОИХ ДИПЛОМАТОВ»

Интервью Р.Щербаковой — журналисту газеты «Республика Татарстан»

— *До девяностого года никто даже в буйных фантазиях не мог вообразить, что Татарстан будет иметь во Франции, Турции или на Кубе свое представительство торгово-экономическое, постоянное или полномочное. Тем не менее сегодня, спустя каких-то десять лет после принятия Декларации о суверенитете, мы имеем «своих людей» практически на всех континентах — в Италии, США, Вьетнаме, Австралии... Но как это все начиналось, Роберт Мугаллимович?*

— Действительно, до конца восьмидесятых Татарстан никогда самостоятельно не выходил на международный уровень. Наши деятели могли участвовать в зарубежных делегациях только в качестве сопровождающих лиц, причем это касалось и первого секретаря обкома партии, и Председателя Совета министров. Поэтому неудивительно, что о нашей республике мало знали и не подозревали, что она собой представляет и какие народы населяют ее территорию. А уж слово «татары» у многих и вовсе ассоциировалось со словом «тартар» и понятием варвары.

Открытие мира для нас началось в связи с принятием Декларации о суверенитете, где мы четко записали, что Республика Татарстан является субъектом международного права. Перво-наперво начали налаживать самостоятельные контакты с соседями, в частности с Башкортостаном, с которым у нас есть Договор о дружбе и сотрудничестве. Этот договор стал как бы пробным шаром (мы его пролонгировали в девяносто седьмом году, расширив границы экономической деятельности), а после по его образу и подобию заключили целый ряд взаимовыгодных двусторонних соглашений с другими соседями, некоторыми странами СНГ. Сегодня мы торгуем более чем со ста странами мира.

— *И что, вы хотите сказать, что никто не противодействовал нашему стремлению выйти в мир?*

— Почему же? Вначале со стороны Министерства иностранных дел было немало претензий в адрес республики. Это и понятно: откуда у нас мог быть опыт внешних сношений и дипломатических переговоров? Всему учились на ходу, в том числе и политесу. Потом все же удалось найти общий язык и с министерскими деятелями, привлечь их на свою сторону на правах партнерства. Часто они участвуют в работе наших делегаций.

— *Надо полагать, не в порядке цензорского пригляда-присмотра? В таком раскладе это напоминало бы функции КГБ-ФСБ...*

— Если это и делается, то очень корректно. Мы не против, потому что опыта у них больше, да и в помощи все же еще нуждаемся. Вот когда взрастим в МГИМО своих дипломатов, тогда будет другой разговор. Конечно, кому-то изначально все эти активные международные шаги Татарстана могли и не нравиться, но к ним нас вынудила сама жизнь! Вспомните перестроечное время: Союз распался, федеральный центр занят был исключительно собой, так что никому не было дела до субъектов и установления экономических и иных связей, которые полностью распались. А ведь на местах надо было продолжать жить — руководить экономикой, которая резко пошла вниз, думать о завтрашнем дне. В такой почти тупиковой ситуации республика и стала самостоятельно искать выходы из создавшегося положения, находить внешних партнеров, договариваться об инвестициях.

К тому же мы — татары. Одним из приоритетов внешней деятельности после принятия Декларации стало проведение политики, учитывающей интересы татарских диаспор, проживающих за пределами республики и в целом России. Плоды этой работы уже чувствуются: начинается возрождение этносоциальных и культурно-нравственных ценностей. Эти связи, между прочим, очень помогают в работе полномочных представительств.

— *Роберт Мугаллимович, вы ведь тоже участвуете в международной деятельности как член парламента. Как нас принимают за рубежом? Не считают за «выскочек»?*

— Напротив, инициатива субъектов Российской Федерации приветствуется, тем более что мы ведь не с протянутой рукой едем, не подачек просим, а предлагаем взаимовыгодные условия сотрудничества, основанные на законодательном уровне. Идет как бы поэтапная интеграция Татарстана в мировое сообщество, поскольку одновременно с экономическими развиваются международные контакты по линии научных, образовательных, культурных, архивных, медицинских, спортивных, туристических и общественных организаций. Отрадно и то, что завязывается самая настоящая дружба и между парламентариями наших стран. Идет обмен законодательными инициативами.

И правительственные, и парламентские делегации Татарстана принимают на самом высоком уровне. Протокол, как правило, соблюдается. Это очень важное обстоятельство, ибо политический имидж не так-то просто завоевывается. Я полагаю, что громадная заслуга в этом принадлежит нашему Президенту, которого очень хорошо знают за границей.

Верховный Совет республики с первых дней принятия Декларации о суверенитете активно включился в продвижение международных интересов Татарстана. Формированию законодательного поля подобной деятельности способствовали и Конституция РТ, и подписанный позднее Договор о разграничении и взаимном делегировании полномочий с федеральным центром. В 1994 году мы заключили парламентское соглашение с Турцией. Наши парламентские делегации побывали в Дании, Франции, Канаде. Особое значение мы придаем участию республики в самых различных международных организациях гуманитарного толка.

— *Как вы считаете, в связи с укреплением властной вертикали и требованием Конституционного суда Российской Федерации привести в соответствие законодательства субъектов и центра международная деятельность нашей республики, в частности, не будет ущемлена?*

— По оценке правоведов, определение Конституционного суда РФ носит характер, скорее, не юридического, а политического документа. Трудно сказать, как будут разворачиваться действия федерального центра дальше, но, полагаю, во многом они будут зависеть и от того, насколько достойно мы проведем десятилетний юбилей со дня принятия Декларации о суверенитете республики. Было мнение, а стоит ли «дразнить Москву» и вообще праздновать это событие, но с подобной постановкой вопроса мы активно не согласились. Праздник есть праздник, и отнять его у народа нельзя. Для нас

Декларация является одним из самых значительных документов двадцатого столетия, в целом в истории татарского народа, поэтому принижать его роль никто не собирается. Мы приглашаем много гостей, в том числе руководство Москвы и федерального центра. Это, соответственно, потребует и от них какой-то реакции — принять приглашение или не принять.

— *Мы не собираемся сдавать завоеванных позиций, я правильно поняла вас?*

— Да. Мы не против привести свои законы в соответствие с российскими. Но разве сами российские законы так уж идеальны? Вероятно, приведение в соответствие предполагает взаимную работу над законодательством. И работа эта вовсе не должна сводиться, что называется, к опту. Татарстанские юристы, ученые-правоведы уже вплотную занимаются этим процессом, депутаты тоже подключатся к нему после каникул.

Ровно десять лет назад, 30 августа, я в своем выступлении сказал, что все трудности у нас еще впереди. Так оно и выходит. Но отраднее то, что десять лет мы провели не зря — мы учились быть государственниками. Татарстан тогда, в 1990-м, нашел общий язык с руководством России, надеюсь, найдет и сегодня.

2000, 17 августа

БУДУЩЕЕ НАДО СТРОИТЬ ВМЕСТЕ, А НЕ ПОРОЗНЬ

*Беседа с Е.Бондаренко — журналистом газеты
«Казанские ведомости»*

Говорить о суверенитете можно долго и много. Тем более что за прошедшее десятилетие побед как, собственно говоря, и упущенных возможностей, у Татарстана было достаточно. Впрочем, дадим слово непосредственному участнику событий 90-х — известному поэту, а ныне заместителю Председателя Госсовета РТ Роберту Миннуллину:

— В то время, когда принималась Декларация о государственном суверенитете Татарстана, я был народным депутатом. Считаю это событие важной вехой в истории татарского народа XX века.

— *Суверенитет следовало наполнить конкретным содержанием. Что удалось, что не удалось осуществить за эти десять лет?*

— Недавно слышал заявление Фандаса Сафиуллина: «Многое сделано благодаря суверенитету, но татарский народ ничего не получил». В корне с ним не согласен. Татарский народ приобрел много того, чего был лишен ранее, — Всемирный конгресс татар, массу законов в области образования, культуры, которые успешно работают.

Достаточно вспомнить, каков был статус татарского языка. Ему была уготована роль бытового. Книжки на татарском выходили небольшими тиражами, национальных газет было мало. С тех пор многое изменилось. В татарских деревнях преподавание школьных дисциплин ведется исключительно на татарском. Я считаю, это нормально. Народ должен знать свой язык и, кстати говоря, не только по произведениям национальных авторов — необходимо делать переводы Пушкина, Лермонтова, классиков мировой литературы.

— *Насколько те проблемы, которые существовали ранее, теперь сдвинулись с мертвой точки?*

— В течение десяти лет начиная с 1976 года я вел передачу «Шигъри тѳлгѳшлѳр» (Гроздь поэзии), где дети читали стихи на татарском языке. Беда была знаете в чем? Трудно было найти детей, свободно владевших татарским. Ведь тогда бытовало мнение, что татарский язык — второсортный. Сейчас другое дело. Татарский язык на деле становится государственным языком, каковым и должен быть. Есть все условия для интеллектуального роста молодежи: например, можно поехать учиться за границу, раньше об этом и речи быть не могло. Думаю, молодое поколение этим воспользуется, ведь им жить и руководить республикой завтра.

— *Как государство сегодня решает проблему обеспечения национальных школ соответствующей учебной литературой?*

— Республиканский бюджет каждый год предусматривает расходы на издание учебников на татарском языке. И не только на татарском.

— *Как, по-вашему, в последние годы настроение татарстанской интеллигенции улучшилось? Или наоборот?*

— В экономическом плане еще много трудностей. Раньше была гарантия, что через год я выпущу книгу стихов. Теперь такой гарантии нет. Если ты талантлив, у тебя есть шанс на успех, но лишь при наличии спонсоров.

— *А как быть тем, у кого и денег нет, и спонсоров?*

— Могу сказать только одно — кое-какие шаги в этой области уже предпринимаются. Например, Таткнигоиздат сегодня выпускает около ста наименований книг в год. Это совсем не плохо, если

учесть, что раньше автором большинства изданий являлось ЦК КПСС.

— *Как вы оцениваете творческий потенциал республики?*

— Он традиционно на очень высоком уровне. Это касается как татарской, так и русской культуры. Я не считаю ее провинциальной, это высокая культура с богатыми традициями.

— *Не ущемляются ли в связи с провозглашением суверенитета интересы других национальностей, проживающих в Татарстане?*

— Я так не считаю. Если мы хотим, чтобы Россия смотрела на татар как на равных, мы должны в своей республике вести себя достойно, уважительно по отношению к другим народам.

— *С чем, по-вашему, связан пристальный интерес к Татарстану в последнее время со стороны России и других стран?*

— Мы говорим о Договоре между Татарстаном и Россией как о чем-то неординарном. А тем временем оказывается, что это вовсе не мы придумали: начиная с 1445 года наши предки заключали мирные договоры с Россией. И я полностью поддерживаю эту политику. Будущее надо строить вместе, а не порознь, чтобы всем было уютно на этой земле.

— *Что спасло в свое время Татарстан от перспективы стать «второй Чечней»?*

— Тогда не только у нас, но и в Прибалтике, на Кавказе, даже в Москве и Петербурге ситуация была близка к взрывоопасной. В 1990 году было нелегко, но мы нашли общий язык с Россией. Думаю, опыт, накопленный Татарстаном за эти десять лет, поможет нам принимать правильные решения и впредь.

— *Речь идет о том, что Татарстаном нельзя управлять из федерального центра как любым другим субъектом?*

— Мы приняли Конституцию, отличную от российской. Большинство татарстанцев тогда нас поддержало. Конечно, в любой ситуации можно найти недовольных, в том числе и суверенитетом.

— *А как вы относитесь к организациям типа ТОЦ?*

— Это своеобразная форма национального движения. В свое время они делали большое дело. Сейчас снова поднимаются в защиту суверенитета. Что же касается ярко выраженных экстремистов, то таковых у нас почти не было.

— *Насколько в 90-м году была реальна угроза, что федеральный центр вмешается в происходящие в республике процессы и применит силу?*

— Если бы мы не приняли Декларацию о суверенитете, всего можно было бы ожидать. Но парламент республики оказался на высоте, и прежде всего это заслуга Председателя Верховного Совета Татарстана (тогда этот пост занимал нынешний Президент РТ Минтимер Шаймиев. — Е.Б.).

— *Вы разделяете точку зрения аналитиков, утверждающих, что модель татарстанского суверенитета уникальна?*

— Распался Советский Союз, сошла на нет экономика, Татарстан остался на нуле. В такой ситуации необходимо было четкое руководство. Минтимер Шарипович Шаймиев еще в 90-м году называл себя центристом. Вот и делайте выводы.

— *Как вы относитесь к тому, что в этом году мы будем отмечать День республики, День города, а не День независимости, как раньше?*

— Независимость... в Декларации нет такого слова. Я за четкую формулировку.

— *Насколько мне известно, в городской администрации подумывают о том, чтобы объявить открытый конкурс на символику города. Вы согласны с тем, что Казани необходимо иметь собственный герб, флаг?*

— У столицы должно быть свое лицо. Если такой конкурс будет объявлен, то не откажусь в нем поучаствовать. Например, написать гимн Казани.

— *Какой вы видите Казань в будущем?*

— Столицей суверенной республики. Надеюсь, нам удастся сохранить этот высокий статус.

2000, 30 августа

КОГДА ПОЭТУ НЕ ДО СТИХОВ

Интервью И.Ракипову для газеты «Известия Татарстана»

Роберт Миннуллин — татарский поэт, заслуженный деятель искусств Республики Татарстан, заслуженный работник культуры Республики Башкортостан, лауреат Государственных премий РТ имени Г.Тукая и имени М.Джалиля, международной награды имени Г.-Х.Андерсена. Работал в журнале «Казан утлары», возглавлял редакцию художественных передач студии телевидения Госкомитета ТАССР по

телевидению и радиовещанию, газету «Яшь ленинчы» («Сабантуй»). Депутат Верховного Совета Татарстана (1991–95 гг.) и народный депутат РТ двух созывов.

— *Роберт Мугаллимович, какие вопросы, какую сферу деятельности Государственного Совета вы курируете как заместитель Председателя парламента?*

— Круг курируемых вопросов достаточно обширен. Это и деятельность постоянных комиссий: по вопросам законодательства, законности, регламента и депутатской этики; по науке, образованию, культуре и национальным вопросам; по социальным вопросам, делам детей и молодежи, а также вопросы образования и деятельности групп народных депутатов парламента; деятельности Госсовета по учреждению государственных наград, установлению почетных званий; Комиссии по установлению идентичности текстов законов Республики Татарстан на татарском и русском языках. Занимаюсь также координацией работы по оказанию помощи народным депутатам всех уровней в выполнении ими своих депутатских обязанностей, взаимодействую с общественными объединениями, с субъектами права законодательной инициативы в Госсовете РТ.

Достаточное внимание приходится уделять и работе с письмами граждан. За год через меня прошло около 400 писем, по которым надо дать ответ, проконтролировать выполнение. Личный прием веду, как правило, по средам, но по возможности принимаю людей в любой день недели. Увы, моя известность порой и мешает: некоторые обращаются именно ко мне, потому что других депутатов просто не знают. А отказать я не могу.

— *Вы работаете в парламенте третий срок. Сравните, пожалуйста, деятельность депутатского корпуса двух последних созывов.*

— В предыдущем созыве первую часть срока депутатский корпус в плане законотворчества работал более умеренно. На то были свои причины: шел своего рода переходный период — после такого всплеска (принятие Декларации о государственном суверенитете и Конституции Татарстана, Договора о разграничении полномочий между Российской Федерацией и Республикой Татарстан) в общественно-политической жизни республики последовало определенное затишье, да и Василия Лихачева избрали еще и заместителем Председателя Совета Федерации, поэтому он вынужден был очень много времени проводить в Москве. Но к концу срока, после избрания на должность Председателя Госсовета Фариды Мухаметшина, мы наверстали упущенное: в последний год созыва было принято много новых законов, и парламент работал весьма плодотворно. Конечно, всегда кажется, что предыдущий созыв работал лучше. Когда год назад начали свою работу депутаты третьего созыва, многие с пессимизмом предрекали: вот избрали серый парламент, депутаты в большинстве своем неизвестные (хотя это на самом деле и не так), мол, и проку от них будет мало.

Да, в третьем созыве пришли новые депутаты, целиком сменились председатели постоянных комиссий — люди, в основном, из регионов республики, со своим жизненным опытом. Но в течение года они показали, что умеют работать, разбираются в законотворчестве и вполне подготовлены для парламентской деятельности. Особенно это проявилось в процессе принятия нового бюджета, да и в целом в течение осенней сессии активность депутатов все увеличивалась.

Прошедший год был очень насыщенным и непривычным для депутатского корпуса. Во-первых, это был год 10-летия принятия Декларации о государственном суверенитете. Мы очень плодотворно к нему готовились и провели на самом высоком уровне: депутаты очень активно участвовали во всех мероприятиях. Во-вторых, со сменой руководства страны стала меняться политическая ситуация в России, начался процесс по унификации законодательства. Конечно, это очень мучительная и сложная работа, прежде всего в психологическом плане. Потому что мы сами принимали эти законы, а теперь приходится их перекраивать.

— *Тем не менее парламент выглядит достойно в этой непростой ситуации.*

— Нам удалось найти механизм дальнейшей работы, создать согласительную комиссию, была проведена квалификация законов на группы — по степени сложности, при этом Федеральный центр признал, что Татарстан не будет в одностороннем порядке заниматься приведением своих законов в соответствие с Конституцией РФ. Но впереди нас ждет огромная работа по приведению в соответствие Основного Закона республики. Я думаю, мы найдем какой-то компромисс в решении этой проблемы.

— *Немалая часть вашей жизни была связана с журналистикой. Как Вы оцениваете нынешнюю работу своих бывших коллег по освещению деятельности республиканского парламента.*

— Конечно, то, что я сам в прошлом — профессиональный журналист и, что называется, знаю эту кухню изнутри, помогает мне оценивать работу сегодняшних парламентских корреспондентов. Я и раньше интересовался тем, что пишут мои коллеги. И, как правило, заранее знаю, какое издание что и как напишет о состоявшейся сессии, какие акценты расставит тот или иной журналист по тому или иному рассмотренному вопросу. Тем более, что очень многое сегодня зависит от их идеологической направленности, от того, кто является учредителем. Не скрою, есть журналисты, за творчеством которых слежу с особым вниманием, потому что нравится, как они пишут: объективно раскрывая суть

проблемы, находят при этом свои изюминки.

— *Остается ли в жизни Миннуллина-парламентария время для творчества?*

— Мой сегодняшний рабочий режим — с 7.30 и порой до 23 часов. Очень многие мероприятия, которые я курирую по линии Государственного Совета и на которых бываю по поручениям Президента и Председателя парламента, проходят в вечернее время. Нагрузка большая, рабочий день зачастую затягивается до глубокого вечера и с творчеством в прошлом году было тяжело. Написал лишь несколько творческих портретов, песен и очень мало стихов. Хотя в душе уже и созревает что-то более весомое.

2001, 18 января

«МЫ СТАЛИ ДРУГИМ НАРОДОМ...»

**Так считает заместитель Председателя
Государственного Совета Республики Татарстан
Роберт Миннуллин**

*Беседа с Р.Даутовой — журналистом газеты
«Восточный экспресс»*

Его давно — еще с того времени, когда даже трудно было предположить, что скромный и очень сдержанный симпатичный парень, подающий большие надежды как поэт, вдруг станет заместителем Председателя Госсовета Татарстана. Сегодня Роберт МИННУЛЛИН размышляет о судьбе татарского народа в XX веке и о его будущем.

— Для татар это был век неиспользованных возможностей. На стыке XIX и XX веков у нас был огромный шанс стать настоящей нацией — возродиться наконец из политического небытия. Если бы не революция! Фактически она все и испортила. Пришла чуждая для национального самосознания государственная система. Но мы это поняли не сразу.

Если вернуться на несколько столетий назад... Первое время после падения Казанского ханства татары еще сопротивлялись. А потом... замолчали. И молчали почти до Гаяза Исхаки. О борьбе за независимость не было речи. И быть не могло. И вдруг Ленин дает нам автономию. Конечно, мы обрадовались, хотя на самом деле получили лишь иллюзию государственной самостоятельности. Как были, так и остались для России обычным малочисленным народом. Исходя из этого и строились наши дальнейшие отношения с централизованной властью — нам не давали выделиться, состояться.

— *Роберт Мугаллимович, сейчас очень модно оправдывать некоторые внутренние политические события прошлого и настоящего сложным менталитетом татарского народа. Так ли уж значим этот фактор в развитии нашей истории?*

— Мне кажется, да. Например, когда нам дали автономию, татары, по большому счету, не были к этому готовы. Менталитет народа сильно изменился по сравнению, скажем, с менталитетом защитников Казани. В этом я вижу и плюсы, и минусы. При Советах мы стремились к приоритетам духовного порядка. Но они оказались призрачной сказкой. Да, мы научились жить в интернациональной среде, уважать другие народы и конфессии. Но наши соплеменники разбрелись по всему свету. Конечно, дала знать о себе и кочевая природа — нашим отцам и дедам никогда не сиделось на месте! Шахтерами ехали в Донбасс, нефтяниками — в Сибирь, собирать хлопок — в Узбекистан. Сравните с нами чувашей. Интересный народ! В основном, живут у себя, в Чувашии, хотя, казалось бы, православные, а значит, им намного легче среди русских. А мы, татары, все время чего-то искали, осваивая новые географические пространства. Отсюда — наша разобщенность в географическом плане. Но что самое трагичное — в духовном тоже! Татары — большой народ. Сибирские и астраханские, башкирские, крымские и касимовские. Нам очень тяжело прийти к какому-то одному знаменателю. В данном случае, наверное, важно не смешивать два понятия — интересы суверенного Татарстана и интересы татар. Объединяет нас многое, но цели нередко разные.

— *Согласитесь, сейчас так трудно разобраться — кто чистокровный татарин, а кто нет. Насколько я знаю, довольно много молодых татар считают себя русскими. И что печально, их уже несколько не волнует проблема сохранения родной культуры...*

— Мне кажется, это началось тогда, когда многие татары ушли в Россию и впоследствии стали православными, а потом и русскими. Юсуповы, Булатовы, Шереметьевы, Мансуровы... Мы — наивный народ! — гордимся: вот, мол, знаменитость с татарской фамилией — значит, наш, татарин. Конечно, он был где-то когда-то татарин. Это приятно, не спорю. Но сейчас-то в нем ничего татарского не осталось! Сценарий известен: сначала теряется язык, затем культура. И вот что интересно — наши соплеменники становятся не только русскими. Тысячи татарских девушек в свое время уехали в Узбекистан за женихами, вышли там замуж за узбеков — и стали настоящими узбечками! А все

потому, что наш народ терпим и очень восприимчив к другим культурам.

— *Что ж, процесс этот объективный. Но такой ли уж необратимый?*

— Боюсь, что в XXI веке будет еще хуже. Пример тому — Америка, многие страны Европы. Образ жизни американцев, их менталитет — совсем другие. Живущие там в большом количестве мусульмане не смогли сохранить свою самобытность. Вот к чему может привести глобальная ассимиляция.

Почему татарский народ к настоящему моменту более-менее еще сохранил свои национальные черты? Потому что вплоть до конца XIX века мы находились в определенной консервации. В век электронных СМИ процесс ассимиляции будет еще более усугубляться. Мне часто приводят в пример финских татар, чудом сохранивших на чужбине бытовую культуру. Но при этом не учитывается то, что уехали туда в основном бывшие деревенские татары — купцы, зажиточные крестьяне. Сработал тот же принцип изоляции — чтобы выжить, они держались вместе и обособленно от коренного населения. В настоящее время у них сохранился только домашний язык. Они тоже жалуются на ассимиляцию. Процесс этот остановить нельзя. Притормозить можно. Как? Трудный вопрос. Меня удивляет, почему татарка, выходя замуж за русского или еврея, становится русской или еврейкой, но не происходит обратного. Почему такая большая редкость — чтобы православная, выходя замуж за мусульманина, приняла ислам? Две религии в одной семье — очень тяжелое бремя. Возможно, по молодости люди не придают этому значения, а вот в зрелости и старости — ощущают остро. Кстати, на мой взгляд, ислам — один из факторов, который может спасти татарский народ от полного «растворения».

— *А это правда, что сравнительно недавно вы ездили на учредительский съезд Евразийской партии, создавшейся на базе мусульманского движения «Рефах»?*

— Да, мы посоветовались и решили, что должны быть в эпицентре этого события. Хотя, насколько я знаю, в Татарстане отношение к нему неоднозначное. Видимо, потому, что неоднозначно относятся к организатору съезда Ниязову. Бесспорно, это одиозная фигура. Но если такая партия превратится в реальную политическую силу, то лидером, думаю, будет другой человек. Я обратил внимание на то, что среди учредителей этой партии — не только мусульманские организации, но и организации других конфессий. Среди делегатов было очень много татар. Это радует. Считаю, в любом случае надо обязательно участвовать в подобных мероприятиях, стараться делать там погоду и проводить свою идею.

— *Насколько реально, что татары станут лидерами мусульманского движения в России?*

— Затрудняюсь сказать. Вполне возможно, что лидером будет не татарин. Здесь важно другое. В настоящее время мусульман России можно разделить на две категории — поволжские татары, башкиры и кавказские мусульмане. Нельзя позволить кавказским мусульманам стать лидерами. У них много криминала, денег, теневого бизнеса. И характер другой. Сегодня они изо всех сил стараются расширить сферы своего влияния. Убежден: ключевые фигуры мусульманского движения в России должны быть выбраны из наших рядов, что исторически оправдано. Это должны быть татары с башкирами. Впрочем, многое зависит от нашей собственной активности. Особенно сейчас, когда к участию на выборах будут допускаться только российские партии. В этой ситуации нужно собрать вокруг себя как можно больше единомышленников из регионов. Вспомните: в свое время многие считали, что суверенитет Татарстана нужен только татарам. А оказалось, он нужен — как пример — многим регионам.

— *Вот и до суверенитета добрались. Роберт Мугаллимович, не кажется ли вам странным, что когда республика только получила суверенитет, многие кричали: зачем он нам нужен? А сейчас, когда Москва частями отбирает наши свободы, эти же люди плачут о потере суверенитета...*

— Да, помню, сразу же после принятия Декларации ко мне тоже журналисты обратились с вопросом: что, дескать, дала нам эта Декларация? Но как можно говорить о каких-то достижениях прямо на следующий день? Чтобы почувствовать это по-настоящему, нужны десятилетия, надо самим что-то сделать. Вот сегодня можно говорить о результате. Сегодня у нас в душе, в крови убежденность в том, что мы должны иметь свою государственность, что мы достойны этого. За десять лет к этой мысли привыкли даже простые рабочие и колхозники. Мы стали другим народом. В системе международного права существует право нации на самоопределение. Одновременно есть и принцип государственной целостности. Как быть с этим противоречием, с которым сталкиваются многие народы мира, стремящиеся к самостоятельности? Самоопределение народов, на мой взгляд, прежде всего. И именно за ним будущее мировой цивилизации. Но в ближайшие годы ждать прорыва, мне кажется, не стоит.

— *Как вы думаете, в Москве, где в последнее время требуют от нас сделать ревизию Конституции Татарстана, не понимают этого или делают вид, что не понимают?*

— Ну, законы, конституция — это всего лишь буквы, бумага. Важно уметь жить в реальной ситуации. Россия — непредсказуемая страна, в которой президенты уходят и приходят, а вместе с ними незаметно меняется система. Если мы будем вместе защищать свои достижения, то никто у нас не отнимет их. Что я думаю о Путине? Пока он только укрепляет Россию, и его можно понять. Но потом

он обязательно будет демократом. Ему же надо будет избираться еще раз. Опять же и с мировым сообществом приходится считаться. А на Татарстан смотрит пока неплохо. Мне кажется, он хорошо понимает, что, если бы вместо Шаймиева в Татарстане был другой человек, ситуация была бы в республике и вне ее совсем иной — куда хуже. Хотя кто знает... После 11 сентября в мире все изменилось. В том числе и в России. К сожалению, не в нашу пользу.

— *В вашей последней книге стихов есть такие строки: «Я по-прежнему поэт, брат, Я мечтатель...» Что же подвигло уже известного детского поэта — лауреата премий Тукая, Джалиля, Алиша, одного из немногих в Татарстане, кто награжден международной литературной премией имени Андерсена, пойти в политику?*

— Время, наверное. По характеру я мягкий, даже сентиментальный. Однако это совсем не мешало мне быть всю жизнь общественником. Мама так воспитала всех нас, пятерых. Одна воспитала. Удивительно мудрая женщина, духовно сильная. Сейчас готовлю книгу, посвященную ей. Понятие «родина» у меня ассоциируется только с ней и родной деревней, куда стараюсь приезжать в свободное время и сейчас. Это мама дала нам установку на всю жизнь — никогда не быть просто наблюдателем. Активистом я был и в школе и в студенческой группе. Надо — стал председателем республиканского Детского фонда. Кстати, они меня и выдвинули в депутаты Верховного Совета. Работы здесь очень много. Поэтому во мне поэт пока «отдыхает». Хотя, наверное, если ты поэт, в душе все равно созревает что-то. Необязательно стихи, это могут быть песни, публицистика.

— *Вы не первый поэт, занимающий руководящий пост в Госсовете Татарстана. Возможно, пример Рената Хариса был для вас некоторым гарантом, когда вы только начинали.*

— Не совсем так. Ренат Харис всю жизнь работал, грубо говоря, начальником — и всю жизнь писал. Каждый день. Я так не могу. Кстати, татарские писатели и раньше занимали руководящие посты во властных структурах — Гумер Баширов был членом бюро обкома партии, Мирсай Амир — заместителем председателя Верховного Совета РФ, Муса Джалиль тоже был очень активным деятелем. Думаю, эта традиция тянется с древних времен, когда на Востоке приближали ко двору поэтов как мудрецов и советников. О них мои стихи: «Любят извечно поэтов!.. Их обвиняют за это, обвешивают ярлыками и затыкают рты...» Меня волнует другое — в текучке дел неминуемо теряешь что-то очень ценное. Верно сказано: «служенье муз не терпит суеты». Всю жизнь мечтал быть профессиональным поэтом — чтобы нигде не работать, а только заниматься творчеством, как, например, Шаукат Галиев. Но для этого, видимо, еще не пришло время...

2001, 2–8 ноября

ГИМН БАШКИРСКИХ ТАТАР

**(Один из его авторов — известный поэт,
заместитель Председателя Госсовета РТ
Роберт Миннуллин)**

***Интервью М.Абсалямовой — журналисту газеты
«Восточный экспресс»***

— *Роберт Мугаллимович, в исполнении Салавата Фатхутдинова сейчас звучит песня «Башкирские татары». Автор слов — Вы. Видимо, строфы о цветущем крае и его сильных духом жителях сложились в минуты ностальгии?..*

— Стихи — раздумье о судьбе татар в Башкортостане — написаны примерно десять лет назад. А песню как сюрприз совсем недавно преподнесли Салават и нефтекамский композитор Азат Имаев. Она стала гимном башкирских татар.

— *Тот же Салават, Зия Сунгатуллина, Хамдуна Тимергалиева и многие другие известные певцы — выходцы из Башкирии. На ваш взгляд, с чем связана вокальная одаренность башкирских татар?*

— В Татарстане, добавим, стали популярными артистами еще и Хания Фархи, Рамиль Миндияр, Фан Валиахметов, из молодых — Нафкат Нигматуллин, Гульнара Тимержанова... У башкирских татар напевность в крови. Ислам, как вы знаете, не одобряет увлечение пением-плясками, а у них религия существовала в более смягченной форме. После падения Казанского ханства на территорию современной Башкирии ушла часть татар. Многие имели свою землю и чувствовали себя более вольготно, на посягательства властей отвечали участием в крестьянских выступлениях. И сегодня в татарских деревнях в Башкирии народ живет зажиточно, продолжая традиции своих предков. Конечно, тревожно, что вопрос со спорной зоной до сих пор существует. Проблему могли бы решить ученые, но у них разные мнения: татарстанские считают, что население северо-западной части республики — татары, а башкортостанские — что ассимилированные западные башкиры. В основном здесь живет татароязычное население с татарским менталитетом. Например, моя родная деревня Шамметово Илишевского района стоит на границе, откуда хорошо виден татарстанский райцентр Актаныш. И сейчас — я только рот открою, у меня спрашивают: вы актанышский или мензелинский? Мы всегда

тянулись к Казани, слушали Казанское радио, читали татарские газеты, заканчивали татарскую школу. Но в то же время не отделяли себя от Башкирии. Для меня важен не поиск разницы между татарами и башкирами, а близость двух народов. Замечаете, какая интересная ситуация складывается в музыкальном мире? В театре Салавата сегодня много башкирских ребят. То же самое у Айдара Галимова. Башкирские музыканты появились в группе певца Габдельфата Сафина. А творческая дружба Идриса Газиева и Рустема Абязова? Идет интеграция, музыка все сильнее сближает родственные народы.

— *Такие артисты, как Айдар Галимов, востребованы в обеих республиках. А как живет другим творческим личностям — нашим соплеменникам в Башкортостане?*

— Целая плеяда татарских писателей начала издавать здесь свои произведения на родном языке. Известный 70-летний поэт Марат Каримов стал публиковаться и на татарском и на башкирском языках. Мы можем гордиться способной молодежью, поэтами и писателями Маратом Кабировым, Фаридом Габдрахимовым, Римом Идиатуллиним, Муниром Вафиним, Дилей Булгаковой, Халисой Мударисовой и другими. В Илишево есть литературный клуб «Роберт», где изучают творчество татарских писателей. Зная, насколько земляки нуждаются в художественной литературе, учебниках на родном языке, я передал им несколько тысяч книг из своей библиотеки.

— *А если вспомнить, сколько писателей стали татарстанцами...*

— Да, их много — около ста человек. Это наши классики Галимжан Ибрагимов, Амирхан Еники, Мирсай Амир, Нурихан Фаттах, Ильдар Юзеев, Ахсан Баян, Радиф Гаташ. Кстати, родом из Башкирии и ряд государственных деятелей, генеральных директоров. Рашид Мусин был первым секретарем Татарского обкома. Президиум Верховного Совета долгие годы возглавлял Салих Батыев, премьер-министром правительства был Мухаммат Сабилов. Из ныне действующих государственных деятелей кто не знает заместителя премьер-министра Зилю Валееву и министра образования Фариса Харисова? Или председателя постоянной комиссии Госсовета Мансура Хаснуллина и председателя совета по делам религий Рината Набиева? Наш земляк Равиль Зарипов стал генеральным директором ЕЛАЗа, Рафкат Кантюков — «Таттрансгаза», а Наиль Хайруллин — ректором КФЭИ. Мы всю жизнь служим Татарстану. К счастью, в республике нет разделения на местных и приезжих татар...

2002

ПОЭТ В РОССИИ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПОЭТ

*Беседа с Н.Абдрахмановым — корреспондентом
журнала «Лидер»*

С известным татарским поэтом и политиком, заместителем Председателя Госсовета республики Робертом Миннуллиним мы планировали встретиться в более поздние сроки. Но, как часто бывает, стечение обстоятельств ускорило событие: наш корреспондент случайно оказался рядом с ним в известном своими водами и гостеприимством санатории «Ижминводы». Вспомнили, как участвовали в презентации перед строителями Татарской АЭС песни о Камских Полянах. И о том, что песня была об очередной ударной стройке — больше о чудной красоте природы, прилегающей к поселку. Песня и стала отправной точкой их разговора.

— *Поэт в России больше, чем поэт. Что об этом скажет поэт Роберт Миннуллин?*

— Не только в России, и не только поэт. Во всем мире поэты и писатели, драматурги в той или иной мере влияли и влияют на жизнь общества. Поэзией были увлечены древние цари Востока и властители Европы.

— *И еще цари старались держать рядом с собой поэтов, воспевающих их имена...*

— Были и есть поэты, непомерно славящие и возвеличивающие деяния царей, есть и крайняя их противоположность. Но были и есть люди чести, следующие принципу: «Служить бы рад...» Разве не они воздали по достоинству Петру Великому и в то же время сумели донести до потомков недостатки его характера? Вопрос не в том, кто и как воспевае, вопрос зачем и для чего. У Газинура Гафиатуллина, повторившего подвиг Александра Матросова, в комсомольском билете была обнаружена вырезка из газеты с описанием того подвига. Значит, Газинур осознанно закрыл амбразуру своим телом...

— *Безумству храбрых поем мы песню?*

— А как поэтически сказать — попробуй уничтожить врага без самопожертвования? Пожалуй, это задача писателей и журналистов. Сложная задача — разбудить в людях честолюбие и научить отличать его от тщеславия, но крайне необходимая. Очень хочется, чтобы слова поэта, писателя, журналиста, драматурга, актера побуждали к созиданию, а не самолюбанию.

— *В середине восьмидесятых мне очень нравились Ваши стихи для детей, короткие, емкие, с добрым юмором, поучительные. Потом Вы повзростели, в ваших стихах появилась мудрость. Затем вместе с поэзией вы стали заниматься политикой. Но ведь вы знаете, что имена политиков*

постепенно забываются, а талантливая поэзия остается в памяти людской навсегда. Как и поэты. Или вы не честлюбивый человек?

— Ну, если уж вы так настойчиво предлагаете служение заменить славой, то давайте попробуем разобраться в столь щепетильном для многих из нас вопросе. Представьте себе, что в парламенте работают только сухие прагматики, считающие, что для полного счастья достаточно обеспечить человека работой с достойной зарплатой. Чтобы после трудовых будней он мог восстановить свои силы, развеяться в театре или на стадионе, съездить в отпуск куда захочется, сходить на стадион поболеть за любимую команду или в спортзал на тренировку, попить пивка в баре. И еще надо человека обеспечить теплом в доме, дать ему возможность создать уют. Сейчас ведь многие стали гордиться евроремонтами в квартирах и приобретенными престижными машинами...

— *Простите, кажется, я понял вашу мысль: пресловутая колбаса стала приоритетной в жизни нашего человека?*

— Да. Но, получив возможность кушать ее в уютной обстановке, человек опять недоволен. Он уже стал скучать по многому, что потеряно. Ему нужно что-то еще, хоть он и не знает чего. Ну, нашел себе приключение американец и пересек землю на воздушном шаре. Покоряют люди Эверест, путешествуют по миру. Прекрасно, нет слов. Но отчего многие употребляют наркотики, хоть и знают, что этот дурман сокращает жизнь самих наркоманов и жизнь их родных? Да потому все происходит, что потребительское общество перестает душой трудиться. Спросите многих москвичей, часто ли они бывают в театре, задайте и вы себе вопрос, знаете ли вы хорошо искусство и когда в последний раз побывали в картинной галерее, давно ли восторгались утренним рассветом и пением птиц? Задайте себе, наконец, вопрос: не разучились ли вы ценить мастерство скульптора, художника, архитектора, слово писателя, поэта? И что же будет со всеми нами в недалеком будущем?

— *Вы считаете, что дефицитно-распределительная система была лучше?*

— Нет! Но в стремлении обеспечить человека хлебом, теплом в доме и зрелищами не надо забывать о духовной пище для него. Ведь только высокообразованный человек способен на полет мысли, в том числе научной, технической. Оглянитесь вокруг, задайте себе вопрос, почему человек позволяет себе засорять природу, улицы и скверы, отчего не воспринимает простую и доступную, казалось бы, истину, что гораздо лучше и выгодней для общества, а значит, и для него самого не сорить? Только ли плохие условия быта многих довели до такого бескультурья? А тот самый остаточный принцип отношения самого общества и его избранников к самой культуре?

Не так давно мне довелось услышать, что в депутаты многие идут лоббировать свои интересы. А почему бы и нет? Ведь я хочу, чтобы мои стихи не просто публиковались, но и были поняты и востребованы. Но для этого необходимо сделать все возможное, в том числе и на законодательном уровне, чтобы людям создавались условия для их совершенствования. Мы же с вами понимаем, что только образованный человек способен стремиться к постижению прекрасного...

— *И все же вначале людям нужны хлеб на столе, тепло в доме.*

— Да кто в этом сомневается? И все же хотелось бы напомнить вам одну притчу. Два человека побывали на экскурсиях — один в раю, другой в аду. Оказывается, там все одинаково: сидят люди за длинными столами, уставленными всевозможными яствами, а руки у них не сгибаются. Не могут грешники в аду утолить голод и жажду. А в раю люди сыты: они кормят сидящих напротив. Жаль, что мир до сих пор не в состоянии понять суть этой притчи. А может, она многим не знакома, поскольку они в стремлении создать для себя как можно больше благ не успевают читать, как и забывают о том, что в благодарной памяти людской остаются не богатые и могущие, а добро творящие.

— *Спасибо! Думаю, на этом пока остановимся. Ведь есть над чем поразмышлять всем.*

2002, сентябрь

«МЕНЯ КАЖДЫЙ ТАТАРИН ЗНАЕТ С ДЕТСТВА»

*Интервью Л.Агеевой для газеты
«Время и деньги»*

Сегодня исполняется 55 лет Роберту Миннуллину. Человек он в Татарстане известный. Одни его знают как замечательного детского поэта, и не только детского, другие — как крупного государственного деятеля. Журналист Любовь Агеева хорошо знает Роберта Мугаллимовича и как поэта и как заместителя Председателя Госсовета Татарстана. Предлагаем вашему вниманию их диалог, состоявшийся незадолго до юбилея.

— *Работа в отделе культуры газеты «Вечерняя Казань» дала мне хорошее представление о том, каким должен быть поэт. Детский поэт — это вообще особый разговор. Так вот, мир человека творческого заметно отличается от того мира, в котором мы все живем, тем более что*

сегодняшняя реальность, как мне кажется, дает мало импульсов для творчества. Как же вам удается совмещать эти два разных мира? Какой из них в конечном счете оказывается сильнее по влиянию? А для начала — кем вы себя представляли в детстве?

— Некоторые, как в начальники выйдут, постепенно поэтами становятся — появляется возможность книги издавать. Много тому примеров. У меня это давно началось. После десятилетки я два года работал корреспондентом районной газеты. Это для меня большая школа была. Когда приехал из Башкортостана в Казань учиться, уже чувствовал себя поэтом. Хорошим лириком был. Мои стихи читала молодежь, студенчество, люди старшего поколения среди читателей и слушателей тоже были. Как и сегодня. В этом смысле я спокоен.

— Когда вы написали свое первое стихотворение? Наверняка любовное?

— Нет. Как ни странно, это были почти детские стихи. Я о своих сверстниках написал. Тогда я учился в шестом классе. Я хотел быть поэтом. Огромное желание было. До приезда в Казань у меня уже публикации были. Здесь тоже начал печататься. Например, в газете «Татарстан яшьләр» мои стихи появлялись.

— Закончил Казанский университет. Что было дальше?

— Дальше в те времена было распределение. Меня хотели послать в Октябрьский район. Но я решил остаться в Казани. Ведь к тому времени я уже стал своим среди поэтов. Мне не хотелось отрываться от новой жизни. Как мне казалось, я уже успел себя показать, чтобы претендовать на что-то другое, а не только профессию учителя. Когда еще студентом был, у меня в коллективном сборнике «Первые ласточки» появилась большая подборка стихов, которые получили хороший резонанс. Я был участником Пятого Всесоюзного фестиваля молодых поэтов в Ереване, участвовал в поэтических праздниках в Чебоксарах, Бирске, Уфе, то есть стал уже известным поэтом. Так что мне не хотелось ехать в Октябрьский район.

— И как же вы вышли тогда из положения?

— Моим учителем в университете был Мансур Хасанович Хасанов. Об этом я никогда не говорил — первый раз. Он вел у нас семинары. Мы нашли с ним общий язык. Потому после распределения я прямо к нему: «Мансур Хасанович, такое дело, посоветуйте, что мне делать.» Он позвонил Шамси Хабибулловичу Хамматову, тогда редактору газеты «Социалистик Татарстан», и спросил, нет ли в редакции вакантного места. Тот пригласил меня прийти на следующий день. Я пошел в Дом печати, Баумана, 19. Встретил там Ради́фа Гата́ша, моего земляка, поэта, романтика. Сказал ему, что буду работать у Хамматова. «Ну зачем тебе «Социалистик Татарстан»? В «Яшь ленинчы» журналист нужен». Мне какая разница, если получится главное — остаться в Казани?

— Но ведь вы же писали детские стихи! Детская газета — это было как раз то, что надо!

— В студенческие годы я написал всего три детских стиха. Два напечатали в газете «Яшь ленинчы». Кстати, Ренат Харис тогда работал там ответственным секретарем. А одно до сих пор в моем архиве лежит, не напечатано. Я о детской поэзии тогда не думал. Я и не предполагал, что это такое. Но остался в этой редакции надолго, почти на всю жизнь. Работал в этой газете с двумя перерывами — на редакцию журнала «Казан утлары» и Татарское телевидение — с 1977 по 1986 год.

— Можно тогда сказать, что детским поэтом вы стали благодаря месту работы?

— Благодаря своему сыну — Алмазу, благодаря Шаукату Галиеву стал детским поэтом. Я как раз начал работать в редакции, когда родился сын. Тогда в Татарстане был один детский поэт, выдающийся поэт, несравненный поэт — Шаукат Галиев. Без него я поэтом не стал бы. Я считаю себя его учеником, самым прилежным учеником. Он заметил мои первые публикации. Как-то обнял меня: «Поздравляю, прекрасные стихи». Потом с Хасаном Туфаном разговор был: «Я смотрю — в «Яшь ленинчы» появилась подборка стихов, думаю, Шауката стихи, хорошие стихи. Хотел поздравить, смотрю — там совсем другая фамилия». Это для меня большая награда была.

— Меня всегда занимал вопрос: любой ли поэт может написать детские стихи? Или для этого какой-то особый склад характера нужен, особое восприятие мира?

— Надо, чтобы поэт навечно оставался ребенком, тогда он станет хорошим детским поэтом. И у Шауката Галиева и у меня рано прервалось детство — когда я учился в пятом классе, умер мой отец. А когда Шаукат Галиев был мальчишкой, началась война, его отец уехал на фронт — и не вернулся. Но детство-то внутри осталось. И оно должно было где-то проявить себя.

Еще многое от характера зависит. Кто сентиментален, тот уже потенциально детский поэт. Вообще-то детские стихи может писать каждый, но быть хорошим детским поэтом — это уже требует большого труда.

Я много изучал поэзию как теорию, за 20 лет прочитал всю детскую литературу. Я всех поэтов знаю: в русской поэзии, в мировой литературе, кто о чем пишет, какие стихи пишет, на каком уровне. И до сих пор хорошо знаю.

— Интересно, как рождаются стихи? Тема появляется как бы изнутри, по вдохновению, или под воздействием каких-то конкретных событий?

— Почти всегда это экспромт. Это своего рода мальчишество. Я в этот момент сам становлюсь настоящим мальчишкой. Озорство появляется. Ну, настоящий десятилетний мальчик! Это особое психологическое состояние. Этим надо жить постоянно, что, сами понимаете, непросто при моей сегодняшней работе. А потому мои самые счастливые годы — это годы работы в детской газете. Это время, когда состояние души и рабочие дела сосуществовали в единстве.

Много было встреч в школах. Ни одной школы не осталось, наверное, где бы я не был на встрече с ребятами. Журналист детской газеты везде и всегда среди детей. Иначе нельзя.

— *Тогда что же заставило вас со всем этим расстаться? Конкретные обстоятельства, конкретные люди, личное желание?*

— Работая в газете, тем более став редактором, я ведь не был просто детским поэтом. Тут стоит отметить, что я всю жизнь был активным общественником. Еще со школьных лет. С 1979 года в течение 20 лет был членом правления Союза писателей, 15 лет руководил секцией детской литературы. Во многих изданиях был членом редколлегии, членом жюри, председателем жюри.

Мне трудно дается все это, я сам себя заставляю: по-другому нельзя! Мать научила меня этому. Храню ее письма, где она меня наставляет: «Ты должен делать то-то, то-то, то-то. У тебя возможности есть, не ленись. И скажи своему младшему брату, у него тоже есть возможности, пусть смотрит на тебя».

Однажды меня избрали председателем Татарского отделения Советского детского фонда. Это во многом изменило мою жизнь. Я узнал, как живут инвалиды, сироты, многодетные семьи... Много нового узнал. Альберт Анатольевич Лиханов, руководитель советского Детского фонда, сам пошел в депутаты и нас, региональных руководителей, заставил баллотироваться. Ради детей, сказал, надо.

— *То есть вы пришли в парламент защищать детей?*

— Да, во-первых, интересы детей. Но не только. В Казани я избирался от одного округа с чиновником районного масштаба, с большим производственным; нас пятеро было, по-моему. Конечно, помогла моя популярность как поэта. Я к тому же вел на татарском языке в течение десяти лет детские телепередачи. Ни с того ни с сего тогда бы не получилось. Время такое было. Первые альтернативные выборы. Настоящие выборы были.

— *Насколько я помню, вас избрали председателем комиссии?*

— Это уже в 1995-м. А в 1990 году я был просто депутат, правда, был избран членом Президиума Верховного Совета. Нас там таких «свободных» депутатов было человека три-четыре.

— *Итак, во втором созыве — председатель Комиссии по национальным вопросам.*

— Сначала она по-другому называлась — «по культурному и природному наследию народов Татарстана и национальным вопросам», потом, в июне 1995 года, название сократилось — Комиссия по культуре и национальным вопросам.

— *В третьем созыве — уже заместитель Председателя Государственного Совета. Насколько я вижу (на одном этаже сидим), времени на поэтическое творчество еще меньше. Как удастся сочетать такие разные виды деятельности? Какие чувства испытываете, когда не до стихов?*

— На самом деле работа в парламенте — это тяжелая ноша. Вспоминаю такой анекдот: обезьян построили и сказали им: красивые обезьяны — на левую сторону, умные — на правую. Все переместились, и только одна на месте осталась. Ее спросили: «А ты чего стоишь?». — «Я же не могу разорваться на две части. Я и умная, и красивая». Я тоже в таком положении.

Политика и поэтика — звучит почти одинаково. Но не больше... И поэт, и государственный деятель — это очень тяжело. Стиль у каждого занятия совсем разный. Разный образ жизни, разный подход к работе, даже стиль письма разный.

— *Надо полагать, детские стихи сейчас не пишете?*

— Меньше, но пишу...

— *А не было мысли заняться только творчеством?*

— Но кто-то должен работать и на моем месте в Госсовете. Государственная служба тоже людям нужна. Для меня это принципиально: я везде стараюсь служить хорошо.

— *А как вы оцениваете тот факт, что в Государственном Совете сразу несколько поэтов? Чем это вызвано?*

— Это ненормально, это необычно, это удивительно. Так получилось, что сразу несколько поэтов и писателей решили стать депутатами. Но все они — и Разиль Валеев, и Ренат Харис, и Туфан Миннуллин всегда были активными общественными деятелями. Желавших стать депутатами было больше. И в первом созыве, и во втором...

— *Отметим как положительный факт присутствие в парламенте таких фигур, как Туфан Миннуллин и другие. Литература, в целом искусство, татарская культура в целом имеют в вашем лице активных защитников. Избиратели могут это наблюдать каждой осенью, когда обсуждается проект бюджета на следующий год.*

— Не может не вызывать удовлетворение, когда в результате меняется отношение к литературе, к

культуре у хозяйственных руководителей, министров, у глав местных администраций, даже у Президента республики.

— *Можете ли вы сказать, бывают ли у вас минуты сомнений в правильности избранного пути? О чем приходится сожалеть?*

— Дело в том, что поэт должен заниматься своим делом, если он хороший, настоящий поэт. Он должен жить поэзией, литературой. Я всегда завидовал Сибгату Хакиму. Он после войны почти нигде не работал — только занимался творчеством. Для него стихи — прежде всего. Он прежде всего — поэт. Он мне как-то сказал: «Если хочешь быть большим поэтом, то бросай все и сиди дома». Скажем, как Шаукат Галиев, который тоже после Литературного института нигде не работал — только писал стихи. И стал выдающимся детским поэтом. У меня так не получилось.

— *Остается дожидаться пенсии.*

— До этого еще дожить надо. У меня есть идиллическое желание... У Тургенева есть одна повесть про такую идиллическую жизнь на природе. У меня тоже дача на хорошем месте. Такая жизнь — как раз для поэта.

— *Когда вы пришли в поэзию, поэтов любили. Какие они залы на свои вечера собирали, книжки выходили и в Татарстане и в Москве. Сегодняшнее время не для поэтов и не для поэзии. Знаменитый Евгений Евтушенко решил провести юбилейный вечер в политехническом, где когда-то поэты собирали огромную аудиторию — и не мог скрыть опасений, что вечер сорвется из-за того, что очень мало будет народу. Что вы по этому поводу думаете? Какие ощущения?*

— Есть такое ощущение, что в русской литературе вообще творится что-то неладное. Появилась какая-то новая литература, новая поэзия. Я стараюсь вникнуть, но что-то не то, непривычное для нас. Великая русская поэзия, великая русская литература стали совсем другими, как мне кажется. До сих пор я думал, что это вечные ценности. Вечные. Татарская литература более консервативна. И читатели у нас более консервативные. Так что у нас любители поэзии в основном сохранились. Книги более или менее издаются и расходятся. Не как раньше, конечно. Все-таки это зависит не только от читателей и поэтов.

Мы в какой-то степени даже сделали шаг вперед. Я за последние десять лет провел несколько творческих вечеров. Полный зал, четыре с половиной часа концерт. Стихи, песни. По телевидению показывают — с удовольствием смотрят, есть отзывы.

Иногда думаю, что, если вообще перестанут читать, что-то все равно останется. Жизнь не зря прожита. Столько написано!..

— *Может быть, ваш оптимизм от того, что вы детский поэт? У вас всегда будет своя аудитория.*

— Вы правы: у детских поэтов — вообще счастливая судьба. Детские поэты, они на века востребованы. Просто меняются читатели...

— *Какая часть вашего творчества приносит вам большую популярность? Вы больше популярны как детский поэт или как поэт-песенник?*

— Я во всем самый популярный. Шучу, конечно. Но и на самом деле меня каждый татарин знает с детства. Люди поют мои песни — и порой даже не знают, что они на мои стихи.

— *Вы пишете стихи или тексты для песен? Как это получается?*

— Многие мои стихи стали песнями. В последнее время стал писать и тексты. Теперь я знаю, как писать песни. Все-таки стихи — это другое.

— *Отрадно, что в татарском музыкальном искусстве песня как жанр сохранилась. А вот в русском искусстве он, по-моему, умирает. Попса все забывает...*

— А у татар они параллельно идут. Попса идет своим путем, но параллельно существует и традиционная песня. Я же сказал, что татары — народ консервативный. Консерватизм — благое дело. Он спас и наш язык и нашу культуру, спасает и настоящее музыкальное искусство.

— *Глядишь — пробьемся, переживем.*

— Конечно. А то зачем же я сижу в Государственном Совете? Пишу стихи, песни и законы.

2003, 1 августа

Стихи для детей

ОХ УЖ ЭТИ ВЗРОСЛЫЕ!

Ох уж эти взрослые!

Кто их разберет?
Почему у взрослых
все наоборот?

Если я играю,
скажут: «Помогай!»
Помощь предлагаю:
«Ну-ка, не мешай!»

Если я гуляю:
«Сел бы почитать!»
А когда читаю:
«Шел бы погулять!»

Если плащ надел я:
«Надевай пальто!»
Что бы я ни сделал,
все для них — не то.

Смотрю я телевизор —
заставляют спать.
Сон я утром вижу:
«Пора уже вставать!»

Захочу котлеты —
есть заставят плов.
 Попрошу конфеты:
«Вредно для зубов!»

Ох уж эти взрослые!
Все наоборот.
Просто непонятный,
чудной они народ!

НА САБАНТУЕ

Длинный, метров шесть,
на майдане — шест.
Так и манит — влезть!
Там петух вверху!
Лезу к петуху...
Многие пытались
Петуха достать.
Только он остался...
Ждет меня, видать!
Ловко и проворно
лезу я на шест.
У меня сноровка
и упорство есть...
Лишь один из всех —
я залез наверх!
Мне достался приз!
Мой петух!
...Но вдруг
посмотрел я вниз —
захватило дух!
Даже стало страшно.
Ну и высота!
Как спущусь обратно
с этого шеста?
Голова моя

закружилась вдруг,
и добычу я
выпустил из рук.
Да, одни лишь перья
я в руке держу.
Как петух, теперь я
С высоты гляжу.
И не нужен стал мне
этот самый приз.
Пусть меня достанут
и опустят
вниз...

ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ШАПКА

Шапка что надо
у старшего брата!
Чуточку, правда,
великовата...

Самую малость
мне велика.
И старовата
она слегка.

Немножко дырява,
чуть-чуть грязновата
старая шапка
старшего брата.

Была у меня
и своя — неплохая...
Но только она —
не такая лихая.

Новую шапку
попробуй надень
так замечательно —
набекрень!

А если свою
захочу поносить,
у младшего брата
придется просить...

ПРОСЫПАЮСЬ ВМЕСТЕ С ДЕДОМ

Он с восходом
просыпается,
за работу
принимается.

Говорит,
что счастье ждет
тех, кто на заре
встает.

Полностью
согласен с дедом.
Солнышко
и я люблю!

Просыпаюсь
на рассвете.
Погляжу...
и снова сплю.

ГРУСТНЫЙ БЫЧОК

Бычок одинокий
в сарае живет.
Скучает и долгую
жвачку жует.

Стоит он и дремлет,
жует и молчит.
От нечего делать
порою мычит.

Ему неохота
скучать одному.
Вот если бы кто-то
пришел бы к нему,

открыл бы ворота,
на волю пустил...
Тогда бы, конечно,
бычок не грустил.

Когда б отпустили,
не стал бы скучать.
Так хочется силу
свою показать!

А больше всего
он грустит потому,
что не с кем в сарае
бодаться ему!

МОЙ ДРУГ АВТОБУС

Мы друг по другу оба
по выходным скучаем.
А в будни мой автобус
гудит, меня встречая.

Автобус мой знакомый
на остановке ждет.
Всегда меня от дома
до школы довезет.

Он вовремя приходит,

как будто по часам,
автобус мой...
А то бы
я топал в школу сам!

ПОЖАЛЕЙТЕ ВОЛКА

Плохо в мультфильме
приходится Волку!
Храбрый он, сильный.
Только — что толку!

Падает с дерева,
падает с крыши,
катится кубарем
с горки на лыжах,

вязнет в цементе,
тонет в воде...
Плохо на свете
Волку везде!

Очень обидно,
наверное, серому:
ходит побитым
которую серию.

Бьют его снова...
Больно ему.
Что здесь смешного,
я не пойму?!

Знаю, что грубый
Волк-забияка...
Только мне глупого
жалко беднягу!

КОГДА Я ВЗРОСЛЫМ СТАНУ...

Когда я взрослым стану,
тогда наверняка
отца просить не стану,
а сам куплю щенка!

Еще куплю билеты
на все кино подряд!
Пирожное, конфеты,
печенье, шоколад!

Мороженого — пачек,
наверно, двадцать пять!
А может, сразу ящик
придется покупать?..

Да перочинный ножик
еще б не позабыть!

Велосипед! А может,
машину мне купить?..

Не думайте, что это
мне нужно самому.
Купил бы все на свете
я сыну своему!

Купил бы что угодно,
Что б он ни попросил!..
А мне... щенка... сегодня
мой папа не купил!

САМЫЙ-САМЫЙ

Порой
непослушным бываю,
капризничаю иногда,
бывает —
дела забываю,
отлыниваю от труда,

бываю ленивым,
упрямым, —
не сладко
бывает со мной!..
Но даже такого
мама
любит меня
все равно!

А как же иначе?
Я — самый
младший ребенок
у мамы!
Она устает
на работе,
и дома хватает забот...

Я маму люблю,
оттого-то
жалею,
когда устает...
Хотя мне порой
неохота,
но с ленью своею
борюсь!

Берусь
за любую работу.
Труда не боюсь,
не ленюсь!..

А как же иначе?
Я — самый
старший ребенок
у мамы!

Я в нашей семье
один:
и младший,
и старший сын!

ТАКОЙ БОЛЬШОЙ

Уже давно я —
не малыш
и сам читаю
книжки!..
Мне раньше
говорили: «Ишь,
какой большой
мальчишка!»
Мне даже вытирали нос,
носили
на руках...
Теперь, когда уже
подрос,
никто не скажет:
«Ах!
Каким большим
уже он стал!
Как вырос
наш Гашим!..»
Но я расти
не перестал,
хотя и стал
большим!
Я так старался,
вырастал!..
Но росту моему
уже не слышу я
похвал,
не знаю почему...

ОТВАЖНЫЕ РЕБЯТА

Мороз трескучий колется,
проймет за пять минут.
Сегодня в школу школьники,
конечно, не пойдут.

Из дома лучше в холод бы
не выходить совсем.
Но и в селе, и в городе
работать нужно всем.

И если дети храбрые
в свой садик не пойдут,
заводы, шахты, фабрики
на целый день замрут.

Коровам будет голодно,
не тронется трамвай,
в квартирах станет холодно —
хоть шубу надевай...

Наверно, дело каждое

зависит от ребят.
Вот почему отважно мы
шагаем в детский сад.

ЕСЛИ ВСТРЕЧУ ШУРАЛЕ

Я иду, посвистываю.
По лесу иду.
Лес такой таинственный!
Приключений жду.

Верится не верится,
может, кто-нибудь
по дороге встретится?
Страшновато чуть...

Жалко — нету леших
больше на земле!
А не то б навстречу
вышел Шурале...

Если б в самом деле
мне он повстречался,
я сказал бы смело:
— Вот ты и попался!

Я сказал бы грозно:
— Дождешься, погоди!
Ты, пока не поздно,
с дороги уходи!

Младший брат Былтыра,
вот кто я такой!
А тебя, задира,
я одной рукой

одолеть сумею!
Знает целый мир:
я ужасно смелый,
грозный богатырь!..

Тут бы испугался,
сказал бы он:
— Простите!
Вижу — обознался...
Сжальтесь! Не губите!
Отпустите, добрый
молодец, меня,
если вы Былтыру
самому — родня!..

Сколько ни оглядываюсь
я по сторонам,
нет его... Ну ладно!
Значит, где-то там,

по кустам, он прячется,
не хочет показаться...
Ну и ладно! Значит,
можно не бояться.

Я хотя и смелый,
но в лесу стемнело...
А вдруг он в самом деле
выйдет из-за ели!

Я хотя не робкий,
все-таки немного
мне под вечер знобко
на лесной дороге.

Лес такой таинственный,
страшный... Ну и пусть!
Я иду, посвистываю,
вовсе не боюсь!

Я — КАК ПАПА

Конечно, недаром
«Знаком Почета»
мой папа недавно
был награжден!

Все уважают его
за работу.
Наверно, вы тоже
слыхали о нем?

Он очень хороший!
Он добрый и сильный.
В деревне сильнее его
не найдешь!

И скажет вам каждый,
кого б ни спросили,
что я на него
очень даже похож!

Похож на отца
я чертами лица.
Ну что же с того,
что я меньше отца!

И он ведь когда-то
был маленьким тоже.
Любил поиграть,
погулять, помечтать...

И книжки в кровати
почитывал лежа.

И также, представьте,
любил он поспать.

И разные с ним
приключались истории,
рассказывал сам —
было много всего!

Он двойку однажды
схватил по истории...
И в этом я также
похож на него!

МОЙ СЛОН

В году не этом, а в другом
я подружился со слоном.
Играл я со своим дружкой
на берегу морском.

С морским играли мы песком,
потом гуляли мы вдвоем.
Дружок всегда гулял пешком,
а я на нем верхом.

Стал на индуса я похож,
а слон остался белокож.
Я улетел домой потом
один — не со слоном.

А почему не взял с собой?
Нельзя! Ведь очень он большой.
Сказал пилот, что самолет
слона не увезет.

Конечно, можно было мне
домой приехать на слоне...
Но только наша сторона
прохладна для слона.

А в будущем году опять
я полечу с дружкой играть.
А то, наверное, ему
тоскливо одному.

...Напрасно ты не веришь мне,
что я катался на слоне!..
Ну, может, чуточку соврал,
нафантазировал...

Ведь это не моя вина,
что я не повстречал слона.
А если б только повстречал,
я с ним дружить бы стал!

А в будущем году опять
я полечу дружка искать...
Нехорошо, конечно, врать.
Но можно помечтать...

ПОМОГАЮ МАМЕ

Я уезжаю
с папой в деревню.
Буду оттуда
писать ежедневно.

Всего-то на лето
я уезжаю.
А мама плачет,
меня провожая.

Может, она
перестанет скорей,
если поплачу и я
вместе с ней?

Я вообще-то
не плакса какой-то!..
А папа старается
нас успокоить.

«Ну, развели, —
говорит он, — слякоть!
Разве годится
джигиту плакать?»

За что он меня
упрекает, не знаю.
Ведь это я маме
своей помогаю.

ДЕДУШКА, РАСТИ БОЛЬШОЙ!

Этим летом
у Ахмета
было много
разных дел.

Жил в деревне
он у деда
и без дела
не сидел.

Каждый день
в саду у деда
он трудился
что есть сил.

Ну а дед
его за это
каждый день
благодарил:

«Вот спасибо,
дорогой
внучек мой!
Расти большой!»

Лето кончилось,
и внуку
дед купил

такую штуку:
руль,
седло,
два колеса...
Это что за чудеса!

Удивил
Ахмета дед —
подарил
велосипед!

«Вот спасибо,
дорогой
дедушка!
Расти большой!»

ЗОЛОТОЙ ХЛЕБ

Уважаем белый хлеб!
Уважаем черный!..
Собираем урожай —
налитые зерна.

Мы выращиваем хлеб...
Только всем известно,
что выращивает нас
хлебушек чудесный!

Хлеб едим, и оттого
быстро подрастает!
Подарила нам его
нива золотая...

Самый главный на столе,
драгоценный самый,
самый главный на земле —
каравай наш славный!

Собираем урожай,
золотистый, спелый...
Ох и вкусный черный хлеб!
Ох и вкусный белый!..

ВОЛШЕБНЫЙ КУРАЙ

Сколько чудесных
мелодий известно
дедовой дудочке —
кураю!
Сколько дивных
старинных песен,
сколько напевов
родимого края!

Играть на курае
как будто нетрудно:
дуй себе,

дырочки закрывая...
Только музыки чудной
не будет,
если выучки
не хватает.

Волшебный курай
свистулькой обычной
в руках неумелых
становится сразу!
Другое дело —
в руках привычных...
Наполнится музыкою
прекрасной.

Если песня
льется раздольно,
в стенах домашних
становится тесно!
Привольно кураю
поется в поле,
мелодия птицей
летит в поднебесье!

НАД КАЗАНЬЮ

Когда в высотном доме
стою я на балконе,
Казань передо мною
лежит как на ладони.

Могу смотреть подолгу,
нисколько не скучая,
на город и на Волгу,
на краны у причалов.

Вот Кремль белоснежный,
вот цирк и стадион...
А вечером, конечно,
огни со всех сторон...

А сверху светят звезды,
и кажется порой,
что мне отсюда просто
до них достать рукой...

Я И СОЛНЦЕ

Я бегу,
бегу...
А солнце
надо мной смеется.
Кажется,
оно
со мною
рядышком несется...
С солнцем
взапуски бегу —
оторваться
не могу.
Солнце тоже —

ну никак —
не обгонит
ни на шаг...
Одинаково
устали,
друг от друга
не отстали,
обгони попробуй-ка!

Оба —
марафонцы!..
Только вдруг
за облако
забежало
солнце.
Видно, поняло оно,
что со мной не справиться.
Стало скучно и темно.
Сколько можно прятаться!
Выходи,
помчимся снова
мы во все лопатки!
А не хочешь, что ж такого —
поиграем в прятки.

ВЕТЕР

Ветер весел,
ветер светел,
ветер веет
над землей.

Кроны кленов,
листья ветел
треплет ветер
удалой.

Он игривый,
шаловливый,
нам прически
растрепал

и умчался
торопливо.
За собою
нас позвал.

Быстроногий,
без дороги
он летит
из края в край...

Не спеши,
постой немного,
с нами вместе
поиграй!

Но ему
остановиться
невозможно:
он живет,

если только
быстро мчится,
вдаль несется он,
вперед!

Ветер мягкий,
шелковистый,
светлый ветер,
голубой,

ветер легкий,
смелый, быстрый,
нас позвал он
за собой!

О дорогах
спел он песню,
о путях,
что впереди...

Песню
о земле чудесной,
по которой
нам идти!

СИНИЧКА НА СНЕГУ

Синичка стоит
на снегу босиком!
Она прилетела
ко мне на балкон.

Ножки, как спички,
бусинки глаз...
— Синичка, тебя
накормлю я сейчас!

Ну что ж ты, садись
на окошко скорей!
Немножко тебе
накрошу сухарей...

А хочешь — за дверь я
насыплю зерна!.. —
Лишь перья в ответ
распушила она...

— Послушай, синичка,
что я говорю!
Балконную дверь
я сейчас отворю...

А вдруг залететь
испугаешься в дом?..
Я выйду к тебе.
Будем мерзнуть вдвоем...

Но ты уж прости,
босиком на снегу,

без шубки и шапки
стоять не смогу!..

ГЛЯДИТ В ОКОШКО ЧЕЛОВЕК

Снежки — веселая игра.
Но холодно зимою.
Морозец гонит со двора
в разгар игры порою.

Глядит в окошко человек
и думает при этом:
«Эх, хорошо бы, если б снег
шел не зимой, а летом!

Тогда бы не кричал никто:
«Куда ты неодетый?!»
Кто носит зимнее пальто,
когда настало лето?

Тогда бы и позагорал,
на лыжах покатался,
потом в снежки бы поиграл
и в речке искупался...»

СНЕГОПАД

Снегопад! Снегопад!
Есть работа срочная
для машин и для лопат.
Пора снегоуборочная...

Снегопад! Снегопад!
Снег белее сахара!
Уж который день подряд
его увозят за город...

Если весь увезут
до весны из города,
то ручьи не потекут
по асфальту голому...

Это что за весна
без ручьев весенних?
Нам такая не нужна!
Нету в ней веселья!

И зимой — хорошо,
но весной лучше!..
Снегопад, вали еще
снеговые кучи!..

Я НАРИСОВАЛ ВЕСНУ

Всю зиму
рисовал:
лыжню, снеговика,
салазки...
Но снег я рисовать
устал.
И не осталось
белой краски.
Сугроб растаял,
и каток,
и горка снежная —
по капельке...
Вот синий ручеек
потек,
а по нему
плывут кораблики.
И вот уже
издалека
скворцы летят
в свои скворечники.
И зеленеют берега
над синевою
нашей речки...
И мой кораблик
по реке
плывет куда-то
к морю синему...
Все это —
только на листке!
А на дворе —
картина зимняя...
Я долго рисовал
весну,
наверно, целую
неделю...

Сегодня
подошел к окну.
Гляжу — ручьи
и в самом деле!..

ВЕСЕННИЙ ДОЖДИК ПРОБЕЖАЛ...

И тополя, и клены
стали еще зеленей
после дождя...
Зеленый
дождик прошел
по земле.

Капельки слез

упали
с зеленоглазой листвы...
Радостно засияло
солнце
среди синевы.

Смеются плакучие ивы,
речка
и чайки над ней...
Стала земля
красивей,
а небеса —
синей!

ПО ГРИБЫ

После грибных дождей
много в лесу грибов:
лисичек, маслят, груздей,
волнушек, боровиков...

Сегодня с большой корзиной
в лес я пошел поутру.
Думал, что подосиновиков
и рыжиков наберу...

Сколько больших, красивых
грибов я видел в лесу!
А почему корзину
пустую домой несусь?

Где же мои подосиновики?
Думаете — соврал?..
Слишком они красивые!
Ни одного не сорвал...

ЗВЕЗДОЧКИ

На рыбалку мы вчера
вечером ходили.
А ловили не щулят,
звездочки удили.

Наловили до утра
мы ведро до края!
И глядели из ведра
звездочки, играя.

Серебристой чешуей

весело блестели...
Очень жалко, что с зарей
звезды улетели.

Спрятались за облака,
не простились с нами...
Мы бы их наверняка
отпустили сами.

ГОСТИНЕЦ

К бабушке с гостинцами
ездили мы с мамой.
Бабушка встречала нас:
«Вот гостинец самый,
самый дорогой!» —
и меня погладила
ласковой рукой.

...Мама собирается
к бабушке опять.
Но с собою, кажется,
меня не хочет брать.

Намекаю маме:
«Как бы нам с тобой
не забыть гостинец
самый дорогой!»

ЛЕТУЧИЕ ЛЫЖИ

— Лыжи бывают
различные:
горные лыжи
и водные...

Лыжи мои —
необычные:
они для полета
пригодные.

Наверное,
самые лучшие —
лыжи мои
летучие!

Бегут по трамплину,
по снегу
и в небо
взлетают с разбегу!

И кажется мне,
если вовремя
на снег не сумею
спуститься,

они унесут
выше гор меня,

как будто
огромная птица!

Взлечу я
с моими летучими —
над кручами
и над тучами...

Вы тоже
однажды попробуйте —
на лыжи
вставайте без робости!
С трамплина,
как птица над пропастью,
взлететь
хоть однажды попробуйте!

Да это ж не лыжи,
а крылья!..
— А ты выше тучи
парил ли?

— Да нет,
я пока не летаю.
Но очень об этом
мечтаю!

УДИВИТЕЛЬНАЯ КВАРТИРА

В странной квартире
мы с братом
живем.
В ней тесновато,
когда мы вдвоем.
Только игра начинается,
сразу
падает стул,
разбивается ваза...
Стол задеваешь,
шкаф на дороге,
и в синяках у нас
руки и ноги...
Не развернуться!
Но удивительно:
стоит вернуться
с работы родителям,
комнаты наши
становятся шире.
Каждому
места хватает
в квартире!

ЧЕСТНОЕ СЛОВО РЫБОЛОВА

Даю вам честное слово
правдивейшего рыболова,

что в нашей речушке
не только лягушки —
встречаются и рыбешки:
щуки, язи и сорожки...

Такой мне попался
однажды сазан,
что не помещался
даже в казан!

Но мы его разрубили
и прямо в речушке сварили.

И всюю деревнею —
в самом деле,
его за неделю
мы еле съели...

Когда мой дедушка был помоложе,
ходил на рыбалку он тоже.

Дает он честное слово
правдивейшего рыболова:
такая однажды щука
попалась,
что даже в речушке
не помещалась!..

ПОЗАБЫЛИ

Играл целый день возле речки...
Друзья разбежались давно.
А я не заметил, как вечер
подкрался и стало темно.

Домой возвращаться пора бы!..
В домах загорелись огни.
Волнуются мама и папа,
и сердятся, верно, они.

Наверное, думают оба
о том, как меня наказать.
А может, забыли?.. А то бы,
конечно, стали искать.

Ну да! Позабыли, наверно.
Иначе давно бы нашли...
Закрыли, наверно, двери
и спать, не дождавшись, легли!

А может, не спят, и варенье,
которое я не доел,
едят... и судачат, наверно,
о том, как я им надоел!

Да! Им без меня даже лучше!
Никто не шалит никогда...
Немного, наверное, скучно.
Но это совсем не беда!

А мама еще говорила:
«Любимый, единственный мой!..», —
когда я болел... И забыла!
Хотя не пришел я домой!

А папа однажды... Да ладно!
Не стоит теперь вспоминать.
А может... а может, не надо
родителей мне обвинять?..
Я сам позабыл все на свете,
играл целый день дотемна.
А папа и мама, наверно,
давно обыскались меня!

И мама, наверное, плачет:
«Ну где же единственный мой?
С ним что-то случилось... Иначе
вернулся бы мальчик домой...»

Но что же случилось со мною?..
Бегу и себя тороплю...
Вернусь я — и всех успокою,
скажу, что их очень люблю!..

Я НЕ ХВАСТУН!

Меня вы знаете,
наверно.
Да, я тот самый...
Я Рустем!
Я поведением примерным
известен
в нашей школе
всем!

Я не хвастун!
Но, между прочим,
я лучший в школе
ученик.
Талантлив я!
И даже очень...
А впрочем,
хвастать не привык.

Зачем?..
Не стоит мелочиться!
Мне это просто
не к лицу,
хотя найдется,
чем хвалиться
всегда

такому молодцу!

Пускай похвалят,
если нужно,
мои товарищи
меня.
Я с ними соглашусь
послушно...
К тому же
очень скромн я!

Меня вы знаете?
Ну что же,
я промолчу,
уж так и быть,
о том, какой же
я хороший...
Нет, не хочу
себя хвалить!

ПОСЛУШНЫЙ

Если что-то
сделать нужно,
можно сговориться
с ним,
согласится
он послушно
с поручением любым.

Он не скажет:
«Неохота!»
Не откажет
никогда.
Не боится он
работы...
Правда, есть одна беда:

Ждать обещанного
нужно
неизвестно сколько лет.
А напомнишь...
«Ну конечно
сделаю!» —
готов ответ.

А ругать его
за что же?
Он послушный?
Это да!..
Если что-то
сделать нужно,
соглашается всегда.

Если бы его
пришлось
уговаривать хоть раз...
Вовсе нет!
В ответ на просьбу
скажет сразу он:
«Сейчас!»

КТО ЖЕ ОН НА САМОМ ДЕЛЕ?

Поведение Руслана
просто безобразие!

То начнет, как обезьяна,
старших передразнивать,
то он, как медведь в берлоге,
до обеда сладко спит,
то, как рыба,
на уроке
у доски опять молчит,
то мычит,
то петушится,
то упрется как баран...

Что за рыба,
что за птица,
что за зверь такой —
Руслан?

— Кто же ты
на самом деле? —
удивляются вокруг.
Говорят ему:
— Послушай!
Лучше
человеком будь!

СЕРЬЕЗНЫЙ ВОПРОС

Сел комарик
на рог носорожий
и никак разобраться
не может,

сам себе
задает он вопрос:
«Это что же —
рог или нос?»

Если нос —
то ужалю, пожалуй!
Если рог —
обломаю жало...

Нет уж, лучше
не рисковать!
Так сказать,
лучше нос не совать!»

Улетел,
на вопрос не
ответил...
Носорог
комара не заметил.

СОЛНЦЕ

Любуюсь ночными огнями,
Но с солнцем нельзя их равнять —
Не греют, не брызжут лучами,
Под ними нельзя загорать.

Восток озарится багрянцем,
Проснутся леса и поля.
Как девочка, вспыхнет румянцем
Влюбленная в солнце земля.

И радостно сердце забьется
От этого светоогня...
Восходит любимое солнце,
С любовью глядит на меня.

Полмира оно озарило,
И жизнь под лучами кипит.
Пусть вечно сияет светило,
Для нас, не сгорая, горит!

В ПЕРВЫЙ КЛАСС!

Алмаз
сегодня в первый раз
шагает в школу —
в первый класс!

Мечтал об этом
целый год —
и вот
портфель в руке несет!
И форма школьная на нем:
стал наконец
учеником!

Алмаз слегка
грустит о том,
что есть пенал,
букварь, альбом, —
но не хватает одного:
отметок нету у него!

Пусть в дневник
или тетрадь

ему скорей
поставят «пять».
Поверят в классе
в этот миг:
он — первоклассный ученик!

ПАЛОЧКА-СКАКАЛОЧКА

Сказала мне бабушка:
«Есть у меня
волшебная палка
такая:
когда на нее
опираюсь я —
усталость она
снимает!»

Знаю —
разыгрывает меня.
Лишь в сказках —
волшебные палочки!..

Добавила бабушка:
«Может в коня
она превратиться —
для мальчика!»

Решил я проверить:
«коня» оседлал —
верхом я уселся
на палку.
И сам не поверил —
ну и дела!
И вправду она
поскакала!
Со мною скакала
она дотемна
(копыта земли
не касались!) —
пока не устала...
И вправду она
волшебною оказалась!

ГДЕ ЖЕ ДЕД МОРОЗ?

Куда же делся Дед Мороз? —
О нем скучает каждый.
Зимой снега не пришлось
увидеть нам пока что.

Который день его мы ждем,
но снова дождь сегодня.
Неужто встретим под дождем
мы праздник новогодний?

Зима, похоже, наступать
никак не соберется.
Наверно, шубы доставать
нам так и не придется.

Но белых шубок до весны
уже не снять зайчишкам,

а в них, пока леса черны,
они заметны слишком.

Но снега что-то не видать,
противный дождик льется.
Наверно, лыжи надевать
нам так и не придется.

Когда же Дед Мороз придет?
А вдруг про нас забудет?..
И не настанет Новый год?
И праздника не будет?!

НЕ БУДУ ПЛАКАТЬ!

Я споткнулся о пенек,
неуклюжий.
Бац! —
и ловко растянулся
в луже.

Ногу больно.
Брюки жалко.
Куртку тоже.
Кто-нибудь другой б —
заплакал,
в луже лежа.

Я считаю,
нету повода
у меня
слезы лить
из-за какого-то
пня.

А к тому же
рядом с лужей,
хоть ты плачь,
никого нет,
кто бы слушал
этот плач...

В ЛЕСУ

Сказали мне, что здесь живут
лисицы, лоси, зайцы..
Я думал — сами подойдут, —
зачем меня бояться?

Мне только бы на них взглянуть,
погладить, если можно.
Но, чтоб случайно не вспугнуть,
шел тихо, осторожно...

Я слышал сучьев слабый треск,
вдали качались ветки.
И вправду, звери в чаще есть,
но здесь они — не в клетке.

Они бежали от меня,
как будто их обидел.
Бродил я по лесу полдня
и никого не видел.

Не зря, наверное, бегут.
Боятся, видно, звери,
что в зоопарк их отведут...
И никому не верят!

Пускай сегодня увидеть
животных не пришлось мне,
зато гуляют где хотят
лисицы, зайцы, лоси...

ПУГАЛО

Старая, рваная шляпа,
рубаха —
дыра на дыре...
Новое пугало
папа
поставил у нас во дворе.

А старое пугало даже
и воробьев
не страшит.
Новое очень отважно
сад от воров
сторожит!

Грозное с виду...
Однако
не нравится этот вид
щенку моему —
Актырнаку.
Он лает сердито,
рычит...

Но пугало
не испугалось —
и не шевельнулось оно!
Тут хвостик поджал,
растерялся
и сам испугался щенок...

Но я успокоил щенка:
— Не стоит рычать
и дрожать!
Это твой новый помощник,
вместе вы будете сад
охранять!

ВО ВСЕМ ВИНОВАТ МЕДВЕДЬ

— Пустите
во двор погулять, —
родителей
сын умоляет.
На пианино
играть

они его
заставляют...

— Мальчик, —
решили отец и мать, —
будет играть
виртуозно.
Только надо
его заставлять,
чтоб занимался
серьезно!

А он пианино свое
невзлюбил.
У мальчика не было
слуха.
Медведь ему на ухо
наступил.
Вернее, на оба
уха!

Жуткие дикие звуки
слышатся
из окошка:
кто-то визжит
и мяукает —
как будто бы
мучают
кошку...

На улице спорят
прохожие:
— Немножко похоже
на гаммы...
— Да что вы!
Ничуть не похоже!
— А может,
играют ногами?..

Учат родители
сына.
Мучается
весь дом!
Здесь ни при чем
пианино,
медведь виноват
во всем!

ДОМОТРЯСЕНИЕ

Что за шум,
что за гром?
Ходит дом
ходуном!
Может быть,
земля трясется
или слон
танцует в нем?
Но, заслышав
шум знакомый —

жуткий грохот,
хохот,
гул, —
не бегут
жильцы из дома
с диким
криком:
— Караул!
Понимают
все соседи,
что в квартире
номер пять
взрослых
нет опять,
а дети —
просто
начали играть!

ПОМОЩНИЦА

Порой
Справляться трудно маме
Одной
С домашними делами.

Но я заботливая дочь,
Всегда готова ей помочь!

Займусь-ка я сейчас посудой...
Тарелку вымыла и блюдо,

Еще тарелку, чашку, ложку...
Но притомилась я немножко.

Нет, не управлюсь до утра.
Посуды — целая гора!

А сколько на столе
Осталось-то!
Ой, мама,
Помоги, пожалуйста!

ЧТО ВСЕГО НУЖНЕЙ НА СВЕТЕ?

Чтобы обеды были вкусны,
мамы нужны!
Чтобы не были беды страшны,
мамы нужны!
Чтобы светлыми были дни,
мамы нужны!
Чтобы спокойными были сны,
мамы нужны!
Мамы нужны
нам!

Нужно им,
чтобы мы ничего не боялись!
Нужно им,
чтобы радостно мы улыбались!
Нужно им,
чтобы мы засыпали спокойно!
Нужно им,
чтобы не грохотали войны!
Мир на земле,
счастье детей —
самое главное для матерей!

НАШ ТИГРЕНОК

Наш котенок
Пока еще крошка.
На тигренка
Похож он
Немножко.

Ты, Акбай,
На котенка
Не лай.
Не пугай
Ты котенка,
Акбай!

Вот как станет он
Тигром
Большим,
Поглядим,
Как ты справишься
С ним!

ПИРАТ

С пиратскою
Бородкою,
Моряцкою
Походкою
Пират
Идет
По улице,
Прогуливается.

Вы думаете,
Кто-нибудь
На улице
Волнуется,
Куда-нибудь
Бросается
С испуга наутек?

Нисколько
Не волнуется,
Поскольку
Даже курице

Известно,
Что Пиратушка —
Воспитанный
Щенок!

БУРАНЧИК

Без остановки
буран метет...
Вот к остановке
автобус идет.
Залез я в автобус,
а следом
за мной —
буран...
Верно, тоже
поедет домой...
Славный буранчик —
маленький,
словно зайчик,
за валенки спрятался,
притаился,
бесплатно
со мной прокатился...
Видимо,
стало неловко
зайцем
кататься
тишком.
Выпрыгнул
на остановке.
Дальше
попшелся пешком...

КТО РАЗБИЛ ТАРЕЛКУ?

Мама приходит с работы.
Видит — тарелка разбита.
— Это чья же работа? —
спрашивает сердито.

Не скажу
об этом.
Погожу
с ответом.

Так и быть уж,
промолчу.
Говорить я
не хочу.

Лучше все же скрою,
кем она разбита.
Слово — серебро,
а молчанье — золото.

Я сказал,
что не скажу.
Значит, слово
я сдержу.

Разве говорил
я вам,
что разбил
тарелку сам?

Не скажу ни вам,
ни маме!
Догадайтесь лучше
сами...

О ХИТРЕЦАХ

Что ни натворит
Фарит,
он сумеет открутиться.
Мама часто говорит:
— Ты, Фарит, хитрей лисицы!

А в лесу лисица-мама
на сынка ворчит сердито:
— Ты у нас такой обманщик —
даже похитрей Фарита!..

Мамы все своих ребят
видеть честными хотят!

ОШИБКА

Алмазу нисколько не лень
на салазках кататься весь день...

Как увидел Алмаза Акбай,
Сразу поднял отчаянный лай.

А мальчонка не понимает,
отчего собачонка лает.

Приняла его за медвежонка —
оттого заливается звонко.

Оттого, что на улице зябко,
на Алмазе — мохнатая шубка
и большая лохматая шапка...

Испугался щенок не на шутку —
вот и вышла такая ошибка.

ПРОЩАНИЕ С ДЕТСКИМ САДОМ

В любимый детский садик

в последний раз иду...
У нас сегодня праздник:
последний день в саду.

Сюда мне будет трудно
дорогу позабыть.
И весело, и грустно,
не знаю, как и быть!

И в школу мне охота,
пора уж — в первый класс.
Но плакать отчего-то
мне хочется сейчас.

И плачет наша нянечка,
игрушки все грустят...
Жаль, что большие мальчики
не ходят в детский сад!

Учиться в школе стану,
пятерки получать...
Но я не перестану
по садику скучать!

ГАЯЗ И АЯЗ

Даже
И дни рождения
Наши
Не порознь,
А сразу
Мы празднуем.
Мы с братом похожи,
Но все же,
Но все же
Мы с ним —
Ужасно разные.
Нас называют
Почти одинаково.
Однако вы
Различайте:
Гаяза Аязом,
Аяза Гаязом,
Пожалуйста,
Не называйте!
А то говорят:
«Гаяз — молодец!»
Но это не он,
А его близнец.
А за

Проказы
Гаяза
Наказывают
Аяза.
Даже я сам
Сомневаюсь
Подчас:
«А я,
Может быть,
Не Аяз,
А Гаяз?»»

КАК БЫ МНЕ ГЕРОЕМ СТАТЬ

Я в любое время суток
совершить готов поступок —
не какой-нибудь простой —
героический такой!..

Случай мне удобный
не представился,
а не то давно бы
я прославился...

Повода я не дождусь
пока никак —
доказать, что я не трус
и не слабак...

Просто не было причины
подходящей —
показать, что я — мужчина
настоящий...

А к тому же я не знаю,
как мне это показать...
Как герои поступают —
кто сумеет подсказать?..

Как, скажите, поступить,
чтоб в герои поступить?..

СНЕЖНЫЕ ГОРЫ

Возле моря
летом —
жарко, а не зябко.
Странно, что при этом
горы — в белых шапках!

Где же это
видано?
Надо разобраться!
Трудно лету,
видимо,
на гору забраться.

Даже я, боюсь,
заберусь
не скоро,

если атакую
этакую
гору!

ВКУСНАЯ КРАПИВА

— Даже не попробую!
И не уговаривай!
Не хочу! Да чтобы я
съел такое варево!..
Ешь сама противный
этот суп крапивный!..

...Мама ест за ложкой ложку.
Ей, похоже,
нравится...
Может, все ж
помочь немножко?
Ведь одной не справиться!..

Что за чудо?
Что за диво?
Не кусается
крапива!
— Мама, я еще хочу!
Больше не осталось?

— Погоди уж, угощу, —
мама засмеялась. —
Если будешь непослушный,
будешь ты строптивый,
угощу тебя невкусной
жгучею крапивой!

БЕЗ МЕНЯ НЕ СПРАВЯТСЯ!

*(О том, как дяди всемером
не сладили с одним конем)*

Стою в сторонке,
глядя,
как семь здоровых
дядей
не могут жеребенка
строптивного
запрячь.

Всерьез,
не шутки ради,
рассерженные дяди
стараются,
но сладить
не могут с ним —
хоть плачь!

Наверное,
он дикий.
Попробуй
подойди-ка!

Пугается,
лягается —
брыклив он
и горяч!

А я бы
с ним поладил —
не то что эти дяди! —
Поговорил бы
ласково,
запряг его
и — вскачь!..

Но только
к жеребенку
меня не подпускают —
не хватит, мол,
силенки,
чтоб совладать
с конем.

Я думаю сердито:
«Нашли «коня»!
Стараются!
Нет!
Без меня
не справятся!
Джигиты!
Всемером!»

КНИГОЛЮБЫ

Как-то раз
у мальчишки-сонули
мышки
прекрасную
книжку
стянули...

В норку
свою
ее принесли.
Всю —
от корки
до корки
прочли...
Перечитали,
перелистали,
переварили,
поговорили:
— Как интересно!
— Полезно!
— Весьма!
— Малость пресна!
— Ужасно вкусна!..
Словом, сели
и славно поели!

ВСЕЗНАЙКА

Что неизвестно
всезнайке Ахмету —
того и на свете,
наверное, нету!
Речь бы о чем
ни зашла — он всегда
осведомлен:
почему? где? когда?..
Он горд от сознания
всезнания этого.
Правда, поверхностны
знания Ахметовы...
Знает
он все
и о том,
и о сем...
Ни то
и ни се!..
Но зато —
обо всем...
Вернее сказать,
ничего — ни о чем...
Но он нипочем
не признается в том.
Какой он всезнайка?
Зазнайка Ахмет!
Он знает об этом?
Наверное, нет.

ДАЖЕ ЕСЛИ НИКТО НЕ УЗНАЕТ...

Этот мальчишка
такой сознательный, —
даже если никто
не увидит,
даже если никто
не узнает —
он все равно
мальша не обидит.
Он не бросит
камень в окно,
веток у дерева
не обломает, —
даже когда
и не видит никто,
даже если никто
не узнает.
Он не ворует
соседские груши...
(Много достоинств
есть у него.)
— Есть, —
говорит он, —
глаза и уши,
совесть есть
у меня самого.

Если услышу,
что груши
сворю,
что-то другое
вдруг
натворю...
«Слушай-ка,
друг, —
себе говорю я, —
уши тебе
я и сам надеру!»

ЗАПЫЛИЛСЯ

Папа
что было сил
ковер колотил
выбивалкой.

Я подошел
и спросил:
«За что ты его?
Не жалко?»

Папа остановился.
«Да он, —
говорит, —
запылился».

Взглянул на меня,
удивился:
«Ты где это так
извозился?»

Пылью дорожной
неосторожно
испачкался по уши
я, как нарочно...

Пожалуй, пора
бежать со двора!
Пойду-ка опять
играть...

Как бы не стали
вместо ковра
меня самого
выбивать!

ЗАСЛУЖЕННЫЙ СОЛОВЕЙ

В саду на сирени
моей
поет каждый день
соловей.
Соло поет
и с оркестром —
с птицами со всеми
окрестными.
Прекрасно

поет,
не ленится.
Разные гнет
коленца.
Этот певец —
заслуженный,
этот артист —
знаменит.
Вы бы его
послушали —
как голосист,
как звенит!..
Но только я вас
расстрою —
артиста сейчас
нету...
Он улетел
на гастроли,
вернуться хотел
к лету.

АКБАЙ В ЦИРКЕ

В цирк с Акбаем
я ходил,
видел много разного:
попугаев
и горилл,
дикобразов,
страусов...
Слон качал там
головой,
гарцевала
лошадь...
Но Акбая моего
удивить не может
даже грозный лев...
И вдруг
вышла собачонка!
Как девчонка, —
вся в кудрях,
в голубой юбчонке,
вся в какой-то мишуре,
в серебристых тапках,
танцевала на ковре
вальс
на задних лапах...
На нее
глядел Акбай
очень удивленно.
Не видал таких собак!
Может, это —
клоун?..
Он глядел
во все глаза,
видом всем показывая:
жалко,
лаять здесь нельзя —
прекратил бы сразу я

это безобразия!

НЕ БОИМСЯ!

Ох, высота
 какая!
Гора у нас —
 крута.
На санках мы летаем...
Какая красота!

Довольно страшновато,
когда помотришь
 вниз...
— А ну держись,
 ребята!
Внизу —
 поберегись!..
Мы обгоняем
 ветер
и страх
 опередим!
Что веселей на свете? —
С крутой горы
 летим!

ЕЩЕ КАК ВЫРАСТАЮ!

Люди вырастают —
Перестают играть.
Поэтому, считаю,
не стоит вырастать!

А мама не согласна
с решением моим.
И говорит:
«Напрасно
не хочешь стать
большим,
джигитом настоящим!»

Джигитом?
Не хочу?
Не вырасту?
Да я же
ведь просто так...
шучу!
Еще как вырастаю!
Да я и так играю
в джигита —
представляю,
как на коне скачу!

ДО ПРИХОДА МАМЫ

Мы от безделья маялись,
ничем не занимались,
по комнате слонялись,
скучали и зевали...

Чем до прихода мамы
заняться нам —
не знали...

Нашли себе занятие! —
не очень бесполезное,
не очень неприятное.
И даже интересное.

И маме
помогали.
И сами
не скучали.

Варенье было — в банке,
в сковородке — котлеты,
в горшке была сметана...
Подчистили все это
мы сами,
без подмоги!

Вот разве пес немного
над плоской
потрудился.
Он тоже
не ленился.

А также
кошка наша
доела простоквашу...

Кастрюли, банки разные
сперва освободили.
Потом посуду грязную
мы тщательно помыли.
Нашли себе занятие
и маме помогли.
Другой посуды занятой
мы в доме не нашли...

Обрадуется мама,
когда придет домой.
Ведь ей не нужно будет
посуду
мыть самой!

ХОРОШИЙ СПОСОБ ПОЗЕЛЕНЕТЬ

Зеленый цвет, зеленый цвет —
Приятнее для глаза нет!

Деревья, травы и кусты
Любого радуют... И ты

Не меньший бы успех имел,
Когда бы так позеленел.

Совет тебе даю простой:
Залезь на дерево весной.

Друзей предупреди заранее
И дерево найди заранее —

Наметь такое, которое
Вот-вот зазеленеть должно.

Садись удобнее, сиди,
Сиди себе и жди,

Когда распустятся листочки...
Когда же ты дойдешь до точки —

От холода ли посинеешь,
От злости ли позеленеешь, —

То обязательно народ
Дивиться на тебя начнет!

РАНО УТРОМ

Разбужу-ка солнце я — эгей!
Сделай каждый день еще светлей!

Разбужу-ка сад росистый мой, —
Пусть меня укроет в самый зной!

Разбужу-ка милых птиц моих, —
Чтобы радость пела каждый миг!

Разбужу-ка мамочку — ау!
Хватит мне тепла на жизнь мою!

Разбужу-ка я моих друзей, —
Пусть не будет в жизни грустных дней!

Разбужу-ка весь простор земли, —
Пусть прекрасны будут дни мои!

МОЙ ВОЛОСАТЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕК

Когда с Пиратом я играю,
Что он собачка — забываю.

Хотя он по-собачьи лает,
Бывает, что и завывает,

Хотя не скажет ни словечка,
Пират — он вроде человечка.

И плачет жалобно и тонко —
Совсем похожий на ребенка...

ВОСЕМЬ КОШЕК

Жили-были восемь кошек,
Восемь кошек и котов —
Удивительно похожих
Симпатичных толстячков...

Мияубике смогла б, пожалуй,
Сто часов играть подряд
(Как Гульшат)!

Нет шумней Мырауджана —
Целый день кричать он рад
(Как Ильшат)!

Мырмырмыр, проснись, ау!
Спит, хоть гром греми над ним
(Как Халим)!

Всех ленивей — Мырау:
Промякуть жалко сил
(Как Халил)!

Мияумияу при дележке
Не бывает справедлив
(Как Ханиф)!

Толстоват Мырый немножко:
Аппетитом знаменит
(Как Хамит)!

Смел Мыраулла во всем,
От собачки же сбежит
(Как Заит)!

Мыргали весьма силен,
Несмотря на робкий вид
(Как Загит)!

...Восемь кошек жили-были,
Жили-были, говорят.
Рассказал про них я... Или,
Может, все же про ребят?

ПРАЗДНИК СНЕГА

Падает, падает,
Падает снег,
Радует, радует,
Радует всех, —
Белый, пушистый,
Чистый-пречистый
Первый на землю
Падает снег.

Праздником, праздником
Кажется снег.
Радостный, радостный
Слышится смех —
Взрослых заснеженных,
Ну и, конечно же,
Мальчиков, девочек
Радостный смех.

Снег опускается,
Хлопья — на всех,
Снегом бросаются,
Падают в снег.
Дети и взрослые —
Все дед морозы
Или снегурочки...
Праздник у всех!

ДВОРНИК-АРТИСТ

— Дворник-кудесник,
Артист настоящий —
Так говорят про него оттого,
Что остается
Ну прямо блестящей
Улица после работы его.

Вот он лопату
В руки берет —
И начинается
Праздник кипучий.
Пар поднимается,
Катится пот,
Вихрем взметаются
Снежные тучи!
Быстро взлетают,
Долго клубятся,
Сам он мелькает
В этой сумятице...

Ну а когда наш артист наиграется,
Полный порядок вокруг получается.

Вот и сегодня в окошко гляжу,
Жду я, на улицу не выхожу:

То ли артист не закончил работу,
То ли ужасную вижу погоду...

ОТЛИЧНАЯ МАШИНА

Отличную машину
Мы сами смастерили.
Сигнал есть у машины,
И фары не забыли, —

Ну прямо загляденьице,
Не фары, а глаза!
А тормоза — безделица,
Зачем нам тормоза?

Отличная машина!
Ну что теперь, ребята?
Отличную машину
Испробовать бы надо.

Лети вперед, красавица,
Нам скорость — не беда!
Да только вот не катится

Машина никуда...

Отличная машина!
Мы с нею не скучаем:
Отличную машину
Движенью обучаем.

И если долго мучиться,
Без устали толкать,
Она у нас научится
И бегать, и летать!

СЛАДКИЙ САБАНТУЙ

Приятно вспомнить сабантуй,
Ну классный вышел сабантуй!

Да вы спросите у ребят,
«Путевый!» — хором подтвердят.

Да, не потратили впустую
Минуточки на сабантуе:

Мы для начала, для раскачки
Жевали всяческие жвачки.

Тут солнце начало палить,
Ну как же чаю не попить?

А если вкусным заедать,
Осилить можно чашек пять.

От чаепития вспотели
И кока-колы захотели.

А после привкус иностранный
Смывали с помощью айрана.

В жару любой наверняка
Мечтает о глотке кваска.

Орешки к квасу хороши,
Мы пожевали от души.

Когда как в Африке погода,
Простой картошки неохота.

Но было бы, конечно, странно,
Не съесть хотя бы по банану.

А все же мед — вкусней всего!
Нас оторвали от него.

Сказали: «Кончен сабантуй!»
Насыщенный был сабантуй,

Всего досыта, до отвала...
Нет, все-таки успели мало...

ЗАГАДКА С ОТГАДКОЙ

Глаза прикроешь, он придет.
Откроешь — сразу пропадет.

Он невесом, при всем при том
Рифмуется со словом «слон».

Ты что, не в силах отгадать?
Ложись-ка, милый, отдыхать...

ЕСЛИ ОЧЕНЬ ЗАХОТЕТЬ...

Если что-то очень захотеть,
Если что-то очень пожелать,
Если очень сил не пожалеть,
Если начинаешь понимать,
Что сильнее надо захотеть,
Что сильнее надо пожелать
И себя при этом не жалеть, —
Значит, начинаешь понимать,
Что твоя мечта — не ерунда.
А такая сбудется всегда!

СТОЮ НА ПОСТУ

Стою в углу
Я по приказу мамы...
Нет, я солдат,
Мой пост — он главный самый!

Не отбываю
Наказание,
А выполняю
Приказание!

Украдкой
Слезы я роняю,
Несладкий
Долг свой выполняю.

К тяжелой службе
Нам не привыкать,
Не смей, служивый,
Нюни распускать!

Стоять в углу
Готов я лет до ста!..
Но лучше, командир,
Сними с поста...

КАКИМИ БЫВАЮТ ДЕДУШКИ?

— Какими дедушки бывают?
— Они бывают с бородой.
— Какими дедушки бывают?
— Еще — с усами над губой.

— Какими дедушки бывают?
— Бывают дедушки в очках.
— Какими дедушки бывают?
— Бывают — с тросточкой в руках.

— А вот и нет, а вот и нет, —
Неправильный какой-то дед!
Мой дедушка — он не такой,
Мой дедушка совсем другой:
Без бороды он, без усов,
Без тросточки и без очков.
Вот он какой!

А если так —
Какими дедушки бывают?
— Без бороды они седой.
— Какими дедушки бывают?
— Усов не носят над губой.
— Какими дедушки бывают?
— Не ходят дедушки в очках.
— Какими дедушки бывают?
— Они без тросточки в руках.

Вот так-то!..

О МАЛЬЧИКЕ — ТРАМВАЙНОМ ЗАЙЧИКЕ

Я из трамвая выходил,
Тут контролер меня схватил.

— Где твой билет? — он говорит.
Билета нет! — он говорит.
Попался, заяц! — говорит.
Что ты, красавец, — говорит, —
И стыд, и совесть
Потерял?
Не покраснел ведь!
Вот нахал!..

Так растерялся я тогда,
Что было мне не до стыда.

Я до того оторопел,
Что онемел и побелел.

Когда в сторонку отошел,
Когда в себя слегка пришел,

Когда в карманах искал,
Когда я свой билет достал —

Тогда уже во весь накал,
Как светофор, я запыхал!

Попробовал бы кто из вас
С билетом ехать в первый раз...

ВСЕ ПУТЕМ!

Занудных жалоб от меня не ждите,
Я не любитель хмурости с нытьем.
— Ну, как дела? — попробуйте спросите,
— Нормально! — я отвечу. — Все путем!

Сегодня схлопотал я — ну и ладно —
Две пары на уроке на одном.
Мне маму жалко, ей-то неприятно...
А в остальном, ребята, все путем!

Недавно я в разорванной рубашке,
Без пуговиц, с ободранным локтем
Остался после тяжелой рукопашной.
И дома мне попало... Всё путем!

Позавчера случайно за обедом
Горячим супом я кота облил.
Вчера летали мы с велосипедом, —
Собою чуть асфальт не проломил.

Да, «велик» жалко. Все же до полета
Нормальный «велик» был... А в остальном —
Да если даже плакать мне охота,
Я говорю: «Ребята, всё путем!»

МАЛЬЧИШКИ ДЕРУТСЯ...

Мальчишки дерутся,
От злости трясутся,
Почти что звереют,
Когда разойдутся.

С чего налетают
Один на другого?
Для драки хватает
Предлога любого.

Всегда он найдется,
Глупей не бывает...
Чего им нейметя?
И сами не знают.

И что выясняют,
Мутузя друг друга?
Зачем поднимают
На слабого руку?

Свою правоту

Кулаком не докажешь,
А вот темноту
Или вздорность покажешь.

Вообще, по-мужски ли
Унизить стараться?
Вам что, не под силу
Людьми оставаться?

Вы очень хотите
Домашних расстроить?
Сейчас же ищите,
Где драку устроить.

Не нужно геройства
Дурацкого свойства!

Разумными будьте,
Драчливость забудьте.
Когда мы дружны,
Тогда и сильны!

Война — та же драка,
В почете отвага.
Но взрослые люди
Хотят ли войны?!

ДАЖЕ ТУЧИ ПОНИМАЮТ...

Если б лил как из ведра
Дождь с утра и до утра,
Целый месяц, день за днем
Он шумел бы за окном, —

Тут бы Волга разлилась
Широко, как никогда,
Небывалая беда
Приключилась бы тогда,
Каждый дом со всех сторон
Окружила бы вода...

Можешь выйти на балкон,
Ну а больше никуда.
В детский садик не пройти,
В школу тоже нет пути.
В гости друга ты не жди,
А сиди один, грусти...

Отчего же не бывает
Затяжных таких дождей?
Видно, тучи понимают,
Даже тучи понимают,
Что нам скучно без друзей!

ОДНА СЕМЬЯ

Родная мне моя родня.
Мой дом родной —
Одна семья!

В краю родном как дома я.
Мой край родной —
Одна семья!

Для всех родимый дом — Земля.
Планета вся —
Одна семья!

ЧЕРТЕНЯТА

У всех старушек разговор
Один и тот же: «Это ж надо!
К соседке Хамдии во двор
Вдруг зачастили чертенята!»

Сама хозяйюшка сперва
Гостям была совсем не рада.
Но оказалась неправа:
Попались чудо-чертенята!

Воды бабуле принесут,
И дров наколят аккуратно,
И снег у дома уберут, —
А кто такие — непонятно:

Видна работа, а самих
Никто в глаза не видел их!

Старушки дружно утверждают,
Что черти вывелись у нас,
Уж ни одна из них не знает,
Как с ними совладеть сейчас.

А Хамдия эби довольна:
Ей все приметы говорят,
Что возраст, несомненно, школьный
У работающих чертенят!

ПЕСЕНКА ТАНСЫЛУ

Песенку придумала
Доченька моя,
То и дело песенку
Рядом слышу я:
— Маму очень я люблю!
— Папу очень я люблю!

В нашем доме песенка
Каждый день звучит,
Не хватает песенки,
Если дочка спит.
— Очень хлебушек люблю!
— Очень солнышко люблю!

Не стихает песенка
Доченьки моей,
И живет с песенкой
Всем нам веселей:

- Очень дом родной люблю!
- Очень всё вокруг люблю!

СЫН И МАМА

- Самая красивая мама у меня!
- Нет, еще красивее у меня сынок!
- Очень справедливая мама у меня!
- Нет, всех справедливее у меня сынок!

- Самая хорошая мама у меня!
- Нет, еще прекраснее у меня сынок!
- На луну похожая мама у меня!
- Словно солнце красное у меня сынок!

- По тебе соскучился, ведь жду тебя давно!
- Без тебя измучилась сильнее я все равно!

ВОТ КАКОЙ ОН ЧЕЛОВЕК!

Когда ворчит он на меня,
Что со двора я опоздал,
Что чуть не до ночи играл,
Не очень обижаюсь я, —
Когда-то надо и поспать,
И потому хочу сказать:
Нет, все-таки, ребята,
Он человек что надо!

Когда находит дело мне,
А сам с газеткою лежит
И в наступившей тишине
Так неприятненько шуршит —
Не то чтоб радуюсь до слез,
Но говорю вполне всерьез,
Что все-таки, ребята,
Он человек что надо.

Ведь папа умный у меня,
Веселый, добрый, как и я.
Хотя ругать-то и ругал —
Ни разу уши не надрал.
И я скажу, ребята:
Он человек что надо.

КАЧЕЛИ

На качелях
Мы несемся
Вверх и вниз —
И снова к солнцу!

Вы качайте нас,
Качели,
Чтобы выше
Мы взлетели!

Снова вверх
И снова вниз!
Слышишь,
Крепче,
Друг, держись!

Чтоб без нас
Не улетели
Крылья легкие —
Качели!

Ну а если
Захотим,
Даже Землю
Облетим!

Эй, качели,
Еще раз!
Поднимайте
В небо нас!

ДОРОГОЙ МАЛЬЧИК

Солнце светит в чистом небе,
Двор зимой покрыт снежком,
Хлебороб снабжает хлебом,
А доярка — молоком,
Чтобы маленький Алмаз
Крепким парнем стал у нас.

Бережет покой парнишки
На посту своем солдат.
А писатель пишет книжки
Для него —
И все хотят,
Чтобы мальчик добрым был,
Чтоб учебу он любил.

Для Алмаза шьют одежду,
Чтоб одет красиво был.
В цирке клоун препотешный
Развлекает что есть сил —
Сто гримас и сто проказ,
Чтоб веселым был Алмаз.

Для него бегут трамваи
И троллейбусы спешат.
В зоопарке ожидает
Тьма зверей, зверьков, зверят.
А строитель строит дом,
Чтобы жить Алмазу в нем.

Он для папы с мамой дорог,
Дорог другу своему.
У него есть целый город,
Служит вся страна ему.
Да, Алмаз у нас такой —
Мальчик очень дорогой!

НОВЫЕ САПОЖКИ

Ох и чудные сапожки!
Ну и что — тесны немножко?
Мама, надо покупать!

Кто сказал — малы сапожки?
Велика нога немножко...
Мама, надо покупать!

Может, вырастут немножко
Эти чудные сапожки...
Мама, надо покупать!

НОВЫЕ ВАЛЕНКИ

Я в валенках новехоньких
По улице гуляю,
В негнущихся,
Немнущихся
Иду куда желаю.

Могу совсем тихохонько.
Но если приказали,
Они бегут быстрехонько,
Подпрыгивают сами!

...Была дорога ровная,
Теперь нужна сугробная, —

Чтоб в снежном океане я
Продолжил испытания.

А после чудо-валенки
Со мной по льду катались...
И не сломались валенки
И даже не помялись.

Прошли все испытания,

За исключением водных,
И заслужили звание
Быстровездеходных!

ПРО НАС, ХЛЕБОРОБОВ

Лето провел я
В деревне впервые...
Нравилось мне
Убирать зерновые!

Ездил с шофером,
Ему помогал —
Умной беседой
В пути развлекал.

С тока на поле,
Туда и обратно...
С ним уставали мы
Невероятно!

Что же поделать,
Уборка трудна...
К нашей работе
Привычка нужна!

УМНЫЙ ЦВЕТОК

Светлее стала комната
И выше потолок:
Белее снега первого
Сияет мой цветок.

А я-то беспокоился,
Гадал я целый год:
— Ну что ему не нравится?
Когда он зацветет?

Зато теперь так здорово
Обрадовал меня!
Неужто дожидался он
Особенного дня?

И вправду, лучше времени

Он выбрать бы не смог.
Ведь мамин день рождения
Украсил мой цветок!

У НАС В ДЕРЕВНЕ

У нас в деревне
Даже дождь —
Такой, что позавидуешь!
Нигде сильнее
Не найдешь!
Где веселей увидишь?..

Когда идет
Сплошной стеной —
На улицу не выйдешь!
Такой он сильный,
Проливной...
Ну, словом, позавидуешь!

А кончится —
Куда пойдешь? —
Везде большие лужи!
Такой у нас
В деревне дождь,
Что лучше и не нужно!..

Бывают где-то,
Говорят,
Дожди похлеще наших..
Но радуг,
Что у нас горят, —
Нигде не встретишь краше!

ПРИТЯЖЕНИЕ НЕБА

Как хочется порою
Кружиться над землею,
Подняться к облакам!
Но только, к сожалению,
Земное притяженье
Взлететь мешает нам.

Земля нас любит очень,
Поэтому не хочет
Далеко отпускать.
Но неба притяжение
Сильнее, без сомнения, —
Нельзя нам не летать!

Все дальше от планеты
Уносятся ракеты.
Когда же наш черед?
Хоть мы пока не взрослые,
Но притяженье звёздное
Уже зовет в полет!

ЛАЙ, ПОЖАЛУЙСТА!

На меня щенок глядит.
У него забавный вид:
Залаять собирается,
Но всё же не решается.

Хоть и ростом небольшой,
Знает пес сторожевой,
Как чужака-прохожего
Встречать ему положено.

Он залаял бы сейчас,
Но сильнее я во сто раз —
А вдруг обижу слабого
Героя криволапного?

Слышишь, песик, не дрожи,
Ну-ка храбрость покажи:
Для дела, не из шалости
Облай меня, пожалуйста!

Я пойму, что ты не злой,
Просто долг щенячий твой
На каждого прохожего
Тявкать как положено!

МАМЕ НАДО ОТДОХНУТЬ

Воробьишки, не кричите!
Тише, листья, не шумите!
Тише, кошка, не урчи,
В кухне плоской не бренчи!
Половицы, не скрипите!

Тише, часики, стучите!
Пусть утихнет целый дом!
Пусть не ходят за окном
Ни машины, ни соседи!
Тише — всё на белом свете!
Мама будет отдыхать!

Ну а чтобы не мешал я,
Слышишь, мамочка, сначала
Спать меня ты уложи,
Спой и сказку расскажи,
Убаюкай, а потом
Тоже спи спокойным сном!

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЦВЕТОК

С луга принес я домой,
В воду поставил букет —
Яркий, душистый такой,
В мире красивее нет.

Я лишь один стебелек
В вазе поправить хотел —
Вдруг встрепенулся цветок,
Прямо к окну полетел!

Сразу понять я не смог,
Что приключилось с цветком
И отчего мотылек
Начал порхать за окном.

ЕСЛИ БУДЕТ ХЛЕБ...

Сначала хлеб на поле колосится.
Потом в амбаре должен очутиться.

А после он становится мукой,
Совсем невкусной, беленькой такой.

И снова превращенье происходит:
К нам из печи румяный хлеб выходит.

И если же к обеду хлеба нет,
Стол пустоват, обед нам не обед.

Но всё-то мне по силам на земле,
Когда хватает хлеба на столе!

МЯЧИК БОИТСЯ

Мяч совсем не зря боится
Шила, гвоздика и спицы!

Этого, ребята,
Проверять не надо!

МАЛЬЧИК И СОЛОВЕЙ

— Соловей, позволь тебя спросить, —
Прилетел сюда ты погостить?

— Насовсем, сказать бы я хотел...
Нет, домой на лето прилетел!

МАЛЬЧИКИ И ДЕДУШКИ

Мальчикам нужно
Счастливое д е т с т в о!

А дедушкам нужно
Счастливое д е д с т в о!

НА ЯЗЫКЕ БЕРЕЗ

Березы
Не шумят листвою,
А шепчутся
Между собой.

Порою
С ветром говорят,
Особо
Тайны не таят, —

Кто хочет,
Быстро их поймет,
Язык
Прекрасным назовет.

Язык берез...
И я на нем
Шептал, бывало,
О своем.

ЗАГАДКА С ПОДСКАЗКОЙ

В небе облаком плывет,
С неба капает и льет,

После — лужею лежит
Или же ручьем бежит.

Чтоб от солнечного жара,
Поднимаясь в виде пара,

Возвращаться в небеса,
Утром выпасть как роса.

А когда зима придет,
Это иней, снег и лед.

Ты сегодня умывался?
Вот и всё. Ты догадался.

ПРИЕЗЖАЙТЕ В ГОСТИ!

Край красивый, край богатый —
Татарстан, где я живу.
Приезжайте к нам, ребята,
В гости всех я вас зову!

О Джалиле, о Тукае
Память наш народ хранит.
Их стихи вам почитаем
И расскажем вам про них.

На «КамАЗе» катаем,
Да и кони тоже есть.
А хотите — полетаем? —
Самолеты строят здесь.

Есть дожди у нас и вьюги,
Летом жарко, как на юге,
Полнос Северный — зимой.
Радуги, само собой.

Есть тайга у нас и горы.
Джунгли — можно поискать.
Хороши у нас просторы —
Прямо глаз не оторвать.

Словно море, наши нивы,
А скирда горой встает.
Здесь живет трудолюбивый
Замечательный народ!

Солнце радостно сияет,
День прекрасен всякий раз...
Да, красот у нас хватает.
Как, должно быть, и у вас.

Что еще? Да очень долго
Я бы мог перечислять.
Вот, к примеру, берег Волги, —
Невозможно там скучать.

Лучше сами приезжайте
В Татарстан, где ждут друзья,
В край чудесный наш,
И знайте:
Вы приедете не зря!

МНЕ НУЖЕН БРАТИШКА!

Вам хорошо! Никто из вас
Без дела дома не сидит,
Который час в который раз
Среди игрушек не грустит.

Один скучаю в тишине.
А с кем играть, скажите, мне?

Лежат без толку книжки,
Стоит велосипед...
Нет у меня братишки,
Сестренки тоже нет.

А у соседей, знаю я,
Три брата весело живут.
Но там компания своя,
В игру чужого не возьмут.

Я и сестренке был бы рад,
Но всё же лучше младший брат.

Мне очень нужен братик —
И больше ничего.
Я сам водил бы в садик
Братишку своего.

На улице с братишкой
Всегда бы я гулял,
Проказникам-мальчишкам
В обиду не давал.

Твержу я папе с мамой:
«Ребенок нужен нам!»
Пускай он будет самый
Плаксивый мальчуган.

Любой каприз ему прошу,
Но пусть он будет, я прошу!

Пускай, когда играет,
Он книжку разорвет,
Велосипед ломает
И громко заревет.

Но хорошо мне будет с ним,
Моим братишкой озорным!

СТАДО ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ДЕРЕВНЮ

Как только вечер
Начинается,
В деревню стадо
Возвращается.

Как только свистнет
Наш пастух,
Как только щелкнет он
Кнутом,
Несется стадо
Во весь дух —
И пыль за ним
Стоит столбом!

А уж в деревне
Ждут своих
Овец, коров.
Встречают их
Все-все —
От мала до велика.
А сколько шума,
Гама,
Крика, —
Как будто праздник
Начинается!
А это —
Стадо возвращается.

Свою корову ли, овцу
Узнать по силам и юнцу.
И вроде все они похожи
До самой мелочи,
А всё же
Особые приметы есть:
Хвосты,
Рога,
Копыта,
Шерсть —
Они различные.
Хозяин
Отличия прекрасно знает.
Как только стадо
Возвращается,
Весь вечер в праздник
Превращается.

Для песен —
Самая пора.
В деревне

Отдых до утра.

А утром даже веселее
Уходит стадо на луга.
Картины этой, к сожаленью,
Не видел ты наверняка.

Ведь на рассвете надо встать,
Чтоб выход стада увидеть.

СЕНОКОС

До чего же
В летний день
Всех прохладой
Манит тень!
На лугу,
Цветущем ярко,
Косарям,
Конечно, жарко!

Правда,
Ветер помогает,
Обдувает,
Освежает...

Ну а сено
Стало стогом.
На широком,
На высоком —
Наподобие горы —
Наше место
Для игры!

Взрослые
Не разрешают,
Но не слишком
Нам мешают, —
Снизу нас
Не увидеть.

Ох и весело
Играть!
Опасаемся
Чуть-чуть:
Как бы гору
Не свернуть.

Есть седьмое небо,
Есть!
И оно, наверно,
Здесь!
Нет, верней
Наверняка:
Высоки
У нас стога!

КРЫЛАТЫЙ ОГОНЕК

Темную ночь
На морском берегу
Я позабыть
Никогда не смогу...

Сел на ладонь мне
Живой огонек,
Он осветил ее,
Но не обжег.

И показалось мне:
Время пройдет —
Мой огонек
До огня дорастет!

И прошептал я:
Крылатый, лети!
Нежный фонарик,
Расти и расти!

Верю,
Сюда я приеду опять,
Ты фонарём
Будешь ярко сиять.

Здесь же
Мы встретимся снова с тобой.
После
Тебя увезу я домой.

Станешь мои вечера освещать...
Буду по южному морю скучать.

МАМА, Я ВСТРЕТИЛ ЩЕНКА!

Мама, когда я гулял,
Знаешь, кого увидел?
Песика рыжего, славного,
Только от голода — слабого.

Он на асфальте сидел,
Плакал и грустно глядел,
Словно просил у прохожих:
Может быть, кто-то поможет?

Слова он ждал одного:
Если окликнуть его —
К другу помчится по лужам!..
Но никому он не нужен.

Бедный, несчастный щенок,
Как на ветру он продрог!
Мне от бедняжкиной дрожи
Стало вдруг холодно тоже.

Мама, должно быть, щенок
За ночь к тому же промок.
Где он от ливня спасался,
Если вчера потерялся?

Как было страшно ему

ночью в грозу одному!

Ну а сегодня он плакал,
Еле держался на лапах,
Ждал, кто его позовет.
Он же один пропадет!

Если в тепле не очутится,
Он заболает, простудится...
Мамочка, наверняка
Жаль тебе стало щенка!

Мне он, как другу, поверил...
Мама, сейчас он за дверью!
Может быть, мы позовем
Славного песика в дом?!

СПРЯТАВШИЙСЯ ДОЖДИК

Дождик разыгрался,
В лужицах звеня.
Даром он пытался
Вымочить меня.

Спрятаться успела я,
Дождь переждала:
Мне береза белая
Крышею была.

Невзначай задела я
Ветку над собой.
Что же я наделала?
Ой-ой-ой!

Под березой тут же
Ливень начался.
Под холодным душем
Очутилась я!

До чего хитрющий
Дождик озорной!
Спрятался он в гуще
Листьев надо мной.

ХОЧЕТСЯ ЛЕТАТЬ!

— Папа, до чего же
Хочется летать!
В воздухе кружиться,
Облако догнать!

— Для тебя, дочурка,
Цель не высока.
Ты у нас порхаешь
Легче мотылька.

— Птицей кувыркаться
В небе я хочу!
Только дайте крылья —
Сразу полечу!

— Доченька, успеешь.
Правду говорят:

Кто мечтать умеет,
Тот уже крылат.

— До чего красивы
Звезды в вышине!
Вот бы рядом с ними
Очутиться мне!

— У тебя, малышка,
Всё-то впереди.
Встретятся и звезды
На твоём пути!

СОВСЕМ ЗЕЛЕНЬЙ

Я принес домой арбуз,
От него отрезал кус...

Мякоть оказалась белой.
Стало быть, арбуз незрелый.

Как арбуз я выбирал!
Тискал, к уху прижимал,

Щёлкал по корке так и сяк.
Всё равно попал впросак!

Взрослый дядя черноусый,
Я плохой знаток арбузов.

В этом я определенно
Мальчуган совсем зелёный!

ВСЁ ТЕЧЕТ

На горке веселой зимой
Гремит ледянка подо мной,

Лечу вперед, а через миг
Я весь в снегу, как снеговик.

Но простудиться не боюсь,
До темноты я веселюсь...

Когда усталый, чуть живой
Я всё же прихожу домой —

На рукавичках тает лед
И со штанов вода течет.

Повешу курточку в углу —
Под нею лужа на полу.

Рубашка мокрая насквозь,
И хлюпать начинает нос.

И два ручья бегут из глаз...
Ведь мама строгая у нас!

СОЛНЕЧНОЕ ЯБЛОКО

Золотое солнце летом
Заливает землю светом,

И нигде в разгаре дня
Ярче не найти огня.

А когда, к закату ближе,
Солнце спустится пониже,

Круглобоко и красно,
Словно яблоко оно.

Вот бы яблочко такое,
Наливное, налитое,

Покатилось бы с небес,
Очутилось прямо здесь!

Мы гостей бы пригласили,
Целый пир бы закатали.

Начались бы шутки, смех...
Хватит яблока на всех!

БЕГУТ ПО УЛИЦЕ ЦЫПЛЯТА

В серый день осенний ветер
На дворе спешит куда-то.
Вперегонку с ветром этим
Желтые бегут цыплята.

По дороге мчатся смело
Изо всех своих силенок...
Вдруг машина налетела,
Под колесами — цыпленок!

Не успел я ахнуть даже,
Пригляделся — нет цыпленка!
Желтый лист помчался дальше
С быстрым ветром вперегонку.

ХОДИЛИ МЫ ПО ЯГОДЫ

С папою решили
В лес пойти вдвоем.
Шли и не спешили,
Думали — дойдём.

Но устали ноги —
Ох и дальний путь! —
Сели у дороги
Немного отдохнуть.

С папой говорили
О разном, о своем...
И как-то позабыли —
Куда, зачем идем?

О маме заскучали,
Пора шагать домой...
А шли-то мы сначала
За ягодой лесной!

Но полную корзину
Мы всё же принесли...
Отличную малину
В своем саду нашли!

ЗЕЛЕНый КОНЬ ЛЕТА

На зеленого коня
Я легко вскочил — и вот
Через лето он меня
Всё несет — вперед, вперед!..

Миновали мы в пути
Ребятишек у реки,
Остаются позади
Стайки птиц и родники.

Позади и косари,
И поющие луга,
От зари и до зари
Ввысь растущие стога.

Вон бегут за нами вслед
Жеребята во всю прыть.
Задержаться бы... Но нет,
Скорости не изменить.

Я хочу, чтоб конь устал,
Чуть помедленней скакал!

Ну а лучше бы назад
Повернул зеленый мой.
Я, пожалуй, был бы рад
Летний день вернуть любой.

Мы летим... Вдруг впереди
Свет янтарный замерцал.
Конь зеленый, погоди,
Отчего ты желтым стал?

Бег коня неудержим.
Пробежали день за днем, —
В осень мы влетели с ним,
Быстроногим скакуном!

ДЕДУШКА СЕРДИТСЯ

Дедушка — сердит,
На меня ворчит:
— В хоккей играл до темноты.
Куда это годится?
Уверен я, что завтра ты
Получишь единицу.

Ему я отвечаю:
— Увлёкся я нечаянно.
А ты, когда мальчишкой был,
На ледяной площадке
Ни разу сам не позабыл
Про книжки и тетрадки?

Смеется он:
— Не угадал,
В хоккей я вовсе не играл.
Лишь на футбольном поле
Я забывал о школе.

ПРО ПАПУ С МАМОЙ

Пуškai пока что не хотят
Купить велосипед;
Пуškai, как малышу, твердят,
Что суп вкусней конфет;

Пуškai, когда тепло итак,
Велят надеть пальто;
Пуškai ругают за пустяк
И вовсе ни за что;

Пусть без меня идут в кино,
Когда я нашалю...
Но всё равно,
Но всё равно
Я очень их люблю!

МОЯ СЕСТРЕНКА

Купила мама мне
Сестренку в магазине...
Она уже совсем
Не думает о сыне!

— Братишку я хочу! —
Ей столько раз твердил.
Потратил столько сил,
А вот — не убедил...

Зачем перебирал
Так долго имена?!
А мама принесла
Девчонку...
Вот те на!

Невесело играть
Мне дома одному, —
Товарищ нужен мне.
А плакса ни к чему.

От хныканья устал!
А мама утешает,
Что мальчики еще
Плаксивее бывают.

Не плач, а просто писк.
И кто ее поймет —
Не то она ревет,
Не то она поет.

Не нравится одной
Сестренке оставаться.
На тихий голосок
Привыкли мы сбегаться.

Вся светится она,
Когда подходишь к ней...
Да нет, пожалуй, рад
Я маленькой моей.
Пускай спокойно жить
Всем не дает сестрица,
Но разве я могу
На кроху разозлиться?

Плаксивых пискунов
Я просто не терплю,
А эту вот всегда
Прощаю и люблю.

И я чихать хотел
На болтовню мальчишек,
Сестра дороже мне
Десятерых братишек!

СТИХИ,
НАПИСАННЫЕ ВО ВРЕМЯ НАБЛЮДЕНИЯ
ЗА ЛЕТНИМ ДОЖДЕМ

1

Далеко на горизонте
Мечутся зарницы.
Это значит, что сегодня
Может дождь пролиться.

2

Не напрасно ждал его:
Дождик стал накрапывать
И на голову мою —
Кап-кап-кап —
Покапывать.

3

Потемнели небеса —
Цвет лиловый, грозный.
Надвигается гроза,
Дождь идет серьезный.

4

Гулко гроыхает гром,
Молнии сверкают.
Землю словно из ведра
Ливень поливает!

ДОЖДИК

Люди ждали дождя,
Толковали о нем,

Вспоминали о нем,
Как о друге своем.

Горевали они,
Говорили они:
— Без дождя пропадем
В эти жаркие дни.

Дождь услышал людей,
Дождь отзывчивый был, —
Он из тучи своей,
Как просили, полил.

Ой, беда! Ой, вода!
Ой, спасайся! Течет! —
Убегал кто куда
Под зонтами народ.

Убегал от дождя,
Словно тот раскален...
На людей не шутя
Разобиделся он.

Долго думать не стал
О причудах людских,
Он притих... Перестал...
Убежал он от них.

Светлых струй перезвон
В даль далекую плыл...
А чего это он? —
Вслед народ говорил.

СТИХОТВОРЕНИЕ,
НАПИСАННОЕ С СОЧУВСТВИЕМ К ДОЖДЮ

Если вижу дождик,
Грустно мне бывает.
Кажется, что дождик
Слезы проливает.

Я печалюсь тоже.
Только отчего же?
Что же это значит,
Если дождик плачет?

Дождику помедлить
Хочется немного:
С высоты небесной
Быстрая дорога.

Он живет в полете, —
Разве назовете
Вы дождем простую
Лужицу земную?

Землю напоит он,
Станет он травой,
Яблоками, листьями,
Ягодой лесною, —

Дождик растворится
В них живой водицей...

Но ведь грустно очень,
Что полет закончен...

МЕЧТА

Речка Сюнь спешит отважно
Морем стать в краю другом...
Там кораблик мой бумажный,
Может, станет кораблем!

ВОЛНЕНИЕ

От взмаха крыльев
Царственных орлиных
Проходит по траве волна...
От трепетаньев соловьиных —
Душа волнением полна.

НОЧНЫЕ УЛИЦЫ

Вдоль улицы в городе
В длинной цепочке
Бегом друг за дружкой
Зажглись фонари...

В деревне над улицей
Поодиночке
Затеплились звезды —
Светить до зари.

АРБУЗ

Ну что за арбуз
Мне сегодня попался!
Таких никогда я не ел.
Чуть было не лопнул,
Чуть было не сдался,
Но всё же его одолел.

Наелся бы им
Великан до отказа.
Прослыть хвастуном не боюсь:
На круглый живот мой
Взгляните — и сразу
Поймете, какой был арбуз!

НАШ ДЕРЕВЕНСКИЙ ЗООПАРК

Горожанина порою
Удивить немудрено:
Очень многие корову
Знают только по кино.

Кто же искренне считает,
Что животных любит он,
Пусть в деревню приезжает —
Будет просто потрясен!

К нам во двор любой зайдете —
Столько живности найдете!

Лошади за то в почете,
Что старательны в работе.

Стригунки не отстают:
Не жалея силы, ржут.

И резвятся жеребята
Что есть мочи, до упаду.

Утки, гуси щиплют травку,
Их не надо отвлекать.

Индюкам по нраву страху
На мальчишек нагонять.

Час кормежки — важный в жизни,
И нужна сноровка тут!
Четко, словно механизмы,
Куры быстро корм клюют.

Для овец и для ягнят
Нет милей родного круга:
Разбредаться не хотят,
Так и тянутся друг к другу.

У цыплят, утят, гусят
На дремоту общий взгляд:
«Места слаще не найдем,
Чем у мамы под крылом!»

В каждом доме есть окошки,
А двору — нельзя без кошки.
Пес гостей встречает лаем, —
Нашего зовут Акбаем.

И сороки, и синицы,
И скворцы, и воробьи, —
Двор не забывают птицы,

Здесь у них дела свои.

Можем к живности знакомой
Приходить когда хотим:
Мир животных — возле дома,
Провожать не нужно к ним.

И копытный, и пернатый,
Всех ростов и всех мастей,
Нам всегда бывают рады,
Узнают своих друзей.

Зоопарк у нас не хуже,
Чем обычный городской,
Но поближе. А к тому же
У соседей есть не хуже, —
Хоть похожий, но другой!

ИНДЮК

Как представишь: в день погожий
Он на улице стоит,
Аж мороз дерет по коже —
До того ужасный вид!

За мальчишкой, за девчонкой
Разъяренный жуткий ком
Мчится с клетотом вдогонку,
Загоняет прямо в дом.

Сам Акбай его боится —
Не стыдится сделать крюк,
Если встретит злую птицу
Под названием индюк.

Кто у нас храбрей собаки?
Подразни-ка индюка...
Чтобы, где зимуют раки,
Враз узнать наверняка!

ГУСЯТА

Весеннее солнце над миром сияет.
Гусята свой первый приют заполняют.

В огромной корзине — гусином гнезде
Свободного места не сыщешь нигде...

Осеннее солнце слегка пригревает.

Родня из корзины весь двор заполняет.

В огромном дворе она вновь в тесноте —
Свободного места не сыщешь нигде!

НЕПОНЯТНАЯ КОРОВА

Известно,
Что наша корова бодлива,
Корова сурова —
Ну прямо на диво.

Ей нужно
Порядок всегда соблюдать,
Искать непослушных,
Пугать и бодать...

Пугать-то пугает она,
Но притом
Всех нас угощает
Парным молоком!

БЫЧОК И ГРУЗОВИК

Гуляя, бычок увидал грузовик.
Глазам не поверив, поставлен в тупик:
— Я сплю или нет? Из каких он зверей? —
Спросил еле слышно у мамы своей.

НАУЧНОЕ ОТКРЫТИЕ

Простая волжская ВОДА —
Вся из растопленного ЛЬДА.

Ведь если стужа настает,
То Волгу превращает в ЛЕД.

Любой ученый с детства знает,
Что СОЛЬ в горячем супе тает.

Из МОРЯ взятая ВОДА,
Она соленая всегда.

Поскольку МОРЕ ей полно,
В СОЛЬ замерзать оно должно!

ГУСЬ

Стоит встретиться нам с гусем
Вдвоем,
Разговор всегда ведем
Об одном.

— Я с тобою разберус-с-сь! —
Говорит.
— Ущипну! Давай-ка трус-с-сь! —
Говорит.

— Я нисколько не боюсь! —
Говорю.
— Лучше быть друзьями, гусь! —
Говорю.

— Да-да-да, — он говорит, —
Мы друзья...
Ну а сам себе шипит,
Как змея!

3-3-ЗАЯЦ

Б-б-бедный заяц
В белой шубке своей,
Он продрог всерьез,
Он промерз д-д-до костей.

Разом тысяча врагов
Угрожает ему-у-у.
Ох и зябко же ему
На ветру-у-у одному-у-у...

Или это от испуга
Пробрала его д-д-дрожь?
От трескучего мороза
Ничего не поймешь.

И загадка теперь
Для меня самого —
Отчего же т-т-так трясет,
Так колотит-т-т его...

ПОСПЕВАЕТ — ЦВЕТ МЕНЯЕТ

Когда смородина поспела
И совершенно почернела,
Приходит срок — ей опадать,
А садоводу не зевать!

Когда клубника зелена,
Она нисколько не вкусна.
Но вот поспела, покраснела,
Бери корзинку — и за дело!

Зеленым яблоко не рвите,
Позвольте дольше загорать.
Огурчику в зеленом виде
Уже не стоит цвет менять.

А если тыква поспеет,
Совсем зеленой не бывает.
А тыква спелая всегда
Слегка хотя бы, но желта.

Вот так,
Краснея и чернея,
Желтея или зеленея,
И поспеет урожай!

Когда ж поспеет, не зевай —
Крутись и только поспевай
Собирать, убирать,
Запасать, поесть...

ВСЕ ПОЮТ ПО-СВОЕМУ

Фьють-фьють, фьють-фьють, —
Во всё горло, во всю грудь!..
Это песенка лесов
Для десятков голосов.

Ква-ква, ква-ква...
До чего густа трава!
А за ней всегда найдется
Хотя бы мелкое болотце.

Му-му, му-му, —
Можно петь и одному.
Но хватает и для стада
Этой песенки рогатой.

Бе-бе, бе-бе, —
Так не стоит петь тебе.
Это песня не твоя,
Не поймут вокруг тебя.

Пусть поют не очень дружно
И курятник, и конюшня,
Но для каждого чудесней
Нет его родимой песни!

МАЙ ИДЕТ!

Солнцем радостно сияя,
Счастьем полный — через край,
Наши лица озаряя,
Целый день смеется Май!

Он идет, предвестник лета,
И его прекрасней нет.
Это месяц Дня Победы,
Величайшей из побед!

Май веселый, Май цветенья
Зеленеющих садов,
Замечательного пенья
Вдохновенных соловьев.

Если ты грустишь немножко,
Слышишь, друг, не унывай!
Просто выгляни в окошко,
Посмотри на ясный Май!

ИСТОРИЯ С ПОМИДОРОМ

Ой, вырос в огороде
Огромный помидор,
Зеленый-презеленый
Нахальный помидор.

И так и этак солнце
Светило на него,
А он всё не краснеет,
Ему — всё ничего.

Уж осень наступила
И скоро холода, —
Упрямится негодник,
Не годный никуда.

Но вот однажды мальчик
Заходит в огород,
Срывает вредный овощ
И... в валенок кладет!

Добиться своего он
Со временем сумел:
Упрямец и негодник
От злости покраснел.

И умный мальчик маме
Отнес тот помидор,
Прекрасный
Красный-красный

Полезный помидор.

Такая вот история.
О чем она?
О том,
Что тот подобен солнцу,
Кто действует с умом.

МАЛЬЧИК, КАКИХ ЕЩЕ МИР НЕ ВИДАЛ

Мальчик, каких еще мир не видал,
Сроду нигде никогда не бывал,
В речке не плавал, в лесу не плутал,
Грозный теленок его не бодал.

Он не толкался в толпе городской,
Он не глядел на витрины с тоской,
Не поддавал он жестянку ногой,
Наземь не бросил обертки пустой.

Не было случая, чтоб паренек
Взрослому слово сказал поперек,
И ни один бы припомнить не смог,
Чтобы не выучил мальчик урок.

Он никогда не ругался, не врал,
Радуясь, со смеху не умирал.
Впрочем, и радостей мальчик не знал, —
Всё же не хныкал, не ныл, не рыдал.

Сущее чудо, с чудинкой слегка,
Вам не встречался он наверняка:
Мальчик еще не родился пока...
Столько занятного ждет паренька!

МЫ СЧИТАЕМ ЗВЕЗДЫ

Огромное небо
И россыпью звезды...
Мечтать под такими
Приятно и просто.

А мы вот с Булатом
Зазря не болтаем,
Лежим мы с Булатом
И звезды считаем.

Мы их поделили —
Полнеба на брата,
Что справа — мое,
А что слева — Булата.

Лишь цифры друг другу
Порой сообщаем —
И снова считаем,
Считаем, считаем...

Звезда за звездою,
За сотнею сотня...
Да нет, мы, пожалуй,
Не кончим сегодня.

Нет в небе порядка,
Нет, это не дело:
Пока мы считаем,
Три штуки слетело.

А вот уже звезды
Двоятся, троятся
И даже кружатся.
Не-ет, хватит стараться.

Работу осилить
Мешает усталость.
Мы завтра закончим...
Немного осталось.

ТАКАЯ РАБОТА

Такая работа —
Ходить и ходить,
В любую минуту
В движении быть!

И в этом движении
Не уставать,
От времени быстрого
Не отставать,

А если устанешь,
Отстанешь, замрешь,
Негодником станешь —
Других подведешь.

Ходить — не спешить
И ходить — не бежать,
Людей не смешить
И не сметь обижать.

Такая работа —
Ходить и ходить...
И место работы
Не можешь сменить.

А место работы
Не сам выбирал:
И лес, и болото,
И шумный вокзал,

Морские глубины,
Небес вышина,
Карманы, витрины,
Рука и стена!

В летящей машине,
В ночной темноте,
Во льдах и в пустыне,
Всегда и везде —
Ходить аккуратно,
Себя не беречь...
Конечно, понятно,
О чем идет речь.

А если устали
Надежно ходить,
То время настало
Часы заменить.

От времени можно
Теперь им отстать...
И где-нибудь лежа,
Тихонько стоять.

ЛЮБЛЮ СМЕЯТЬСЯ!

Если солнышко смеется,
К солнцу тянется цветок!

Если солнышко смеется,
Значит, радостный денек!

Ну а если день смеется,
Значит, радостно цветку!

А когда цветок смеется,
Быть серьезной не могу.

Все во мне тогда смеется,
Не могу себя сдержать!

Мне в ответ смеется солнце...
Вам легко теперь понять,

Почему люблю смеяться,
Улыбаться, хохотать!

МАЛЕНЬКАЯ СКАЗКА О ВОЛКЕ, КОТОРЫЙ МЕЧТАЛ О ДРУЖБЕ

В дремотном лесу
Под луной голубой

Задумался Волк
Над обидной судьбой:

С чего бы с волками
Всегда и везде
Находятся люди
В нелепой вражде?

А может быть, волк
Для двуногих урод,
За внешность не любит
Зверюгу народ?

Откуда привычка
У взрослых людей
Волками пугать
Непослушных детей?

А вроде бы зверя
Смешней не найти,
Не зря потешает всех
«Ну, погоди!».

Зачем же стращают
Детишек до слез?
И ружья у взрослых
Стреляют всерьез!..

2

За дружбой бедняга
Явился в село.
Не слишком, однако,
Ему повезло:
Лупили без драки,
Избили всего.
И гнали собаки
До леса его...

3

Да, жизнь-то не сахар
И люди не мед...
А всё же кто ищет,
Тот выход найдет!

Однажды из леса
Мечтатель исчез...
Нашел зоопарк он
И в клетку залез.

Людей ему больше
Искать ни к чему,
Гурьбой они сами
Приходят к нему.

Ему улыбаются,
Машут рукой...
Он ласково скалится,
Милый такой.

Чудилу хорошего
Как не любить!
Приятно мороженым
Волка кормить.

Нужда в человеке
В крови у волков.
«Друзья мы навеки!» —
Завыть он готов.

И сладки конфетки,
И дружеский кров...
Да, только лишь в клетке
И любят волков.

МАЛЕНЬКАЯ СКАЗКА О БОЛТЛИВЫХ РЫБКАХ

Как-то раз в подводном мире
Странные дела стряслись:
Рыбки вдруг заговорили,
Разыгрались, разошлись.

Крики, хохот, разговоры,
Эта плачет, та дерзит...
И само собою ссоры —
Что за игры без обид?

Ох и весело рыбешкам
В развлечениях своих!
Но в забавах хоть немножко
Надо помнить о других:
Там, в подводной глубине,
Все привыкли к тишине.

Чтоб покой восстановить,
Шалунов остановить,
К ним направился один
Симпатичный господин.
Как зовут его?
Правильно, дельфин!

Он к проказникам подплыл,
Их любезно попросил
Больше не озоровать
И порядок соблюдать.

Рыбки, шумные вначале,
Постепенно замолчали,
А потом себе поплыли
Потихонечку шалить.

Что же с ними приключилось,
Необычного случилось?
Рыбки попросту забыли,
Что не могут говорить.

МАЛЕНЬКАЯ СКАЗКА О ЗАЙЧИКЕ И ЕГО ХВОСТИКЕ

Жил-был на свете
Заяц один.
Он в город ходил,
В овощной магазин.

Зачем в огородах
Морковь воровать?
Куда безопасней
Ее покупать.

Когда продают
И капусту и репу,
Разбойничать скучно
И даже нелепо.

Накупит зайчишка
Всего понемножку
И тащит домой
Тяжеленную ношу.

А жизнь городская
Совсем не лесная,
Автобусы всюду,
Машины, трамваи.

А правил движения
Зайчик не знал,
Куда ему нужно,
Туда и бежал.

И кто бы зачем
Объяснил их ему?
В лесу эти правила
И ни к чему.

Вот тащит зайчишка
Покупок мешок,
Ну прямо не заяц он,
А ишачок.
А транспорт — потоками,
Тут не зевай...
Вдруг
Прямо
На зайчика
Мчится
Трамвай!

А бедному зайчику
Хочется жить...
Рванул что есть силы,
Успел проскочить!

А хвостик длиннющий,
Пушистый такой,
А хвостик красивый,
Родной, дорогой

Остался лежать
На трамвайном пути, —
Увы, не успел

Его зайчик спасти...

Тяжелый мешок
Возле рельсов лежит,
Хозяин же
К милому лесу бежит.

Стрелой несется он,
Как никогда,
Удобней и легче
Бежать без хвоста.

И вот наконец
Он добрался до дома,
Где всё-то понятно
И всё-то знакомо.

Сидит под кустом он
И так рассуждает:
Длиннющий хвостище,
Он только мешает.
Что можно лисице,
То нам не годится.

Зверьки мы простые,
Мы проживем
Довольно не плохо
И с куцым хвостом.

Удобней с таким
Посещать огороды...
Что делать,
Придется,
Ведь кушать охота.

Народ мы, конечно,
И умный и смелый,
Но в город ходить
Слишком страшное дело!

По собственной воле
Никто не пойдет.
Нам, что ли, в лесу
Не хватает забот?

Не надо машин нам,
Не надо трамвая!..
Сегодня
Я новую
Жизнь
Начинаю...

История наша
Кончается тут:
Вы знаете сами,
Как зайцы живут.

ГРУСТНЫЕ СТИХИ
ПРО ГРУСТНУЮ ШКОЛУ

В ОДНОЙ ДЕРЕВНЕ

По пальцам можно сосчитать,
Руки хватает перечесть:
Учеников на школу — пять...
Еще учительница есть.

В первом классе —
Ким, Халим,
Во втором же —
Рим, Салим,
В третьем —
Только Мирсалим...

На уроках непременно
Тишина,
И на скучных переменах
Тишина.
Но тоскливая такая тишина
И учительнице даже не нужна.

Отчего грустят ребята?
Их для школы маловато.
Разве дети виноваты?
Это взрослым думать надо...

МАЛЕНЬКАЯ СКАЗКА О МАШИНЕ И ЦВЕТОЧКЕ

1. Жила-была машина

Жила-была машина,
Проворная машина,
Машина как машина,
Ну что еще сказать?
Любила прокатиться,
На людях появиться,
Но это для машины
Не редкостно опять.

Еще любила выпить.
Не думайте плохого,
Машина не любила
Ни сок, ни лимонад,
О чае помечтала,
Но пить его не стала, —
Он для машины вредный
Напиток, говорят.

Она бензин любила!
Он придавал ей силы,
И вредным для машины
Бензин не назовешь.
Его напившись вволю,
Мурлыкала довольно,
От счастья даже пела:
— Действительно хорош!

По городу катила,

Без устали дымила,
Но только горожане
Не чуют этот дым, —
Они к нему привыкли,
Давным-давно привыкли,
И кажется им воздух
Чудесным и родным.

2. Машина в лесу

Однажды в день воскресный
Она была свободна
И вкусного бензина
Досыта попила.
А после покатила
Она в лесок окрестный, —
Так вышло, что машина
В нем раньше не была.

Она по лесу мчится,
За нею дым клубится,
И птицы задыхаются
От дыма на лету.
И бабочки и травы
От этакой отравы
Покорно погибают,
Не выдержав беду.

Но вот машина встала
И аромат вдохнула,
От радости чихнула
Дымком еще разок.
И вдруг от изумленья
Она остолбенела:
Машина городская
Увидела цветок.

3. Машина влюбилась

То был цветок прекрасный,
Как будто бы из сказки, —
А в общем-то обычный,
Простой цветок лесной.
Машина засмуцалась,
Машина покраснела,
Сраженная красою
Ну прямо неземной.

Ну а цветочек славный
Машине улыбнулся
И тут же начал вянуть.
А знаешь почему?
Он был уже отравлен
Невыносимым дымом, —
На всех его хватило,
Досталось и ему.

Машина удивилась,
Но поняла, в чем дело,
И собственной жестокостью

Была потрясена.
И выключив мотор свой,
Чтоб не погиб цветочек,
Назад, в родимый город,
Пешком пошла она...

Когда мне рассказали
Историю машины,
Искать ее я начал,
Ходящую пешком.
Еще одна примета:
Она бензин не любит.
Давай поищем вместе —
Наверняка найдём.

КАК СТАТЬ ЧЕМПИОНОМ

Хорошо быть чемпионом!
В чем-то ты сильнее всех,
И болеют миллионы
За тебя, за твой успех.

Как же славы и почета
Можно в чем-нибудь добыть?
Нужно просто в этом чем-то
Непрерывно первым быть!

А для этого всего-то
Нужно вовсе ничего:
Первым стать
Иметь охоту,
Ей отдать себя всего.

И немного потрудиться
Тоже надо, как всегда:
Ведь чего-нибудь добиться
Невозможно без труда.

А немного — это значит
Ежедневно долгий бег, —
Если даже небо плачет,
Если даже сыплет снег.

А еще — гантели, штанга
И в придачу к ним турник.
Уставай от них, однако
Не сдавайся ни на миг!

Хочешь вместо тренировки
Телевизор посмотреть?
Не придумывай уловки,
А скажи себе: «Не смей!»

Укреплять не только тело,
Волю надо укреплять...
Вот и всё. Берись за дело
И попробуй первым стать!

МЕХАНИЗМЫ В НАШЕМ ДОМЕ

Механизмы выжить нас

Из дома угрожают,
Потому что папа наш
Их просто обожает!

Холодильник, пылесос,
Для малярных дел насос,

Дрель и сверла — первый класс!
Маслобойка есть у нас...

Правда, масло не сбиваем —
В магазине покупаем.

Разве места жалко
Для соковыжималки?

Тарахтит, как трактор,
Старый вентилятор.

Новенький, шикарный
Есть станок токарный.

Есть компьютер, и к чему
Дома папе моему
Две пишущие машинки —
Печатать по старинке?

Он гордится дорогой
Механической пилой.

Что пилить — пока не знает,
Но когда ее включает,
Он, похоже, получает
Удовольствие большое
От пронзительного воя.

Не сумею перечесать,
Сколько в нашем доме есть
И рычащих, и визжащих,
И скрипящих, и гудящих
Удивительных вещей —
И одна другой шумней.

С каждой вещью и вещицей
Папа любит повозиться:
То и дело протирает,
Разбирает, собирает,
Чтобы снова разобрать,
А потом собрать опять.

Разбирает, собирает —
Так по-своему играет.

Понимаю —
Это надо
Папе, видно, оттого,
Что игрушек маловато
Было в детстве у него.

БАБУШКА У НАС В ГОСТЯХ

Бабушка скучает по деревне,
То и дело слышим от нее:
— До чего тоскую по деревне...
В городе сельчанам не житье.

Ей у нас в гостях заняться нечем:
Безо всякой живности живем,
Дом водой из крана обеспечен,
Магазин — под боком, за углом.

Здесь не навестить подруги старой,
Чтоб на жизнь пожаловаться ей,
Вместе посидеть у самовара...
Да и чай в деревне повкусней.

Бабушке, конечно, одиноко,
Хоть вокруг и добрая родня.
Только хуже было бы намного,
Если б в доме не было меня.

Ясно ведь,
И в городе бабуле
Тоже развлечения нужны...
Оставляю вечером на стуле
Мятую рубашку и штаны.

Вычистит одежду и положит
Тихо аккуратненько назад...
Пуговки оторванные тоже
Радуют бабуся, веселят.

Бабушка накормит и проводит
В школу полусонного меня.

Выйду я из школы —
И выходит
Мне навстречу бабушка моя.

Бабушка белье мое стирает,
Бабушка квартиру убирает,
Выучить уроки заставляет
И друзей ко мне не допускает,
Бабушка уроки проверяет,

А потом друзей ко мне впускает,
Вкусненьким бабуля угощает,
Бабушка играть нам не мешает,
А потом за нами прибирает, —
В остальное время
Всё скучает
Милая бабулечка моя...

Ничего, бабуля, скоро лето,
Встретимся в деревне мы с тобой.
Жди меня — и я к тебе приеду.
Отдохнем от жизни городской.

ЛЮБЛЮ ГОСТЕЙ

До чего люблю гостей —
Самых-самых разных!
С ними в доме веселей,
Настоящий праздник!

Насмеешься, пошумишь,
Нашалишь, бывает, —
Что при них ни натворишь,
Мама не ругает.

Шутки шутятся смешней,
Если гости с нами...
И готовят для гостей
Пироги с блинами.

...Мама первый блин печет —
Запах несравнимый!
Кто, глотая слюнки, ждет?
Это я, любимый.

Первый блин получит сын,
Так у нас ведется,
А второй чудесный блин
Папе достается.

Ах, какая вкуснота —
Трудно оторваться!
А наешься, как тогда
После наслаждаться?

Подождать других должны,
Сесть за стол неспешно...
Любим с папою блины!
И гостей, конечно.

А ПОЧЕМУ?

Можно жить, других не обижая,
Не мешая им, не раздражая.
Чаще так получается,
Что не получается.
А почему?

Можно жить, не ссорясь, не враждуя,
Можно не поверить в сплетню злую.
Чаще так получается,
Что не получается.
А почему?

Можно жить и быть сильнее лени,
Лень — перед собою преступленье.
Чаще так получается,
Что не получается.
А почему?

Можно жить и быть всегда правдивым,
Добрим, сердобольным, справедливым.
Чаще так случается,
Что не получается.
А почему?

Можно жить и дружно, и красиво.
Неужели это не по силам —
Мне, тебе и всем нормальным людям?
Так давай же хоть стараться будем!

ГДЕ ЖЕ ВЕТЕР?

«Где гуляет ветер?
Мчался бы сюда!
Без него на свете
Просто скукота!

С ним бы не тужили,
Он бы освежил,
Вмиг растормошил бы,
В небе закружил.

Нас бы он заставил
Петь и говорить.
Мы уже устали
Без толку грустить.

Если б ветер дунул,
Стало б веселей!» —
Вот такие думы
В зной у тополей.

ПОЮЩЕЕ ДЕРЕВО

Посадил я тополек,
Поливал водою...
Стал он строен и высок,

Зашумел листвою.

А когда к нему весной
Птицы прилетают,
Веселее тополь мой,
Звонко распевает.

Слышны трели без конца
С щелканьем и свистом.
Да, певец из деревца
Вышел голосистый!

А вначале прутик был
Слабенький, недлинный...
Я не знал, что посадил
Тополь соловьиный!

САМОЕ БОЛЬШОЕ ЯБЛОКО НА СВЕТЕ

Я скажу вам сразу:
Хвастаться не буду.
Просто прогуляться
Утречком пошел.
А дошел до леса,
Приключилось чудо:
Около опушки
Яблоко нашел.

Тяжеленной тыквой
Цвета золотого
Яблоко лежало
Прямо на пути.
Раньше никогда я
Не видал такого, —
Может быть, огромней
В мире не найти!

Я не растерялся,
В яблоко уперся,
Как большую бочку,
К дому покатыл.
А когда добрался,
Было очень поздно, —
Так что, извините,
Вас не угостил.

Откусил кусочек,
Маленький и сладкий,
Понял, что до завтра
Вряд ли дотерплю, —
И свою находку
Съел я без остатка.
Потому что очень
Яблоки люблю!

БОЛЬШЕРОТОЕ ВЕДРО

Я над загадкою ведра
Ломаю голову с утра.

Еще вчера — я точно помню —
Ведро на кухне было полным.

Куда, скажите, вся вода
Исчезла за ночь без следа?

В таинственном ведре без толку
Искал я дырку или щелку.

Потом потрогал пол рукой, —
Он около ведра сухой.

Тогда, скажите мне, куда
Вода девалась без следа?..

Ура! Разгадка так проста:
Ведро само водичку пьет!

А если нет, зачем тогда
Ему такой огромный рот?

ЛАЮЩИЙ ШКАФ

Лег я вечером в кровать.
Только начал засыпать,
Как на целый дом — гав-гав! —
Вдруг залаял старый шкаф.

Страшно было мне вставать,
Страшно дверцу открывать...
А из шкафа песик мой
Тут же выскочил стрелой!

ПРО ТИШИНУ

В нашу комнату тихо, без стука
И без спроса, вошла Тишина...
Мы с друзьями глядим друг на друга:
Для чего заявила она?

Нам и скучно и очень обидно,
Словно взрослый в компанию влез.
А незваную гостью не видно,
Только знаем, что здесь она, здесь.

Только знаем: по комнате ходит,
Хоть сюда посмотри, хоть туда, —
Там и тут — Тишина. И выходит,
Не спастись от нее никуда.

Надоело сидеть нам без дела,
Мы скучать и молчать не хотим.
Ну-ка, братцы, все дружно, и смело

Зашумим, запоем, закричим!

...И когда от нескладного хора
Так и дрогнули стекла окна,
Испугалась такого напора,
Убежала от нас Тишина!

ПРО ДЕЛЬФИНА

Мне бы на море
Теперь очутиться.
Я на дельфине
Хочу прокатиться.

Добрый-предобрый,
Он любит играть.
Что ему стоит
Меня покатать?

Только представьте,
Как весело нам
Было бы мчаться
По синим волнам!..

Друг говорит,
Что на море бывал,
Только дельфинов
Он там не видал.

Правду, наверно,
Сказать он боится:
Видел дельфина —
Не смог прокатиться!

ЗАВИДУЮ ДЕВЧОНКАМ...

Пусть девчонке
Ставят «пять»
И хвалят
За ее тетрадь.

И я ни капли
Неглупей,
А просто я
Люблю хоккей.

Девчонке
Делать нечего,
А я играл
До вечера.

Устал,
Чуть-чуть недоучил
И снова
Двойку получил.

Хоть не подам
И виду я,
Девчонке
Я завидую.

Ее не тронь,
Не обижай,
В трамвае
Место уступай.

Она тебя
Неряхой дразнит —
А ты
Цветы
Дари на праздник...

Нет,
Быть мальчишкой —
Тяжело!
Девчонкам
Больше повезло!

УСТАЛ

За столом вздохнул Рашит:
— Потерял я аппетит.
Сам не знаю, что со мной.
Я, наверное, больной.
Одеваться было лень,
Умываться — тоже лень,
провалялся целый день,
Силы набирался.
Почему же от постели
Я сегодня еле-еле
До стола добрался?
Усмехается отец:
— Ты, конечно, молодец, —
До стола добраться смог!
Только, знаешь ли, сынок,
Потрудись немножко,
Вымой чашки, ложки —
Маме помоги
И к друзьям беги...
Нет лекарств полезней
От твоей болезни.
У тебя от лени
Переутомленье.

ХВОСТ

Что за хвост! Он так хорош,
Просто глаз не оторвешь!

Он огнистый, он пушистый
И на диво шелковистый.

В плавном танце он плывет,
Поиграть зверят зовет.

Где найдешь еще такого
Друга прямо золотого?

До чего же ласков он —

Словно сказка или сон!

Жаль, для дружбы не годится:
Неразлучен он с лисицей.

МЫ ПОСТРОИЛИ РАКЕТУ

Мы построили ракету.
Полетим —
Куда хотим!
Поглядим
На то и это,
Всё на свете поглядим!

Всё на свете интересно,
Всё,
На что ни посмотри!
Забрались в ракету...
Тесно
Оказалось там —
Внутри.

Что особенно обидно —
Ничего не видно там.
Ни земли, ни звезд не видно...
Надо
Окна сделать нам!

Как же мы не догадались —
И остались
В темноте.
И к тому же,
Оказалось, —
Мы забыли о еде!

И воды не захватили.
Что же будем есть и пить?
Про скафандры позабыли...
Загрустили —
Как нам быть?

Мы немножко посидели
В нашем тесном корабле...
Надоело!
Вышли смело!
Вот и всё.
Мы на земле.
Никуда не улетели? —
Ну и ладно,
Не беда.
Мы проверили на деле,
Что не струсим
Никогда! —

Полетим куда угодно,
Но сначала
Подростем...
Что не ладится
Сегодня,

То получится
Потом!

МЫ ЛЮБИМ СОЛНЦЕ!

Красив костер!
В нем, как живой,
Огонь веселый вьется.
Но всё равно
Нет ничего
Прекраснее, чем солнце!

Огня на свете
Ярче нет
И жарче не найдется.
Его теплом
Весь мир согрет,
Повсюду светит солнце!

Пусть приходит
Каждый день, —
Оно не надоест нам,
Для всей земли,
Для всех людей
Горит костром чудесным!

Пусть сияет
Оттого,
Что силы в нем — безбрежность.
Но солнышком
Зовем его
За ласковость и нежность.

ЛОШАДКА

Глядит лошадка на меня
Печальными глазами.
В сарае плохо, — понял я,
Не жизнь, а наказание.

Она кивает головой,
С поклоном просит что-то.
Да нет, о чем-то:
— Эй, открой
Противные ворота...

Смотреть спокойно не могу
На грусть чужую рядом.
Но если бедной помогу,
Я стану конокрадом.

На волю отпускать нельзя...
Но ведь лошадка мается!
Что делать мне — не знаю я...

А лошади — кусаются?

БУЛАТ НА РЫБАЛКЕ

Хорошим утром рано-рано
К реке направился Булат.
Проснуться трудно рано-рано,
Но рыба любит рано-рано
Клевать, пока ребята спят.

День выдался необычайный.
Плотва, язишки, окуньки
Клевали — ну необычайно.
Устал Булат необычайно,
Таская рыбку из реки.

Но как же вышло, что назад
С пустым ведром пошел Булат?

Он плелся заспанный и вялый,
При этом сладко так зевал...
Похоже, рыба не клевала,
А носом наш Булат клевал.

НАСМОРК И ПЛАТОЧЕК

Где же я схватил простуду?
Худо с насморком, ой, худо!

Ой, как из носу течет —
Словно там водопровод.
Только вытер — и опять
Надо слякоть осушать.

Я по улице гуляю —
Ну и что, что нос потек?
Жаль, из дома выбегая,
Позабыл я взять платок.

Не обратно ж возвращаться
За малюсеньким за ним,
Если можно утираться
Рукавом большим таким.

Где уж тут платку-бедняжке?
Весь рукав уже сырой!
Хорошо, что у рубашки
Есть невымокший второй!

НАШ КУХОННЫЙ КРАН

Постоянно, непрестанно
Капли капают из крана.

Мама крутит так и сяк —
Не уймет капель никак.

Папа маму утешает,
Но ничем не помогает:

Мол, других полно забот.
И ведь каплет — не течет.

На ремонт рукой махнули!
Вся надежда на сынулю.

Видно, ждут, что подрасту
И на помощь к ним приду.

Из коляски выйду, встану...
И займусь починкой крана!

Не хочу быть космонавтом,
Потому что не хочу!
Уговаривать не надо —
Никуда не полечу.

Неужели непременно
Нужно рваться всем к Луне?
Что случится со Вселенной,
Если космос не по мне?

На Земле навряд ли хуже,
Чем на Марсе, — разве нет?..
Космонавтами к тому же
Не были отец и дед.

Интересно о работе
Их послушать разговор...
А в космическом полете —
Что вокруг? Пустой простор.

Если даже, скажем, завтра
Вдруг желание придет,
Я не стану космонавтом!..
Возраст мой еще не тот.

НАША СЕМЬЯ

Папа мой порядок любит:
Папа — ми-ли-ци-о-нер.

Дедушке покой дороже:
Дедушка — пен-си-о-нер.

Полон дом значков колючих:
Братик — кол-лек-ци-о-нер.

Старший брат пошел на митинг:
Он — ре-во-лю-ци-о-нер.

У меня свои заботы:
Я — наследник-пи-о-нер.
(Кто не знает —
есть такие в Татарстане.)

А вот вырасту, тогда уж
Стану я мил-ли-о-нер!

РАДУГА

Радуга прекрасная
Встала над рекой,

И в реке прекрасная
Светится дугой.

Радуга-красавица
Прочная на вид,
Так переливается,
Что глаза слепит!

С берега до берега
Словно мост ведет.
С берега до берега
Кто по ней пройдет?

Через речку здесь я
Вброд шагал не раз.
Но куда чудеснее
Вижу путь сейчас...

Я пошел по радуге!
И за мной стрелой
Бросился по радуге
Славный песик мой.

Он взлетел на радугу
И не ждал беды...
Но совсем не радостный
Вылез из воды.

Чтоб по чудо-радуге
Запросто бежать,
Что такое радуга,
Надо всё же знать.

СЛАДКОЕЖКИ

Сладкоежки
Всех мастей
Жить не могут
Без сластей.

Лев
Набил
Халвой живот.
А жираф
С утра жует
Нежные пирожные.
Ну а морж —
Мороженое.

Ах, как любит
Бегемот
Груши
Сорта «бергамот»!
Никому
Не даст

Кабан
У него
Отнять
Банан.

А журавль-журавель
Обожает
Карамель.
Тянет с ней
Ведро большое
Минералочки
«Боржоми».

Барсу
Дорог
«Барбарис».
А Барбос
Влюблён
В ирис.
Очень нравится
Коале
Кока-кола
И какао.
Попугаю —

Пирог,
Те,
Что слаще
Кураги.
Ну а пони —
Для него
Пончики
Вкусней всего!

Если каша —
Словно мед,
Кашу любит
Кашалот.
Ну а лошадь —
Шоколад.
Ламе —
Дайте лимонад!

Говорят,
Что есть обжора
Враз готовый
Без разбора
Съесть и выпить
Всё подряд:
Пастилу
И мармелад,
Карамель
И кока-колу,
Сладкий чай
И шоколад,
Грушу,
Мед
И ананас...
Вряд ли он

Один из нас.
Про себя
Я точно знаю,
Что картошке
Рад бываю.
Мне мила
Простая каша,
К ней в придачу —
Простокваша.
И айрана
Вкус прекрасен.
Стол такой —
Огромный праздник!

Но не лишние притом
Хлеб
И творог
С катыком.

Всё-то вкусно,
Аппетитно,
Не попробовать —
Обидно.
Но заранее,
Друзья,
Остеречь
Обязан я:
Стол
С едой,
Такой прекрасной,
Он
По-своему
Опасный.
Зазевайтесь
На миг —
И проглотите
Язык!

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Увидела собачка
Бумажку на стене.

Волнуется бедняжка:
— Узнать бы надо мне,

О чем же эти буквы?
А вдруг они о том,

Что добрые хозяева
Возьмут щеночка в дом?

ПОЙМИТЕ ПРАВИЛЬНО!

В жару не дразнится щенок,
Показывая вам язык, —

А просто в солнечный денек
Так охлаждаться он привык.

Он, может, вежливый малыш,
Но твяканьем не объяснишь:

Язык — не для дразнения,
А лишь — для освежения!

МЕДВЕДЬ

В Казань косолапый
Из леса пришел,
И мед на базаре
Он быстро нашел.

Хоть правильный путь
Ему нос указал,
Медвежью услугу
Притом оказал.

А чем бедолаге
Платить за товар?..
Без денег обидно
Ходить на базар.

БОЛЕЮ!

Вряд ли сегодня до школы дойду,
Я от бессилья в пути упаду.

Голос охрип, и болит голова.
В книжке едва разбираю слова.

Ой тяжело, до чего тяжело...
Вот уж действительно не повезло.

Слышу за окнами крики друзей.
Мне бы на улицу — там веселей!

Силы нашел бы я встать, погулять!
Мама не хочет меня отпускать.

Игры на воздухе — страшно полезны,
И несмышленьищу это известно.

Лечат движеньем любые болезни!
— Мамочка, выпусти!..
Нет, бесполезно...

ОТДОХНУЛИ!

Целый день мы отдыхали,
Зря минуты не теряли...

Отдыхали сидя, лежа...
На бегу, конечно, тоже.

Утром рыбу поудили,
Днем по ягоды ходили.

Мы смеялись и болтали,
Обошли такие дали!

Если ты в пыли дорожной,
Не вернуться к речке сложно.

А уйти домой оттуда
Летом — это просто чудо...

Ближе к ночи до постели
Доплелись мы еле-еле.

Эх, какая благодать —
После отдыха поспать!

ТАКОЙ-СЯКОЙ!

Сыночек моего отца
Готов проказить без конца.

Сынуля мамочки моей,
Пожалуй, даже озорней.

А бабушкин любимый внук —
Когда отбился он от рук?

У деда внук — упрямей нет,
Один такой на целый свет.

Твердит братишке старший брат,
Мол, ты в науках слабоват.

А у сестренки брат ее —
Он просто лодырь, вот и всё.

То этот учит, то другой...
Вот я какой — такой-сякой!

АРХИМЕД И СПАРТАК

Мы гордимся всем народом,
Что в таком селе живем:
Из него, родного, родом
Архимед со Спартаком!

Да и как не знать об этом? —
Каждый каждому знаком...
Жили-были два соседа —

Архимед со Спартаком.

Плохо физика давалась
Архимеду, говорят.
Спартаку же доставалось
В шумных ссорах от ребят.

Доставалось — было дело,
Были «тройки» — но давно...
Это время пролетело,
Как веселое кино.

Крепко дружат аксакалы,
Неразлучней пары нет:
Где Спартак наш Гапсаттаров,
Там Акмалов Архимед!

КРО!КО!!ДИЛ!!!

Кро! —
На кролика похоже.
Ко!! —
Котеночек хороший.
Дил!!! —
Как будто динь-динь-динь!
Ну а в целом —
Крокодил!

Имечко
У крокодила
Симпатичное
На диво.

Крокодильчик
Безмятежный,
Он застенчивый
И нежный.

Если чем-то
Удручен,
Потихоньку
Плачет он.

Но когда
Он даже плачет,
За щекою
Зубки прячет.

Крокодила
Гладить можно
Бережно
И осторожно, —
Как простого
Червячка...

Если —
Лишняя рука
И к тому же
Ваша сила
Как у зверя
Кро!Ко!!Дила!!!

КАК ПОСМОТРЕТЬ НА ВЫХОД СТАДА?

Когда ложусь я вечерком,
Не спится мне — ну нипочем.

И, стало быть, мне рано встать —
Как будто вовсе и не спать.

Куда привычней просыпаться
Часов в одиннадцать, двенадцать.

А в это время не сумею
На выход стада посмотреть.

А может, мне ложиться спать
Часа в четыре или пять?

Но вечер только начинается,
Так рано спать не полагается.

И мне увидеть выход стада,
Конечно, хочется.
Но надо

Ему по улицам пройти
Часов не позже десяти.

ДАЧНЫЙ ДОМИК

Как дворец,
Домище новый
Замечательный стоит.
Он на вид
Почти готовый —
Даже крышею
Покрыт!

Дом
Построили соседи.
Наш —
Повыше должен быть!
Если б только
Гвозди эти
Не забыли мы
Купить...

Ну а если
Нету бревен,
Что про гвозди
Вспоминать?..
Дом,
Конечно, мы построим.
Надо —

Взяться и начать.

Но цемента нет
И камня,
Чтоб фундамент
Заложить...
Мы с братишкой
Стариками
В новом доме
Будем
Жить.

Повторяет
Папа
Часто:
— Надо
Гвозди покупать...
А пока —
Пустой участок,
Хорошо
На нем играть!

НЕ ПОНИМАЮТ...

На часах всего лишь девять.
Сколько дел я мог бы сделать!

А уже вокруг меня
Начинается возня.

Окружают, наступают,
Умоляют и ругают:

— Отложи всё до утра!..
А сегодня — спать пора!

Это взрослым, может, скучно,
Им ложиться раньше нужно.

А по мне любые сны —
Тягомотней тишины.

Мне ни капельки не спится.
А усну — пускай приснится,

Что с сегодняшнего дня
Дома поняли меня!

О творчестве поэта

ВЕРЮ!

В нашей поэзии много молодых поэтов. Но, к сожалению, в последние годы молодежи, привлекающей внимание читателей, не так уж много. Среди этих немногих хочу назвать Роберта Миннуллина.

Роберт последние пять-шесть лет активно и плодотворно работал в поэзии. Он уже выпустил первую книгу стихов. Окончил университет. Журналист. Роберт стремится найти поэтическое звучание социально-политической темы и часто достигает своей цели, что отличает его творчество от других молодых поэтов, которые не могут смело взяться за это. Его творчеству присущи лирика и юмор. Молодой автор стремится слить воедино эти два течения. И, видимо, от этого в его стихах много тепла, озорства, оптимизма.

Я думаю и верю, что Роберт раскроет свой талант и в детской поэзии. Это подтверждают детские стихи, написанные им в последнее время.

Но молодому поэту предстоит еще большая работа над стихами философского направления, которые изображали бы жизнь еще глубже. Мы можем предъявлять такие высокие требования молодому автору, так как стихи Роберта талантливы, душевны, проникают в сердце читателя. А это — самое важное требование поэзии.

Опираясь на лучшие стихи и имея в виду большие возможности Роберта Миннуллина в будущем, я рекомендую его в члены Союза писателей СССР.

Ильдар Юзеев
1976

ВОЗЛАГАЮ БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ

Семь-восемь лет назад стихи Роберта Миннуллина обсуждались на республиканском семинаре молодых писателей. Уже тогда молодой автор отличался своеобразным, естественным талантом. Его искренние стихи, проникавшие в душу читателя, возлагали большие надежды на его будущее. С тех пор Роберт терпеливо, основательно рос, росли и его мастерство и, вместе с тем, уверенность поэта в себе. Сборник стихов «Будьте счастливы», составленный с большой требовательностью автора к себе, дает нам представление о творческом лице молодого поэта.

В последнее время меня радуют новые качества в творчестве Роберта. Одно из таких качеств — к его лирике органически стал присоединяться мягкий юмор. И возможно, тяга к юмору привела поэта в детскую литературу — он начал писать стихи для детей. И в этой области я возлагаю на молодого автора большие надежды. Верю, что в этом жанре творческие искания поэта будут более плодотворными, появятся более интересные и неожиданные находки.

Молодые поэты приходят в детскую литературу не так часто. И не все из этих поэтов могут полно и глубоко раскрыть свои возможности. А у Роберта, как это видно из подготовленного сборника стихов для детей, есть те основные качества, которые требуются от детского поэта: он любит и понимает детей, охотно настраивается на детскую «волну», знает все тонкости родного языка, чувствует все его прелести. Я рекомендовал эту книгу для детей в издательство и надеюсь, что она покажет творчество автора с новой стороны не меньше, чем первая книга лирики.

На наших глазах Роберт Миннуллин прошел серьезный подготовительный этап и вступил в пору смелого творения в разных жанрах. Я думаю, что это уже признаки зрелости, самостоятельности, и рекомендую молодого поэта в члены Союза писателей СССР.

Шаукат Галиев
1976

СО СВОИМ ПОЭТИЧЕСКИМ ПОЧЕРКОМ

К нашей поэзии нет претензии со стороны стиля, особенностей поэтического изображения, разнообразия манеры и темперамента. Достаточно и поэтов, и оригинальных направлений и тенденций. В таких условиях нелегко найти свой путь. Чтобы присоединиться к многоголосному звучанию и в то

же время внести в общую мелодию поэзии силу и новизну, перед молодыми поэтами стоят большие требования. И, несомненно, всякий молодой талант, показавший себя с новой стороны, становится ценнее, нужнее.

Роберт Миннуллин — один из таких поэтов, который в таких условиях пришел в поэзию со своим поэтическим почерком.

Его поэтическое слово — плавно, спокойно по своей натуре. И его стихи не оставляют читателя равнодушным: они заставляют его слушать, думать и переживать. Первое чувство, пронизывающее душу, — восхищение поэта. Многие стихи Роберта содержат в себе такую таинственную силу, которая требуется от стиха вообще.

Чтобы выйти на эстраду с серьезными стихами, нужен и другой дар — способность быть трибуном. У Роберта есть и это качество: он часто и успешно выступает перед аудиторией.

Р.Миннуллин активно и плодотворно работает и в области журналистики.

Хорошо зная его человеческие качества, одобряя его творчество и твердо веря в его успехи, рекомендую Роберта Миннуллина в члены Союза писателей СССР.

Ахсан Баянов
1976

ПЕВЕЦ ДЕТСТВА

«В детской литературе после Шауката Галиева...» Казалось бы, такой фразой можно начать перечисление новых имен. Но, увы, редко, очень редко приходят в нашу детскую литературу новые таланты. Может быть, раз в десятилетие...

Очевидно, есть в этом деле какие-то секреты. Ведь многие из нас пробовали писать для детей, даже выпустили отдельные сборники. Но... не стали в детской литературе «своими».

Скажут: для того, чтобы стать детским писателем, нужны особые качества, особое дарование. Он должен быть и педагогом, и превосходно знать ребячью психологию. Да, я тоже в этом убежден. Но ко всему еще добавил бы, что детским писателем, видимо, нужно быть по самой природе своей.

Признаюсь откровенно: я всегда завидовал таким людям. Ведь даже книжки, которые они выпускают, особенные: красочные, яркие, напоминающие о далеком детстве. Их знают наизусть даже малыши дошкольного возраста. Если половину стихов Шауката Галиева и Роберта Миннуллина я знаю по их книгам, то другую половину — от ребят...

Ну, вот и произнесено это имя: Роберт Миннуллин. Именно о его творчестве мне хотелось сегодня сказать.

«Мама принесла нас из речки Сюнь...» Есть у Роберта такая песня. Она берет свои истоки от актаньшских просторов, от животворных ключей прекрасных рек — Сюни и Агидели. И еще — из детской души, из детской печали.

Я бывал в этих краях и воочию убедился, как поэтична Актаньшская земля. Именно ее соки вспоили творчество Роберта Миннуллина, дали ему лиричность и душевность.

А прочитав его книгу «Полетели на луну!», я вдруг вспомнил мать... Шауката Галиева, которую хорошо знал. Достаточно поговорить с ней немного, чтобы увидеть, откуда в поэзии Шауката столько искрометного веселья, теплоты. Все это — от нее, от матери. Сочный язык стихов Миннуллина убедил меня в том, что и его мать такая же — веселая, остроумная, добросердечная... Потому что все, вложенное в душу поэта, в его характер, следует искать в материнской душе, в родном языке. Все поэтическое богатство, я уверен, — в них.

Красота языка — в его связи с жизнью. Язык неизбежно сливается с такими понятиями, как «родная земля», «народ», «родина». В стихах Роберта все эти понятия объединены простотой народности. Его строки мелодичны, они как бы просятся на музыку. Об этом я не сам сужу — это я слышал от Рустема Яхина, нашего прекрасного композитора.

Хочется сказать и еще об одном своем наблюдении. У истоков татарской детской литературы стоит Тукай. Он заложил основу. Затем был Бари Рахмат, сейчас есть Шаукат Галиев. Они бережно сохранили традиции, завещанные великим поэтом, и в первую очередь ценнейшее свойство — подогревающий, освещающий их стихи юмор.

Мне кажется, теперь эту творческую эстафету подхватывает Роберт Миннуллин. Достаточно

назвать такие его стихи, как «Мне братишка нужен», «Вкусная крапива», «Ох уж эти взрослые!», «Семеро запрягают жеребенка», «Дверь, которая мяукает», «Потерявшиеся буквы»...

Место испытания стихов — трибуна, читатель, народ. Стихи Роберта мне не раз приходилось слышать из зала, видеть, как воспринимают их люди. И могу засвидетельствовать, что среди поэтов своего поколения он один из самых популярных. Этой известности, видимо, немало способствовали и его песни, часто звучащие по радио, и, конечно же, передача «Гроздь поэзии», которую он регулярно ведет на Казанском телевидении. И все же, я уверен, в первую очередь его популярность проистекает от детских стихов, вошедших желанными гостями во многие семьи.

Роберт Миннуллин — поэт не временный, не случайный. В народе о долгожителях говорят: крепкий корень, крепкое ядро. У Роберта тоже под ногами крепкая почва. Я давно искал случая сказать свое слово о молодом поэте, пришедшем в литературу с берегов маленькой речки Сюнь. И вот такой случай представился — это выдвижение его кандидатуры на соискание комсомольской премии имени Мусы Джалиля.

Вспоминаю: когда-то Муса Джалиль искал корреспондентов для журнала «Октябрь баласы». Если бы тогда он встретил Роберта Миннуллина, непременно сказал бы: «Вот поэт, который нам нужен!».

Сибгат Хаким
1982

Никто не любит читать скучные книги, пусть даже они очень полезные и умные. Роберт Миннуллин пишет весело и интересно. И я с удовольствием прочитал его книгу, переведенную на русский язык Эльмирой Блиновой. Стихи Р.Миннуллина, мне кажется, звучат, как курай, — сладкоголосая свирель, вплетающая свою мелодию в богатую талантами татарскую поэзию.

Книга «Глядит в окошко человек» веселая и радостная. Но поэт в своих стихах не только развлекает, но и учит. Учит понимать, «что такое хорошо и что такое плохо». Он высмеивает лентяев, хвастунов, нерях. Герои его стихов — озорные и неунывающие мальчишки и девчонки — иногда ошибаются. Но это не беда, ведь все они стараются быть добрыми и смелыми.

Поэт прекрасно знает жизнь ребят: он многие годы работал корреспондентом пионерской газеты «Яшь ленинчы» («Юный ленинец»), изъездил всю республику вдоль и поперек. Песни на слова Р.Миннуллина часто звучат по радио. На Казанском телевидении он ведет передачу «Гроздь поэзии».

Сергей Михалков
1986

Роберт Миннуллин похож на свой народ. В его стихах живет глубинная правда, скромность. Главное в его стихах — настроение, самобытность мировосприятия.

Михаил Львов
1971

У Роберта Миннуллина в стихах чувствуется дыхание времени, национальный колорит, глубокий лиризм.

Валентин Сорокин
1971

В Татарии работают прекрасные детские писатели и поэты! Мы познакомились и подружились с Робертом Миннуллиным. Это поэт яркий, самобытный. У него простой и в то же время образный язык, он прекрасно чувствует специфику детских стихов.

Михаил Пляцковский
1985

«ДУША! БУДЬ ЧЕЛОВЕЧНОЙ...»

В издательстве «Современник» вышла новая книга известного татарского поэта Роберта Миннуллина, название которой «Утренний снег» полностью себя оправдывает: стихи при прочтении оставляют ощущение свежести и чистоты. Этим они обязаны лирическому герою автора, который

молод и полон сил. Даже печалится он скорее играя, чем всерьез, не веря в то, что он, влюбленный и добрый, может быть по-настоящему несчастен.

Там, где одни стихи достигают цели благодаря отточенности мысли, другие овладевают умами читателей нюансировкой переживаний, а третьим приходит на помощь публицистическая твердость, Роберт Миннуллин старается «взять» открытостью, даже обнаженностью души:

Душа!
Будь человеческой
На страждущей земле,
Чтоб не остаться вечно
У тела в кабале,
Чтоб не ходить кругами
И с круга не сойти
И добрыми делами
В бессмертие войти!

Поиск своего места в мире — извечный предмет лирики. Надо сказать, что у Миннуллина это не поиск ученика, осваивающего далеко не простые уроки поэзии, а поиск сложившегося мастера.

Неужели жизнь пройдет
Меж землей и небом?
Я не знаю... Но в полет
К солнцу взмыть и мне бы!

Во всякой национальной культуре есть идеалы, к которым она стремится. Для татарской поэзии такой идеал — Тукай. Сравнивать себя с классиками современным поэтам не только можно, но и необходимо, — чтобы не утратить чувства соразмерности. Иначе возникает опасность девальвации поэтического слова, потери критериев. Роберт Миннуллин понимает это. Строки его, обращенные к Габдулле Тукаю, полны горькой самоиронии:

Как я, он столько прожил, —
Немного ведь, признаться,
Но лет хватило все же,
Чтоб на века остаться!

Живу, не умирая, —
Поскольку рановато,
Но с возрастом Тукая
Прощаюсь виновато.

Наибольшую симпатию вызывают стихи Миннуллина, где он переживает память детства. Тут поэт прикасается к главному чуду поэзии — возрождению новизны самых известных и старых ощущений.

Я рад, что Роберт Миннуллин даже в самых грустных своих стихах полностью грусти не отдается. Он любит жизнь во всех ее проявлениях. Радостное, жизнелюбивое стихотворение, между прочим, удается молодым поэтам реже, чем элегическое. Ведь, как говорил Маяковский, «нюющее делать легко!».

Алексей Остудин
1987

ПРАЗДНИК ДЕТСТВА

Во времена, когда учителя татарского языка вынуждены были менять свою специальность, единственной школой родного языка оставалась Школа детской литературы. Ее самоотверженные подвижники старались уберечь новые поколения от беспамятства, заронить в их души любовь к поэтическому слову.

Прошел эту школу и поэт Роберт Миннуллин. И для него «Родной язык» Г.Тукая звучал как гимн, как символ внутренней непобежденности, символ надежды. И вот она, преемственность, — полюбоившиеся юным читателям сборники стихов самого Р.Миннуллина сегодня выдвинуты на соискание Тукаевской премии: «Наш сельский зоопарк» (1988), «Зеленый конь» (1987), «Праздники детства» (1985), а также книги, переведенные на русский язык и вышедшие в Москве: «Наш тигренок» («Мальш», 1987), «Глядит в окошко человек» («Детская литература», 1986).

Книгу «Праздники детства» народный поэт Татарии Сибгат Хаким назвал настоящим событием в нашей детской литературе. В 1985 году в газете «Социалистик Татарстан» он писал так: «Детство начинается с таких вот «Праздников». Я хочу, чтобы их было как можно больше».

Самые яркие впечатления человек получает в детстве. Скажем, вкус анисового зернышка напоминает нам просторные луга, праздники сенокоса. Маленькое зернышко вместило в себя луг, а луг — это детство! И стихи, услышанные или прочитанные в детстве, нет, не забываются, не исчезают бесследно. Они помогают нам и во взрослой жизни оставаться добрыми, жизнерадостными.

На поэтическом лугу Р.Миннуллина таких «анисовых зернышек» много. Его стихи можно еще сравнить с полевым венком, в который вплетены цветы народного творчества, национальных обычаев и традиций. И человек, вдохнувший аромат этого букета, никогда не забудет праздники детства.

Стихи Роберта Миннуллина написаны на чисто народном языке. Даже удивляешься, какой он у нас сочный, живой. Тайну и мудрость поэт черпает в слове. Подчас стихотворение напоминает бесхитрый и наивный рассказ ребенка. Но не тут-то было. Детским поэтом нужно родиться. Лишнее слово в стихотворении для детей — это все равно что камень, попавший под колесо: он способен перевернуть всю повозку.

Стихи Р.Миннуллина мелодичны. Не случайно многие композиторы берутся переложить их на музыку. И что интересно: иногда песню для детей «забирают» взрослые. Так случилось и с песней «Мама нужна». А сколько таких, которые поют вместе — и родители, и их дети. Значит, поэт смог найти слова, близкие и тем, и другим.

Пишу о Роберте Миннуллине как о детском поэте. Однако широкий читатель знает его и как глубокого лирика. Если герои его стихов для детей смекалисты, озорны, смешливы, то Миннуллин-лирик задумчив, искренне встревожен тем, что видит вокруг. И здесь я вижу прямую связь между его творческими устремлениями и общественной деятельностью как председателя Татарского республиканского отделения Советского детского фонда имени В.И.Ленина.

Детские дома и поселившиеся здесь бедность, слезы, обиды, ужас тысяч искалеченных судеб... Нельзя, видя это, не надорваться душой. Но нельзя и смириться. «У кого ладони теплые? Растопите мое сердце...». Ладони у Роберта — теплые. Он заботится не только о круглых сиротах, но и о тех, кто попадает в детские дома при живых и здравствующих родителях.

Детский фонд еще только задумывался, а я уже представлял Р.Миннуллина его председателем. И это не случайно: несколько лет по Казанскому телевидению он вел передачу для детей «Гроздь поэзии», сегодня является редактором единственной газеты для татарских ребят «Яшь ленинчы», руководит секцией детской литературы Союза писателей Татарии... Наконец, его личный духовный и жизненный опыт: рано остался без отца, все заботы о младших в семье легли на него... Это не могло не оставить следа. В душе-то он молод, а выглядит старше своих лет. Просто с детства привык брать на свои плечи больше, чем другие...

Шаукат Галиев
1994

«С СОЛНЦЕМ НАПЕРЕГОНКИ»

Ни один поэт и даже ни один критик на свете не сумеют дать исчерпывающее определение «детскости», то есть тому качеству (или сумме качеств), которое отличает детского поэта, детского писателя от «взрослого». Можно долго говорить о специфике образной системы, особенностях лексики, словоупотребления, рифмовки, ритмики, интонации, о юморе, и тем не менее, что-то самое важное непременно ускользнет, это все равно что пытаться поймать солнечный зайчик. Лучшее, что можно тут сделать, — просто почитать вслух несколько хороших, на ваш взгляд, стихотворений для детей и сказать: «Вот это и есть детскость».

Прекрасными примерами в таких случаях могут служить стихи Роберта Миннуллина, ибо детскостью этот поэт наделен с избытком. Что подтверждают и новые его книги — «Самое большое яблоко на свете» и вышедшая в переводе на русский «Ох уж эти взрослые!» Ведь только истинно детский поэт может сказать о синице, что она стоит на снегу «босиком», только такой поэт может написать о тоскующем взаперти бычке:

А больше всего
он грустит потому,
что не с кем в сарае
бодаться ему!

Только он способен всерьез рассуждать на тему:

Эх, хорошо бы, если б снег
шел не зимой, а летом!

и только он может так описать обсуждение мышами достоинств украденной (надо полагать, для чтения) книжки:

- Как интересно!
- Полезно!
- Весьма!
- Малость пресна!
- Ужасно вкусна!..

В стихах Роберта Миннуллина щедро рассыпаны драгоценные находки, которые помогают детям узнать и понять мир. Да и взрослые, вчитавшись в эти легкие и звонкие строчки, сделают для себя немало открытий. Ведь взрослые и не подозревают, что с точки зрения ребенка они очень странные люди, у которых «все наоборот» (в самом деле, предлагать мальчику котлету, когда конфета явно вкуснее!); что другом человека может быть не только собака (это само собой), но и, скажем, автобус; что с солнцем хорошо играть в догонялки и прятки; что грибы бывают такие красивые — даже срезать жалко; что певчие птицы осенью улетают не просто на юг, а на «гастроли»; что дождь может «спрятаться» в листве; что существуют «соловьиные тополя», а у каждого ведра есть большой рот; что, наконец, на свете случаются не только землетрясения, но и «домотрясения» (это когда в доме играют дети)...

Лично мне стихотворение Миннуллина «Самый-самый» помогло окончательно удостовериться в ошибочности негативного определения «маменькин сынок»; считается, что «маменькины сынки» — неженки и лодыри, ни на что дельное не способные. Между тем нынешний чемпион мира по шахматам Гарри Каспаров, например, — биографически типичный «маменькин сынок». А разве посмеет кто-нибудь отказать ему в трудолюбии и мужестве? Из «Самого-самого» выясняется (казалось бы, совсем простая мысль, но вот пришла в голову только Роберту Миннуллину), что единственный ребенок в семье — это не обязательно плохо, по той причине, что такой ребенок одновременно и «самый младший» (а значит, «маменькин сынок») и «самый старший» (а значит, единственный и потому отвечающий за все мамин помощник). Остается сказать поэту большое спасибо и добавить, что многое зависит и от того, какова сама мама.

Кто-то из критиков однажды заметил, что все хорошие стихи делятся на «блестящие» и «мерцающие». Роберту Миннуллину равно подвластны и те и другие: и мастеровитые, рожденные острой мыслью или точно увиденной картиной, и проникновенные, идущие из глубины души, когда слова не подбираются, а льются сами собой, подобно дыханию. Такие стихи мерцают, как звезды, которые — поверим поэту — могут появиться поздним вечером в рыбацком ведерке мальчишки, а с зарей оттуда улететь. Но попасть в ведерко, между прочим, они могут только к тому, кому они больше нужны в небе, чем в ведерке. Для лирического героя Миннуллина (а многие его стихи написаны от лица ребенка) вообще характерно последовательно-бескорыстное отношение к миру: ему жаль срезать красивые грибы, и он, разумеется, отпустит звездочки «на волю», а не понесет их домой. Что особенно ценно в наши отнюдь не бескорыстные времена.

Стихи Роберта Миннуллина — яркое явление в современной татарской литературе для детей. Это зрелая и разнообразная поэзия, где есть место и лирике, и шутке, и «Азбуке в стихах», и стихотворной сказке — жанру, в котором сейчас работают единицы, и тому, что Агния Барто называла «переводами с детского», и произведениям, вводящим ребенка в стихию языка, — палиндромам (перевертышам), и стихам, которые не только пишутся, но и рисуются, — треугольным, квадратным, круглым, и прочим видам так необходимой ребенку литературной игры.

Когда-то старейшина татарской детской поэзии Шаукат Галиев написал, что, хотя более всего Роберт Миннуллин похож на себя самого, многое роднит поэта с его предшественниками — Ахметом Файзи, Бари Рахматом. Добавим, и с самим Шаукатом Галиевым, которого автор «Самого большого яблока» считает своим учителем. Их сближает многое — и универсализм, и мастерство, и тематические пристрастия, и органичное сочетание лирики и юмора. Не случайно Роберт Миннуллин стал вторым после Шауката Галиева татарским поэтом, которому присужден престижный Международный диплом имени Ганса Христиана Андерсена.

Детская поэзия как таковая, к сожалению, нигде не является приоритетным жанром, она не избалована особым вниманием критики и хорошим отношением литературной элиты. Отсюда следует, что каждый успех детского поэта — успех и всего жанра. Выдвижение книг Роберта Миннуллина на соискание самой почетной премии Республики Татарстан, несомненно, уже большой успех. Хотелось бы, чтобы этот успех стал полным.

ОХ УЖ ЭТИ ВЗРОСЛЫЕ!

(о поэзии Роберта Миннуллина)

Говорить о стихах беспристрастно — пустое дело. Если стихотворение не вызывает у вас никаких эмоций, стало быть, его для вас попросту не существует. Поэтому сразу же означу свою позицию: я люблю поэзию Роберта Миннуллина и восхищаюсь его изящным мастерством.

«Взрослая» поэзия Р.Миннуллина заслуживает особого разговора (хотя интересно было бы проследить, как темы, приемы, интонации своей лирики поэт использует в детских стихах). «Детское» же Миннуллина знает и любит, пожалуй, каждый татарский ребенок. Спросите сами любого школьника, владеющего татарским с пеленок, об известных ему поэтах — и среди названных имен непременно будет Роберт Миннуллин. Ну и, естественно, Тукай.

Русский читатель знаком с его творчеством по довольно неряшливым переводам. Но и в таком виде стихи издавались в центральных московских издательствах (не говоря уже о Казани) и получили высокую оценку столичных литераторов и критиков. Официальным признанием достоинств стихов Р.Миннуллина служит и Международный диплом имени Г.Х.Андерсена, которым в России награждены не многие писатели.

Я был одним из тех, кто «перепер» стихи Роберта с родного языка на русский. Мы были молоды и отнеслись к делу достаточно легкомысленно: ну как же, мы и сами таланты, а мягкий, обаятельный, остроумный Роберт — почти наш ровесник, правда, получивший к тому времени премию имени Джалиля, а так — во всем нам ровня.

Лицом к лицу лица не увидать. И лишь с годами, когда жизнь нас давно развела, появился опыт и трезвое отношение к себе и окружающим, стала видна истинная величина его дарования. Хотя и сейчас, просматривая тогдашние переводы нашей компании, замечая многочисленные огрехи и чересчур уж вольное обращение с оригиналом, констатирую: а ничего получилось, выше среднероссийского уровня. Видимо, качество исходного материала было настолько высоким, что наши шаловливые ручки не слишком его испортили.

Роберт (а для меня он с той поры так и остался просто Робертом, без всяких там абый или эфенди) ни в коем случае не является самородком, который все, что надо, стихийно постиг, а стихи сами так из нутра и прут.

Детская поэзия — сложнейший вид литературы, в ней потребны общая культура и культура стиха, эрудиция и фантазия, жесткая самодисциплина и раскованность. Самородков в ней, к сожалению, хватает, но они графоманы — какие бы звания ни носили.

Насколько могу судить, Роберт русскую поэзию знает досконально, мировую — в объеме, переведенном на русский. Полагаю, что и со знанием татарской дело обстоит не хуже. Ему нет нужды изобретать велосипед, он свободно пользуется достижениями своих предшественников. Возможно, именно поэтому он достиг того уровня, когда достаточно грамотный перевод лучших его стихов — заметный вклад уже в детскую русскую поэзию, в которой сделано, кажется, все.

Богатство технических средств поэта, его мастерство версификатора поражает. На русском стихотворные «фокусы» Роберта практически не передаваемы: все-таки строй языков различен. Дай бог переводчику передать сюжет и настроение стихотворения, не особо искажая их. Они «вытянут» перевод, стихотворение будет существовать и в русском языке — хотя и бледной копией оригинала.

В стихах Роберт бывает разным: сентиментальным, грустным, ироничным, веселым, смеющимся... Но никогда — грубым или жестоким. В этом смысле программным можно считать стихотворение «Пожалейте Волка!» — про Волка, на которого в мультфильме «Ну, погоди!» все время сыплются тумачи да шишки. Кончается оно так:

Знаю, что грубый
Волк-забияка...
Только мне глупого
Жалко беднягу!

Вот, пожалуй, что прежде всего характеризует поэзию Роберта: она умная и добрая. И если стихи вообще могут чему-нибудь учить, то стихи Роберта — доброте.

Я давно не ребенок, и учить меня поздновато. Но испытывать удовольствие от игры фантазии, от

остроумной выдумки все-таки еще могу. По изобретательности, богатству сюжетов и сюжетных поворотов Роберту не много равных в российской детской литературе. Не говоря уже о поэтических достоинствах, стихи Роберта попросту интересно читать: а что там дальше будет? Чем история кончится? В реальной жизни интересного, к сожалению, куда меньше. А все же любопытно, как оценит Комитет по присуждению Тукаевской премии книгу Роберта Миннуллина «Кученеч» («Гостинец»)? Если бы решение принимали дети, вопроса бы не возникало. А про взрослых поэт как-то написал:

Ох уж эти взрослые!
Кто их разберет?
Просто непонятный,
Чудной они народ!

P.S. Говорят, что лучшая книга у каждого поэта впереди. Увы, похоже, что в случае с Робертом Миннуллиным это не так. Хорошие стихи он еще напишет, но вот лучшая книга, кажется, уже создана (нет, это не «Гостинец»). Я видел сигнальный экземпляр его новой книги «Алма бабай». Впервые в Казани появилась Детская Книга, а не сборник стихов. Каждую страничку, порой и отдельную строчку можно не только читать, но и рассматривать, любоваться. Выдумка и талант поэта, помноженные на соответствующие качества художника, дали блистательный результат. Если Роберт Миннуллин поднял планку татарской детской поэзии на рекордную высоту, то «Алма бабай» должен стать таким же ориентиром для наших издателей.

Сергей Малышев
1998

НАПЕВ В ГЛАЗАХ СТАНОВИТСЯ СЛЕЗОЙ...

В Татарстане вряд ли кто может составить серьезную конкуренцию Роберту Миннуллину как детскому поэту. Не много таких наберется и по всей России. Но Миннуллин-лирик, на мой взгляд, остается недооцененным.

Одна из причин недооценки имеет внелитературный характер: некоторым из тех, кто определяет «рейтинг» поэта в профессиональных кругах, не нравится его общественная деятельность. Недоброжелатели отчего-то переносят свое отношение к Миннуллину-гражданину на поэта Миннуллина. К сожалению, нормальная культура человеческих взаимоотношений у нас пока что является чем-то из области фантастики.

Куда обиднее другое: зачастую просто не понимают, в чем сила поэта Миннуллина и в чем его отличие от большинства его собратьев по перу.

Стихи Роберта внешне просты, их вроде бы и своими словами можно пересказывать. Если бы не одно «но»: поэт прекрасно владеет техникой стихосложения, по мастерству версификации он, возможно, сильнейший из татарских поэтов. И, господа читатели, никогда вялые и, как правило, пустые похвалы типа «стихи очень душевные, искренние, полны философских раздумий» и так далее, не заменят короткого — «это блестяще сделано». Стихи от прозы в общем-то и отличаются средствами передачи переживаний.

Второй момент, который порой ставят автору в упрек без попытки задуматься: а может, оно и хорошо? Стихи поэта умны и рационально сделаны. Часто поминают пушкинское «Поэзия, прости господи, должна быть глуповатой», забывая, что автор этих слов был одним из умнейших людей своего времени, а по стройности замысла и четкости воплощения, глубине мысли, заложенной в простых с виду строках, ему в русской поэзии пока нет равных. Естественно, я не пытаюсь поставить двух поэтов в один ряд, но хотелось бы лишний раз напомнить: ум, трезвое понимание того, что делаешь, не есть нечто противопоставленное истинной поэзии.

В стихах Роберта нет нагромождения аляповатых метафор, невнятицы, крикливости — всего того пестрого мусора, который порой выдается за поэзию. Можно сказать и так: мне куда приятнее иметь дело с умным, сдержанным собеседником, чем с косноязычным болтуном, размахивающим руками.

Но вот что, может быть, главное. В диапазоне от нежности до иронии и самоиронии, иногда горьковатой (мне очень симпатичной у поэта), от «высокого штиля» до плакатности или стилизации под народную песню (что мне нравится куда меньше) есть некое центрообразующее ядро. Стихи узнаваемы, потому что у Роберта Миннуллина есть свой почерк, своя интонация — свойство, довольно

редко встречающееся у поэтов.

К сожалению, мои переводы получились грубее и жестче оригиналов, многое они потеряли и в звучании. Но некоторое представление о поэзии Роберта Миннуллина они дают. Так примерно зимние клены похожи на весенние...

Сергей Малышев
1998

ЧТО ТАКОЕ «КУЧТЕНЕЧ»?

(о поэзии Роберта Миннуллина)

Философ Николай Бердяев, размышляя о природе творчества, писал, что искусство помогает человечеству найти путь к идеалу. Вернее, к трем идеальным целям: абсолютной истине, абсолютному добру и абсолютной красоте.

Поэзия Роберта Миннуллина как нельзя лучше отвечает этим требованиям. Абсолютная истина в его стихах — это те общечеловеческие понятия, которые человек впитывает с молоком матери и наращивает затем в течение всей жизни. Под пером поэта они лишены всякой назойливости и — что не менее важно — идеологических штампов эпохи.

Абсолютное добро проявляется не только в том, что поэт воспитывает у своих читателей чувство справедливости, любви к Родине, бережное отношение к природе, уважение к прошлому и настоящему своего народа, но прежде всего в человечности его натуры.

И наконец, абсолютная красота — это эстетическое начало его поэзии. Сюда входят и емкость, и образность языка, и завораживающая ритмика, и естественность поэтического дыхания.

Понятия эти существуют в его стихах не отдельно, не изолированно друг от друга. Они тесно переплетены, взаимосвязаны. Так, через эстетическое начало его поэзии, то есть через красоту, проявляются и добро, и истина. Ибо никакое доброе слово, никакое абсолютно верное утверждение не дойдут до читателя, если они выражены скучно, косноязычно.

Иной раз одних писателей характеризуют через аналогию с другими. Тукая называют татарским Пушкиным, Галимджана Ибрагимова — татарским Горьким, Шагиля Усманова — татарским Фурмановым. При всей натянутости и спорности таких аналогий, они дают возможность иноязычным читателям составить самое общее представление о том или ином литераторе.

Так вот, Роберта Миннуллина я бы назвал татарским Сергеем Михалковым. Так же, как и автор «Дяди Степы», Р.Миннуллин работает в разных жанрах, много пишет и для взрослых. Но подлинную и самую широкую популярность он получил прежде всего как один из ведущих и наиболее популярных детских поэтов. Так же, как и С.Михалков, он не только «чистый, вылитый поэт», по выражению Г.Тукая, но и крупный общественный деятель, народный депутат РТ, председатель депутатской комиссии по культуре.

Если уж продолжать аналогию с русской литературой, я бы сказал, что стихам Р.Миннуллина для детворы присущи отточенность и чистота слога С.Маршака, легкость и непосредственность А.Барто, увлекательность и вольный полет фантазии К.Чуковского, веселость и игра слов Д.Хармса. Но при всем этом Р.Миннуллин остается глубоко национальным поэтом и опирается прежде всего на традиции многовековой татарской литературы и устного творчества татарского народа.

В отличие от автора Гимна Советского Союза, Р.Миннуллин никогда не писал дежурных стихов по заказу «сверху», избегал официоза. Но зато он создал десятки замечательных текстов лирических песен, получивших широчайшую популярность среди народа. Одну из этих песен — «Мать принесла нас с реки Сюнь» с полным основанием можно назвать гимном — гимном матери.

* * *

Перечитывая сборник детских стихов Р.Миннуллина «Кучтенеч» («Гостинец»), выдвинутый на

соискание Государственной премии им. Г.Тукая, я вновь и вновь поражаюсь тому, как много в его стихах игры, озорства, буйства фантазии. Невольно вспоминаешь о том, что искусство в его первоначальном, синкретическом виде основано на игровых моментах. Песни и танцы на деревенских посиделках у татар называют играми, игрищами. Играми являлись, по существу, и состязания акынов, и пикировки деревенских остроловов, и выступления мастеров частушечного жанра.

Игра — это и есть условность искусства. Все как в жизни, все очень похоже на правду, но в то же время как бы понарошку. Дети отлично чувствуют эту условность и с готовностью включаются в предложенную поэтом игру. Но игра — не просто развлечение. Автор моделирует в своих стихотворениях ту или иную жизненную ситуацию и предлагает читателям как бы «проиграть» ее. Читатель вживается в роль героя стихотворения, всерьез переживает все, что происходит с ним, смеется, негодует, плачет.

Игра предполагает свободу действий, простор смекалки, выдумки, ловкость и умелость. Она тем и отличается от повседневных будней, что игре противопоказаны монотонность, обязательность, скука. Но в то же время игра невозможна без соблюдения определенных правил, некоторых обязательных условий. Вот и у Р.Миннуллина полет фантазии и творческий поиск сочетаются со строгим соблюдением законов поэтического жанра, требованиями ритмики, внутренних ассонансов, строгости композиции.

Стихи Р.Миннуллина всегда точно выверены и отшлифованы. Но в то же время в них не чувствуется «запах пота» и леденцовой слащавости. Исследования, проведенные работниками Национальной библиотеки РТ, показывают, что обращаемость книги «Кучтенеч» в библиотеках республики равна 8,2, тогда как средняя обращаемость детских книг обычно не превышает двух-трех книговыдач в год. Так что «Гостинец» для детей получился вполне удачным.

Рафаэль Мустафин
1998

БОЛЬШОЙ ПОЭТ МАЛЕНЬКИХ ГЕРОЕВ

В старину полагали, что люди не разделяются на взрослых и детей, ибо считали, что душа не имеет возраста. И в таком взгляде на вещи скрыта потрясающая по силе философия. В ней отразились и неделимость бытия, и вечная преемственность духовного опыта человечества.

Об этой простой истине вновь и вновь задумываешься, листая «взрослые» и «детские» книги Роберта Миннуллина, слушая песни на его стихи. Искренние, щемящие душу строки, окрыленные мелодией, задумчивая, мудрая лирика, овеянная светлой улыбкой, как-то очень естественно сочетаются с озорными и одновременно очень глубокими стихотворениями для детей. В то же время трудно выделить и какое-либо одно доминирующее направление в его творчестве: они настолько гармонично связаны, что составляют единое целое.

Детские годы, дни, окрашенные мудростью и духовным богатством окружающих его людей, мудростью сказок и историй, в которые вплетаются радости и страдания повседневной жизни, не они ли совершили чудесное превращение маленького Апуша в великого Тукая? И кто возьмется оспаривать роль шумящих на ветру тамбовских лесов в рождении поэзии Такташа? И попробуй кто-нибудь отделить Хасана Туфана от «говорящей материи» лугов его закамской стороны?

И точно так же безошибочно можно определить источники, подпитывающие неповторимый талант Роберта Миннуллина, вдохновляющие его на новые открытия: это им же воспетая родина, ее краса Сюнь-река, свет материнской улыбки, все еще не остывшие детские тропинки.

...Глядит в окошко человек
И думает при этом:
«Эх, хорошо бы, если б снег
Шел не зимой, а летом!

Тогда бы я позагорал,
На лыжах покатался,
Потом в снежки бы поиграл
И в речке искупался...»

Опыт детства — это самая тонкая, самая сокровенная наша связь с родной землей и родным языком. Она сродни ощущению горячей, раскаленной солнцем почвы или росяных утренних трав под маленькими босыми ступнями; сродни щемящему счастью бытия, сжимающему невзначай детское сердце... Образы того уголка родной земли, где ты явился на свет, образы людей, сопутствовавших тебе с самого рождения, деревенские были... Все это вкуче, создавая бесценный опыт детства, на всю жизнь остается с поэтом и исподволь влияет на каждую написанную им строчку.

«Я часто слышу, как папа играл на гармошке», — это память сердца рано осиротевшего детства.

«Сколько чудесных мелодий известно дедовой дудочке — кураю!» — так начинается другое стихотворение-размышление о глубинных связях личности со своими корнями, с прошлым.

«Стихи Роберта Миннуллина, мне кажется, звучат, как курай — сладкоголосая свирель, вплетающая свою мелодию в богатую талантами татарскую поэзию», — писал Сергей Михалков в своем предисловии к его книге «Глядит в окошко человек», в свое время изданной в Москве.

Да, творчество Роберта Миннуллина, раскрывающееся на его родном татарском языке во всем своем многообразии и богатстве, любимо не только татарскими детьми, но благодаря талантливым переводчикам известно и понятно многонациональной юной России. Светлые и лиричные стихи в книгах «Сладкая крапива», «Наш тигренок», «Ох уж эти взрослые!» легко воспринимаются детьми, и многие из них запоминаются с первого чтения.

Всю зиму зиму рисовал:
лыжню, снеговика, салазки...
Но снег я рисовать устал.
И не осталось белой краски.

Я долго рисовал весну,
наверно, целую неделю...
Сегодня подошел к окну.
Гляжу — ручьи и в самом деле!..

Любовь и признательность маленьких читателей — это ли не самая высшая оценка его творчества!

Между тем достижения и заслуги поэта в области детской литературы за эти годы уже были отмечены республиканской премией имени М.Джалиля и престижной международной наградой — дипломом имени Г.Х.Андерсена. Выдвижение книги «Кучтенеч» («Подарок») на Государственную премию РТ имени Габдуллы Тукая воспринято и общественностью и читателями как заслуженная оценка творчества Роберта Миннуллина.

С одной стороны, книга «Кучтенеч» — следующая вершина в творчестве поэта, с другой — семь ее разделов, как семь цветов радуги, отражают все известные грани его таланта.

В этих стихах с удивительной психологической точностью раскрывается детская душа: веселая и легкоранимая, наивная и прозорливая, добрая и непосредственная. Простые строчки, как бусинки-жемчужины, нанизываются на одну серебряную нить и представляют многоголосое, многоцветное и очень сложное сочетание детских впечатлений. Яркие, быстро запоминающиеся образы, остроумные сравнения, игровые элементы — вот лишь некоторые особенности палитры поэта-художника в описании непростых отношений маленького человечка с окружающим его миром.

К бабушке с гостинцами
Ездили мы с мамой.
Бабушка встречала нас:
«Вот гостинец самый,
самый дорогой!» —
и меня погладила
ласковой рукой.

...Мама собирается
к бабушке опять.
Но с собою, кажется,
меня не хочет брать.
Намекаю маме:
«Как бы нам с тобой
не забыть гостинец
самый дорогой!»

Особенно хочется подчеркнуть глубокое знание поэтом тонкостей этих отношений, деликатность и предусмотрительность в обращении с детской душой. Порой, казалось бы, наивное письмо, игриво-шутливый тон, выбранные поэтом, являются как бы защитным экраном, призванным оберегать неокрепшие детские души от ожогов и ударов суровой реальности.

В то же время — и это очень важно — в этих стихах нет бодрой лжи, приукрашивания действительности. Не было ее и в те годы, когда от поэтов, особенно детских, требовалось воспеть «самое счастливое в мире детство в одной отдельно взятой стране».

Как уже было замечено, самая верная оценка творчества поэта — это отношение его читателей, а в данном случае самых чутких, самых требовательных из них — детей. С уверенностью можно сказать, что произведения Роберта Миннуллина стали неотъемлемой частью духовной жизни наших детей.

Малыши с удовольствием заучивают их наизусть, ученики с интересом изучают в школе.

Кстати, примечательно и то, что книга «Кучтенеч», выдвигаемая на высокую награду, выпущена национальным издательством РТ «Магариф», специализирующимся на издании школьных учебников. Думается, что это совсем не случайное совпадение. Книги Роберта Миннуллина давно уже стали органической частью школьного образования и воспитания. По откликам читателей мы знаем: «Кучтенеч», а потом и книга «Алма бабай», также увидевшая свет при участии издательства «Магариф», встречены детьми и родителями как желанный подарок.

Думается, присуждение премии имени Габдуллы Тукая Роберту Миннуллину станет достойной оценкой его творчества, даст новые импульсы проявлению его таланта. Искренние стихи поэта несут добро и свет, вселяют надежду и оптимизм, служат будущему поколению, открывающему ворота XXI века.

Мударис Валеев
1998

«ОСТРОВОК ДОБРОТЫ» РОБЕРТА МИННУЛЛИНА

Роберт Миннуллин — поэт милостью божьей. Это я поняла, переводя его стихи для детей и для взрослых. Он, видимо, биологически застрахован от прозы, потому что родился детским поэтом. Дело в том, что писать для детей гораздо сложнее. Стоит сфальшивить, и ты уже потерял маленького читателя, который очень чуток к тексту.

Удивительно, что Роберт умеет жить параллельно в двух мирах: детском и взрослом, тем более в наше время, нашпигованное субкультурой, зомбирующей мозги и души. Для детей же творчество Р.Миннуллина — светлый островок доброты, где ненавязчиво идет воспитание чувств через мягкий юмор, через интересные образы, через игру слов. Например, о труде: «Нет лекарств полезней от твоей болезни. У тебя от лени переутомленье!».

Автор знает особенности детского мышления, и поэтому дети узнают себя, читая стихи Р.Миннуллина.

Ох уж эти взрослые!
Кто их разберет?
Почему у взрослых
все наоборот?

Если я играю,
скажут: «Помогай!»
Помощь предлагаю:
«Ну-ка, не мешай!»

Если я гуляю:
«Сел бы почитать!»
А когда читаю:
«Шел бы погулять!»

Если плащ надел я:
«Надевай пальто!»
Что бы я ни сделал,
все для них — не то.

Книги Роберта Миннуллина, выпущенные в свет за два десятка лет, ценны не только высоким нравственно-воспитательным уровнем. Они ценны еще и тем, что помогают детям сблизиться с родным языком. Может, это прозвучит стандартно, но Р.Миннуллин — продолжатель лучших традиций детской татарской литературы, потому что его стихам поистине присущи и мастерство, и волшебство. Представьте себе богатую жанровую палитру: стихи-палиндромы, стихи-игры, стихи-сказки... Творчество Роберта Миннуллина отмечено Международным дипломом имени Г.Х.Андерсена и

премиями имени М.Джалиля и А.Алиша.

Конечно, он автор не только чисто детский, но и взрослый. Не раз песни на его стихи становились шлягерами года и пелись не только в республике, но и татарской диаспоре. А еще он председатель комиссии по культуре и национальным вопросам Госсовета РТ. И как, любопытно, удается совмещать поэзию и политику?! Об этом он однажды в интервью сказал с присущим ему юмором: «Я — сентиментальный политик».

Кажется, я знаю Роберта целую вечность. Он — человек по-своему закрытый, но щедр душой. И в трудную минуту может прийти на помощь, что немаловажно. Значит, и поэзия у него настоящая, без прикрас. Есть завистники и недоброжелатели — по отношению к талантливым людям, это, к сожалению, бывает.

И еще (по секрету): первого августа Роберту Миннуллину исполняется пятьдесят. Но на него это не похоже — ведь он родом из детства.

*Роза Кожевникова
1998*

СВЕТЛЫМИ ДОЛИНАМИ МИННУЛЛИНА

Как-то естественно получилось, что пятидесятилетие Роберта Миннуллина отмечалось несколько раз — в Уфе, Нефтекамске, в деревнях Яркоево, Шамметово Илишевского района Башкортостана и в Казани, Нижнекамске, Набережных Челнах Республики Татарстан. Трудно представить себе этот юбилей иначе, в виде одного «официального мероприятия». Каждая из серии встреч стала подлинным праздником поэзии с беспрецедентным участием поклонников творчества поэта, руководителей двух братских республик, многих выдающихся представителей творческой интеллигенции. Сложился своеобразный цикл фестивалей стихов, песен, профессионального и самодеятельного искусства. А на родине поэта, в Шамметово, торжества и вовсе вылились в многочасовые народные гуляния — сабантуй.

По существу, все эти события были знаковыми. В них, на наш взгляд, еще раз зримо отразилась суть и биографии, и творчества Роберта Миннуллина. С некоторыми замечками по этому поводу и хотелось бы поделиться с читателями.

Поэзия, как музыка, мало поддается прямой, непосредственной расшифровке. Но прошедшие чествования Роберта Миннуллина невольно отразили главное своеобразие его поэзии — прежде всего высочайшую концентрацию, синтез в одно целое сильнейших личностных качеств, яркой одаренности как поэта, песенника, публициста, детского писателя-педагога, общественного и государственного деятеля, гражданина и человека. Он многогранен, и каждая грань его таланта самодостаточна, самоценна, в то же время дополняет и оттеняет другие грани, вместе образующие, несомненно, уникальное явление отечественной культуры.

В поэзии Роберта Миннуллина ясно ощущается глубокое взаимодействие духовных пластов татарского и башкирского народов, органическое восприятие общих черт их национальных характеров, лирической традиции. Кажется, что такой поэт мог родиться только в Илишевском районе! Его творчество предстает убедительным ответом всей эпохе «раскрестьянивания», технизации, урбанизации, «интернационализации». Разрушение сельского уклада и массовый исход крестьянства в XX веке означали неумолимое размывание нравственных устоев, маргинализацию, «зимогорство» десятков, сотен тысяч людей. Как и другие поэты, категорически не согласные с такой судьбой, Роберт Миннуллин всей своей поэзией как бы отвечает этому вызову «цивилизации». Что, кстати, роднит его с Сергеем Есениным, как уже справедливо отмечалось некоторыми критиками.

Сила поэта Роберта Миннуллина в том, что за его спиной дышит весь народ, вся родная природа, властно определившие волшебство звуков и красок, мыслей и образов. Народ, сохранивший себя в драматических испытаниях, составляет своей напряженной духовной жизнью ту щедрую, благодатную почву, из которой только и может вырасти такая поэзия. Это не только сформировавшиеся веками трудолюбие и мужество, достоинство и братская солидарность, верность отчужденному дому и матери. Это еще и необыкновенная меткость, блестящая отточенность живого татарского языка, гибкого и богатого, способного с усмешкой, а нередко и с сарказмом выразить тончайшие нюансы общего быта, сформулировать правду. Это и прирожденное умение воспринять щемящую красоту полных полей и березовых рощ, водных плесов и заречных далей, уходящих в утренние небеса навстречу неторопливому солнцу предков... Это еще и огромное неистребимое чувство любви ко всему существу — к родине, матери, любимой женщине, братьям, детям, жизни...

Роберт Миннуллин был вместе со своим народом и в голодные, и в радостные годы. Ему было дано испытать полную чашу сиротства в многодетной семье, несправедливостей, неудач. Он научился держать удар, он был гордым и не расслаблялся разочарованиями.

Пример несгибаемой воли был рядом — мама Гульджаухар, одна поставившая на ноги пятерых

детей после безвременной кончины мужа. Все это так. Но только сам поэт знает всю истину о том, сколь непросты, мучительны и неисповедимы пути восхождения к самому себе, как много значат для него мать, братья Фан, Рим, Ким, сестра Люция, другие родственники и близкие. Только он сам до конца понимает всю горькую и счастливую цену многолетнего упорного труда, товарищества и дружбы, любви и терпения.

Для того чтобы возникло такое явление, как Роберт Миннуллин, необходимо было, чтобы тысячи его земляков в чем-то сокровенном сильно походили на него, создавая тот ошеломляющий многоголосый чувственный мир, который и воспринимается сегодня как Родина Поэта. Как тут не вспомнить пронзительные мелодии на тальянке его отца Мугаллима, задушевные стихи дяди Бары и Зуфара, неисчерпаемые шутки дяди Масалима, протяжные древние напевы бабушек Закии и Шамсии, подвижничество илишевских учителей и журналистов, вообще неумное стремление к творческому самовыражению многих мальчишек и девочек округа. Роберту посчастливилось — и это, конечно, от Бога! — словно сфокусировать, озвучить могучую духовную энергетику своих земляков, уложить в новые литературные формы языкотворчество и жизненную философию своего народа. Поэтому его так хорошо воспринимают и понимают, так любят современники самых разных возрастов и национальностей.

В творчестве Роберта Миннуллина обращает на себя внимание исключительно высокая цена слова, необыкновенная лаконичность и емкость выразительных средств. Он как будто выдохнул свои стихи — все на одном дыхании, как голос души. В этом он продолжает линию не только Г.Тукая, Х.Туфана, С.Хакима, Х.Такташа, Н.Наджми, А.Атнабаева, но и А.Ахматовой, Б.Пастернака, плеяды других великих мастеров слова татарского, башкирского, русского народов, поэзии Востока. Это та самая «неслыханная простота», о которой Б.Пастернак писал как о пике поэтической зрелости.

Здесь ключ к пониманию, как нам кажется, и удивительной плодотворности его многолетней работы для детей и с детьми. Поэт глубинно чувствует исходную диалектику языка, детской языковой гениальности, потрясающей многомерности операций, экспериментов со словом. В творчестве для детей Р.Миннуллин вышел на такие рубежи, которым сложно подобрать какие-либо аналоги во всей современной России. Практически в каждом стихотворении, даже в миниатюрах Р.Миннуллина встречаются слова, использованные совершенно неожиданно и оригинально, создающие особую, предельную, отточенность мысли. Обладая богатейшим воображением и способностью к детализации окружающей реальности, Роберт Миннуллин создает запоминающиеся образы, составляющие душу поэзии. При этом рифма, весьма богатая, разнообразная, новаторская, не имеет самодовлеющего значения, но усиливает рельефность строки. Он подлинный виртуоз метафоры, эпитета, рифмы. Как разъясняет сам поэт, первичную, решающую роль в процессе рождения стиха играет интонация, как бы непроизвольно выстраивающая ритмику слова и архитектуру строфы (об этом в свое время писал и В.Маяковский). За этой кажущейся почти разговорной легкостью, непринужденностью — непрерывная профессиональная работа над языковым материалом в течение многих десятилетий.

Абсолютное владение формой, техникой позволяет поэту выразить филигранные, нередко грациозные переливы мысли, мудрые, афористичные наблюдения, свой характерный юмор, слегка «заземляющий» пафос, дающий возможность немного отстраниться от темы, сохранить в подводной части айсберга еще кое-что важное... Концовки стихотворений, как правило, великолепны, но поэт обладает редким даром никогда не доводить разговор с читателем до последнего слова!

Как и все большие поэты, он превращает в законный объект своей поэзии всю без исключения окружающую действительность, весь ареал своих переживаний, все события, заслуживающие внимания. Это может быть разговор с односельчанином, погибшим в Афгане, беседа с седобородым соседом, воспоминания о предметах домашнего обихода в детстве, впечатления от есенинской гостиницы «Англетер», от санатория «Янгантау» и т.д. Как в магических сказках, прикосновение поэта все превращает в золото, заставляя читателя быть внимательнее к миру, добрее к окружающим, пристальнее вглядываться в свою душу. Поэт раздвигает горизонты восприятия, обогащает духовную жизнь современников собственным интенсивным опытом. Опыт потрясений, озарений и открытий, неприятия пошлости, фальши, зла. Опыт благородства, негодования, постоянных размышлений над смыслом жизни. Возникает редкостный резонанс творчества поэта с душевным настроением людей, неравнодушных к прекрасному, добру, истине и вере. Родниковая поэзия Р.Миннуллина подпитывает глубинную тягу человека к лучшему, к идеалу, к совершенству.

Он ведет нас в свою любимую поэтическую страну, которая есть у каждого поэта. В ней поэт — творец, путеводитель, повелитель и послушный сын. От стихотворения к стихотворению, от песни к песни все отчетливее вырисовывается поэтическая земля Роберта Миннуллина — илишевские светлые долины, суньские тальники и шамметовские тополя, тропинки юности среди почему-то согнувшихся берез, его Уфа и только его Казань... Отныне им суждено навсегда остаться неизгладимыми страницами вечной антологии поэзии.

Роберт Миннуллин приехал в Казань робким юношей, делающим первые шаги в литературе. Он

учился, сочинял, выступал по телевидению, неустанно работал и ездил. Появился прочный тыл — жена Клара, сын Алмаз, дочь Тансылу. Шли годы, улыбалась удача, присуждались премии, присваивались звания. Все в жизни оказалось важным, главным. Он и назвал свою новую книгу многозначительно — «Уфа — Казан юллары», по одноименному стихотворению. Да, на этих пространствах, бесконечных дорогах, среди своих прошла первая, воистину золотая, половина его жизни, создано творчество, признанное обществом. Так бывает далеко не всегда, но история отнеслась к поэту благосклоннее, чем обычно. «Во всем есть скрытый смысл, который мы лишь иногда узнаем ретроспективно», — как-то выразился проповедник А.Мень. Роберту Миннуллину посчастливилось понять и увидеть уже сегодня весь объединяющий, консолидирующий смысл своего творчества. Не когда-нибудь потом, а «здесь и сейчас» довелось увидеть весомые результаты многолетних поисков.

За эти годы все мы, наши республики в целом стали намного ближе, мы чаще встречаемся, лучше понимаем друг друга, глубже осознаем общность судеб. И поэзия Роберта Миннуллина, его восхитительные песни, улаживающие душу, его личное участие во всех сколь-либо значимых делах играют в этом процессе неоценимую, неповторимую роль. Не каждому удастся уже в молодости сделать так много для своего народа! Роберт Миннуллин в расцвете сил взошел на очень высокие вершины творчества и жизни, когда только здоровье может повлиять на эффективность его дальнейших планов и дерзаний. Он очень нужен нам всем — как дорогой человек, мудрый поэт-лирик, просвещенец и государственный деятель. Сколько бы ни оставалось пережитого за плечами, сколько бы ни было пройдено дорог, верится, что все самое лучшее для Роберта Миннуллина впереди.

Марат Ямалов
1998

ВСЕМ ХОРОШИМ МЫ ОБЯЗАНЫ ТОЛЬКО ИМ...

«Каждая книга имеет свою судьбу». Это латинское изречение невольно приходит в голову, когда берешь в руки такое издание. Даже трудно сказать, что она написана. Она просто отразила жизнь поэта в его сущности, в главной теме души и поэзии — в отношении к матери. Такое невозможно сочинить, наметив цель, как невозможно придумать собственную жизнь, скомпоновать по желанию свой внутренний мир или выстроить совесть. Поэтому было бы точнее сказать — книга сложилась, сложилась так же естественно и целостно, трудно и возвышенно, как сама судьба и поэзия Роберта Миннуллина.

Любовь человека к матери божественна. Но отношение поэтов к матерям — разное. У многих великих мастеров слова иногда не найдешь и строки, посвященной женщине, давшей им жизнь. У других бывают великолепные стихи и поэмы, воспевающие матерей. Проникновенно писали о них С. Есенин, Р. Гамзатов, А. Атнабаев, М. Карим и другие. Но целая книга о матери — это, конечно, что-то небывалое, никаких аналогов в отечественной поэзии вообще не припоминается. Но когда думаешь о Роберте Миннуллине, то кажется, что он просто не мог не создать этой еще одной большой песни о своей матери — Гульджаухар, живущей и сегодня в родной деревне Шамметово Илишевского района Башкортостана. Это как памятник, созданный ей всей жизнью и творчеством поэта. Но это также гимн каждой матери — женщине, которой любой из нас обязан всем хорошим в себе и всем добрым, что ему удалось сделать для людей.

«Я всем им желаю здоровья, долголетия. Пусть Бог не оставит их своей милостью. Пока я пишу о моей матери, я представляю себе и многих других матерей», — отмечает автор в предисловии к сборнику. Он также признается, что не сразу решился осуществить свой замысел, сомневался, находил его неудобным. Теперь кажется — этой книги не могло не быть, а быть она должна именно такой...

Вся книга, как лучами внутреннего света, пронизана сыновней нежностью и любовью, берущими свое начало в далеком детстве с его добротой и семейным теплом. В первом разделе поэт поместил свои давно уже ставшие народными песни и стихи о матери почти за сорок лет творчества. Поражает та последовательность и преданность, с которой он в образах воссоздал историю своей семьи, в первую очередь рано ушедшего отца Мугаллима, стойкую и мудрую мать, поставившую на ноги своих пятерых детей — четырех братьев и сестру — в трудных условиях послевоенных лет. Все выросли настоящими людьми, получили образование, имеют миннуллинский характер, почерк жизни и деятельности. В каждого мать вложила всю свою душу, годы непрерывного крестьянского труда, бессонных ночей, преодоления постоянной нехватки средств и житейских невзгод.

Вся биография поэта, запоминающиеся проникновенные детали взаимоотношений в семье, проявления материнской любви и материнской воли воплотились в его стихах. Теперь, собранные вместе, они кажутся одним прекрасным произведением, одной замечательной песней, хотя создавались в течение десятилетий. Это и есть показатель высочайшей органичности и духовности его поэзии.

Дети, «принесенные матерью с речки Сюнь» (как поется в известнейшей песне на стихи поэта), не раз выкупанные ею в этой изумительной по красоте речке, «бишек» из ивовых прутьев, колыбельные напевы и знаменитые молитвы матери, встречи, расставания, проводы, шамметовские тополя, родники,

тальники и полынные поля, стройные осины и склонившиеся к долу белые березы и многое, многое другое не забыто, с тонкой грустью и благодарностью воплощено поэтом в слове. Сыновнее видение матери, воспевание Родины, своего восхождения к вершинам творчества, а по существу, к себе, не могут не трогать сокровенные, заветные струны души. На память приходят светлые мелодии и слова песен, ставшие родными для многих тысяч соотечественников, для каждого из нас.

Во втором разделе, который словно дополняет и объясняет происхождение стихов и песен, даны статьи, интервью, заметки и воспоминания поэта. Это продолжение того же разговора, на той же высокой ноте ностальгии и благодарности, что и вся поэзия Роберта Миннуллина. Многие становятся понятными в его характере и судьбе. Некоторые эпизоды особенно берут за живое и врезаются в память. Когда по его вине сгорел сарай, так нужный в хозяйстве, и родителям пришлось спешно отстраивать к зиме новый, сыну не было сказано ни слова укора. Умеющая быть жесткой и требовательной, здесь мать промолчала. Врожденный педагогический такт подсказал ей, что любые слова в данном случае излишни...

Какая-то особая сила духа, одухотворенность отношений чувствуются в подобных событиях детства, истории семьи. Раннее сиротство — это и ранняя тяжелая физическая работа. Мать когда-то рассказывала, как однажды маленький серьезный Роберт шагал рядом с телегой, нагруженной дровами. Он был похож на некрасовского «мужичка» («Откуда дровишки? Из лесу, вестимо!»), только топором работала оставшаяся главой семьи мать, а он, помогая и утешая, по-мужски упрямо твердил: «Ничего, будет еще и на нашей улице праздник»... Когда возникала необходимость, а такое тоже бывало не раз, она яростно и твердо отстаивала интересы семьи, детей, была им надежной защитницей и опорой, а они выстраивались рядом, плечом к плечу...

Прочитав такое, глубже понимаешь раннее взросление мальчика, его чувство ответственности за своих родных и близких, за братьев и сестру. Понятны строгое отношение Роберта Миннуллина к себе и своему творчеству, разносторонность, упорство в работе, глубинная доброта и требовательность во взаимоотношениях с людьми, стремление помочь нуждающимся. Без образа матери невозможно представить его личность — поэта, государственного и общественного деятеля, публициста, преданного сына, брата и друга.

О матери говорят многие. Но сказать так, как это сделал Роберт Миннуллин, совсем не просто. Обладая лирическим восприятием жизни и поэтическим даром, он сумел рассказать об отчем доме, домашнем очаге, материнской любви и заботе по-своему, прочувствованно и непередаваемо тепло. Здесь все детали пронзительны — и то, как мать в годы войны воспитывалась в детском доме, и то, как они все вместе, как в наваждении, со слезами на глазах после смерти отца много раз пытались припомнить и напеть разрывающую душу мелодию его гармонии, и то, как были написаны песни поэта. Как потом уже появились песни-подражания других авторов. Эти повторения его находок означают, что очень характерные черты народной жизни, идущие прежде всего от матери, отобразились в его песнях.

Поэт выразительно, так, что порою щемит сердце, рассказывает о разбитых осенних дорогах детства, когда приходилось десятки верст тащить на себе велосипед, о многочасовых ожиданиях попутных машин, о длительном нежелании уезжать из Шамметова вопреки настойчивым советам матери, о ее мудрых замечаниях на первые журналистские творения сына, о просьбе, заклинании не ввязываться в пустую полемику, не мстить пером («Будь выше этого, сынок!») и многим другим.

Эти авторские записи продолжает значительный раздел со статьями, отрывками, стихами других писателей и поэтов, журналистов, товарищей по работе, земляков. Здесь приводится огромное множество фактов, тонких наблюдений и размышлений. Сильное впечатление производят стихи-отклики на его произведения и стихи, посвященные его матери. Приведу некоторые выдержки:

«Именно в детстве Роберт получил от матери... необыкновенный заряд доброты к тем, кто нуждается в защите и заботе, что позднее отразится как в творчестве, так и его общественной деятельности», — пишет Галина Ильина, преподаватель ТГГИ. «...Многие его стихи обрели популярность, став песнями, — писала Роза Кожевникова еще в 1987 году. — Поистине счастливая судьба у стихотворения о матери, положенного на музыку композитором С.Садыковой. Внешне незатейливое и безыскусное, оно написано предельно искренне, душевно».

О песнях Роберта Миннуллина немало и профессионального анализа. «В этих словах поэта выражена душа народа, — пишет А.М.Сафина о песне «Ѓнќѓмнећ догалары». — Издревле считалось, что ребенок, выросший с молитвами матери в сердце, умеет преодолевать трудности, находит в жизни верную дорогу. Молитвы матери охраняют ребенка от бед, несчастья, смерти. Не достойный молитвы матери оказывается несчастным в жизни. Поэт называет молитву матери святой, волшебной, целебной. Он обращается в своих мыслях к матери с просьбой всегда молиться за него».

С большим интересом читаются размышления и оценки, содержащиеся в статьях, заметках и очерках З.Валеевой, Г.Рамазанова, Н.Наджми, З.Хамидуллина, Ф.Мансуровой, К.Гилязовой, Р.Гаташа и других авторов.

Далее автор приводит трогательную подборку писем матери, написанных в разные годы. Мать беспокоится за детей, ее волнует здоровье, питание, ход учебы и работы, дела молодой семьи. Появляется и тема внуков, внучат. Конечно же, бесконечные житейские заботы: тепло ли зимой в квартире, получили ли посланные ею 30 рублей, как тяжело было провожать Фана в армию, как не удалось купить Люции пальто, как пришлось продать корову и т.д. Безыскусный рассказ о сельских новостях. Очень много наставлений, пожеланий сил, терпения и упорства. В то же время в некоторых письмах отзывы о стихах, радиопередачах и песнях сына, мнение окружающих, тихая радость и гордость за его успехи. Поражает язык — ясный, точный, эмоциональный, обращает на себя внимание достоинство и скромность, сила духа крестьянской женщины, сын которой на ее глазах ее молитвами постепенно стал известным поэтом и государственным деятелем.

Все разделы, сопровождаемые краткими вступительными комментариями автора, складываются в единое целое, дополняя друг друга. По каждому разделу приведены и замечательные фотографии, дышащие нравственным здоровьем, спокойствием, взаимной любовью. Удивительно красивы лица родных, окружающих, а также наша природа. На этих снимках то, что вдохновляет Роберта Миннуллина, воспето им.

В заключение — стихотворение о матерях поэтов с фотографиями многих известных поэтов и их матерей. В этой подборке — весь Роберт Миннуллин, с его благородством и душевной щедростью, приязнью и вниманием к другим, широким пониманием бытия современников и соратников по литературному цеху.

Он написал прекрасную книгу о матери. Но это книга — и о человечности, о первичных корнях и истоках народа. Благодаря ей многие еще раз тепло вспомнят своих родителей, постороже оглянутся на себя, может быть, лишний раз позвонят, напишут, выберут время навеститься к родным, в отчий дом, к матери. Над этими чувствами словно будет витать тепло шамметовского дома поэта, согретого материнской душой. Такое обращение к истокам, опыт чувств нужны всем, но особенно — нашей молодежи.

Я представляю себе, как Гульджаухар апа, надев очки, начнет вглядываться в фотографии и тексты дрожащей в руке книги, и мне трудно сдерживать слезы волнения. Спасибо тебе, святая женщина из простого илишевского села, — за трудовую жизнь, за детей, доброту, любовь и сочувствие. За большого нашего поэта! Здоровья и счастливого долголетия тебе! Да хранит тебя Бог!

А Роберту Миннуллину огромное спасибо за чудесный подарок всем матерям и детям, да и каждому из нас.

Марат Ямалов
2002

ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК С ГРУСТНЫМИ ГЛАЗАМИ

Завтра утром он, как обычно, без пятнадцати минут восемь пойдет в свой рабочий кабинет на площади Свободы. Заместитель председателя Государственного Совета Республики Татарстан Роберт Миннуллин не имеет права опаздывать на службу даже в день своего рождения.

— Поэты — народ непредсказуемый, — улыбается на мой вопрос Роберт Мугаллимович. — Вспомните хотя бы Державина: кто он более — поэт или государственный деятель? А есть среди нас и такие, которые служат только музам. И вот им я завидую. Честное слово... Но кто-то, наверное, должен и в этом кресле сидеть.

Мы встретились с ним накануне его 55-летия, чтобы поговорить о поэзии. Однако разговор все время сбивается на политическую тематику: беспрестанно звонящий телефон возвращает нас с небес на грешную землю. Вот тогда-то я и интересуюсь, каким ветром его занесло сюда.

— Рассказывать-то, собственно, не о чем. У меня обычная биография советского человека, — недоуменно вскидывает он брови. — Школа, университет, работа... Так уж случилось...

Простой деревенский мальчишка из Башкортостана испытал на себе, что такое самому прокладывать жизненные пути.

— Детство... Безотцовщина... Нас пятеро... Мама больна... Пятидесятые годы... — Роберт Мугаллимович надолго умолкает.

Он был старшим сыном — значит, должен был хоть в чем-то заменить рано ушедшего из жизни отца... В Уфе поступить в вуз ему не удалось. Поработал в колхозе, потом понабрался опыта в районной газете и вновь поехал поступать в университет: 35 лет назад пароход «Габдулла Тукай» привез его в Казань. Кстати, нынче, вспомнив об этом, его земляки — башкирские татары — зафрахтовали пароход по маршруту «Уфа — Казань», пригласили Миннуллина и посвятили путешествие его творчеству.

— Это дорогого стоит, — лицо Роберта Мугаллимовича по-детски светлеет. — А те годы они, несмотря на трудности, все равно вспоминаются как идиллия. Мама старалась, чтобы мы ни в чем не нуждались. Но иногда сердце колола обида. Не на нее, а на судьбу. Особенно когда встречались на пути даже не понимавшие своего счастья обладатели отцов...

Он рассказывает, а я внезапно вспоминаю:

Кто в детстве прожил без битья? —
Лупили и меня.
Знаком и с тумаками я,
Отведал и битья.
Когда же не хватало сил
Задирам дать урок,
«Скажу все маме!» — голосил
Так сильно, как я мог.
А как мне взрослому спастись,
Стерпеть словесный бой?
Один бы на один сойтись,
Но бьют всегда гурьбой.
Слова, как мордобой, сношу,
Но хочется порой
Вскричать: «Я маме все скажу!»
А мамы нет со мной...

Оказавшись в непривычной для него городской среде, Роберт спасался, по его собственному признанию, стихами:

— Я ведь не просто в Казань приехал, я приехал в Казань татарской поэзии. С годами, конечно, приоритеты меняются, но я и сегодня спасаюсь Мустаем Каримом, Хасаном Туфаном, Сибгатом Хакимом, Евгением Евтушенко, Андреем Вознесенским, Расулом Гамзатовым... Они мне не как читателю, как поэту интересны.

Он до сих пор не чувствует себя городским жителем. Все так же принимает все за чистую монету, все так же наивен и сентиментален, все так же далек от прагматики, как и всякий истинный крестьянин. И все так же не чурается никакой работы.

— Для меня главное — добросовестная служба, — уверенно произносит он. — Если обо мне будут говорить, что я хороший поэт, хороший депутат и хороший человек, для меня это высшая награда. Да, конечно, «служенье муз не терпит суеты», но когда смыслом жизни становится красивая рифма, тогда поэзия превращается в ремесло. К перу и бумаге нельзя идти как на работу. К ним тебя должна подтолкнуть твоя сентиментальность. У настоящего поэта должна быть сверхчувствительная и очень ранимая душа...

А сентиментальности и ранимости Роберту Миннуллину, по всей видимости, не занимать: за три десятка лет он выпустил 40 поэтических сборников. И особое место среди них занимает книга, посвященная маме. В ней собраны стихи, песни, рассказы и воспоминания о самом близком ему человеке.

— Материнское воспитание я и в жизни чувствую, и в поэзии, — печально произносит он. — Не знаю, недостаток это или преимущество, но это — большая грусть.

И вдруг Роберт Мугаллимович вскидывает голову:

— А ведь у тебя тоже очень грустные глаза...

Дмитрий Туманов
2003

СОДЕРЖАНИЕ

Миру нужно песенное слово. *Р.Мустафин*

ЛИРИКА

Родники моей родины

Ивы, тополя... <i>Перевод С.Мальшиева</i>
Мелодии отца. <i>Перевод С.Мальшиева</i>
Родники моей родины. <i>Перевод С.Мальшиева</i>
Разговор с соловьем. <i>Перевод С.Мальшиева</i>
Родному языку. <i>Перевод С.Мальшиева</i>
Откуда? <i>Перевод С.Мальшиева</i>
Наши сердца. <i>Перевод А.Лаврина</i>
Встреча невесты. <i>Перевод А.Лаврина</i>
Кто святой на родине? <i>Перевод М.Ямалова</i>
Ледоход. <i>Перевод А.Лаврина</i>
Мы всадники навсегда. <i>Перевод С.Мальшиева</i>
Скачки. <i>Перевод М.Ямалова</i>
Жеребцы. <i>Перевод М.Ямалова</i>
Памяти моего односельчанина... <i>Перевод М.Ямалова</i>
Поминальная... <i>Перевод М.Ямалова</i>
Думы о прошлом. <i>Перевод А.Лаврина</i>
Птица. Солнце. Подсолнух. <i>Перевод А.Лаврина</i>
Яблоки детства. <i>Перевод М.Ямалова</i>
Мое село. <i>Перевод М.Ямалова</i>
В гостях у мамы. <i>Перевод Р.Кожевниковой</i>
Матери. <i>Перевод С.Мальшиева</i>
Материнское воспитание. <i>Перевод А.Лаврина</i>
Терпение. <i>Перевод С.Мальшиева</i>
Всякий раз. <i>Перевод С.Мальшиева</i>
Колыбель моих песен. <i>Перевод С.Мальшиева</i>
В родной деревне. <i>Перевод С.Мальшиева</i>
Глаз не свожу с окна. <i>Перевод М.Ямалова</i>
Мы живем одной песней. <i>Перевод М.Ямалова</i>
Звездные узоры. <i>Перевод В.Коркия</i>
Грустная церковь. <i>Перевод М.Ямалова</i>
«Непросто к звездам подойти...». <i>Перевод М.Ямалова</i>
Влюбленность. <i>Перевод А.Лаврина</i>
Закат над Сюнью. <i>Перевод М.Ямалова</i>
Засуха. <i>Перевод А.Лаврина</i>
Одинокий аист. <i>Перевод А.Лаврина</i>
Письмо к брату. <i>Перевод В.Коркия</i>
Я понимаю тебя... <i>Перевод М.Ямалова</i>
Неожиданно. <i>Перевод М.Ямалова</i>
Тоска по родине... <i>Перевод М.Ямалова</i>
Родная сторона. <i>Перевод М.Ямалова</i>
На дорогах Уфа — Казань. <i>Перевод М.Ямалова</i>
Неспетая песня. <i>Перевод С.Мальшиева</i>

Птица моей любви

Доброта. <i>Перевод С.Мальшиева</i>
Некрасивых женщин не бывает... <i>Перевод С.Мальшиева</i>
Монолог костра. <i>Перевод С.Мальшиева</i>
Боюсь обидеть... <i>Перевод С.Мальшиева</i>
Пока вбираю этот свет. <i>Перевод С.Мальшиева</i>
Возрождение. <i>Перевод С.Мальшиева</i>
Березовый сок. <i>Перевод С.Мальшиева</i>
Но где весна? <i>Перевод С.Мальшиева</i>
Глядя в прошлое. <i>Перевод С.Мальшиева</i>
Опоздание. <i>Перевод А.Лаврина</i>
Быть может... <i>Перевод А.Лаврина</i>
Сетование бывшего студента. <i>Перевод С.Мальшиева</i>
Коснуться ли снегов? <i>Перевод С.Мальшиева</i>
Ночи моей деревни. <i>Перевод С.Мальшиева</i>
Осенний мотив. <i>Перевод А.Лаврина</i>
Осенняя грусть. <i>Перевод М.Ямалова</i>
«Маме скажу!». <i>Перевод С.Мальшиева</i>
Жду солнца! <i>Перевод С.Мальшиева</i>

Туман. *Перевод С.Мальшева*
 Снова холода... *Перевод С.Мальшева*
 Холода. *Перевод С.Мальшева*
 Не дожидайтесь издалече... *Перевод С.Мальшева*
 Все шутим... *Перевод С.Мальшева*
 В преддверии осени. *Перевод С.Мальшева*
 Черная осень. *Перевод С.Мальшева*
 Ни осень, ни зима... *Перевод А.Лаврина*
 Осенний лист. *Перевод С.Мальшева*
 Праздник листьев. *Перевод С.Мальшева*
 Ночью в больнице. *Перевод С.Мальшева*
 Метаморфозы. *Перевод С.Мальшева*
 Время стихов. *Перевод С.Мальшева*
 Первый снег. *Перевод В.Коркия*
 Идут снега. *Перевод В.Коркия*
 Сквозь бураны. *Перевод С.Мальшева*
 Зима в Казани. *Перевод Р.Кожевниковой*
 Еще умею я любить. *Перевод С.Мальшева*
 Я не могу без тебя... *Перевод С.Мальшева*
 Одна печаль. *Перевод С.Мальшева*
 Снег в апреле. *Перевод А.Лаврина*
 После дождя. *Перевод А.Лаврина*
 Молодеет земля. *Перевод А.Лаврина*
 Три моих вечных сна. *Перевод М.Ямалова*
 В молдавском доме. *Перевод Р.Кожевниковой*
 Хмельное море. *Перевод С.Мальшева*
 Счастье полета. *Перевод С.Мальшева*
 Ночное море. *Перевод С.Мальшева*
 Море. *Перевод В.Баширова*
 Бескрайний миг. *Перевод С.Мальшева*
 Море и горы. *Перевод М.Ямалова*
 Вздохать не надо... *Перевод С.Мальшева*
 Осенняя любовь. *Перевод С.Мальшева*
 Мы старость не берем в расчет... *Перевод С.Мальшева*
 Семейная реликвия. *Перевод М.Ямалова*
 Волна реки Сюнь. *Перевод П.Прихоржана*
 Юрмала. Утренний пейзаж. *Перевод А.Лаврина*
 Севан. *Перевод В.Баширова*
 Мартирос Сарьян. *Перевод В.Баширова*
 Горы. *Перевод В.Коркия*
 Осень в горах. *Перевод В.Коркия*
 Ночная жизнь. *Перевод В.Коркия*
 Праздничный вечер в Дзинтари. *Перевод А.Лаврина*
 Возвращение. *Перевод С.Мальшева*
 Над Казанью. *Перевод С.Мальшева*
 И ты тоскуешь... *Перевод С.Мальшева*
 Огни Казани. *Перевод В.Баширова*
 Золотое яблоко. *Перевод С.Мальшева*
 Любовь оставлю на земле. *Перевод С.Мальшева*
 Птица моей любви. *Перевод А.Лаврина*
 Буду любить! *Перевод С.Мальшева*
 Кларе. *Перевод С.Мальшева*
 «Уйдя однажды от тебя...» *Перевод В.Коркия*
 Давай-ка жить по-своему. *Перевод С.Мальшева*
 Если ты будешь меня вспоминать... *Перевод А.Лаврина*

Из ранних стихов

Я по-прежнему... *Перевод М.Ямалова*
 Моим читателям. *Перевод Р. Ахтямовой*
 А капли молчат... *Перевод А.Лаврина*
 Дочь Агидели. *Перевод А.Гирфановой*
 Тоскуя о тебе. *Перевод А.Лаврина*
 Мольба. *Перевод Р.Кожевниковой*
 Нет, не поет... *Перевод А.Лаврина*
 В возрасте Тукая. *Перевод А.Лаврина*
 Монолог Виктора Хары. *Перевод А.Лаврина*

Баллада о сумасбродном парне. *Перевод А.Лаврина*
 В гостинице «Англетер». *Перевод Д.Левоневского*
 Осенним утром. *Перевод В.Коркия*
 Зеленъ. Молодость. Память. *Перевод С.Мальшева*
 Гнездышко. *Перевод С.Мальшева*
 Слушай полонез Огинского. *Перевод А.Гирфановой*
 Родина. *Перевод С.Мальшева*
 Песнь Родине. *Перевод А.Лаврина*
 «Душа моя и мечется, и рвется...» *Перевод А.Лаврина*
 Если гореть... *Перевод С.Мальшева*
 Реквием. *Перевод В.Коркия*
 Слушайте памятники! *Перевод А.Лаврина*
 Ветераны. *Перевод В.Баширова*
 Мальчики. *Перевод В.Баширова*
 Я обыкновенный лирик. *Перевод М.Ямалова*

Вопросы

Как удивительно, как странно... *Перевод С.Мальшева*
 Ночные птицы. *Перевод М.Ямалова*
 Под диктовку. *Перевод С.Мальшева*
 В немоте найти покой... *Перевод С.Мальшева*
 И мы писали... *Перевод С.Мальшева*
 Вопросы. *Перевод С.Мальшева*
 Марафон. *Перевод С.Мальшева*
 Единственное. *Перевод С.Мальшева*
 «Горести народа моего...» *Перевод С.Мальшева*
 Спит деревня. *Перевод С.Мальшева*
 Письма матери. *Перевод С.Мальшева*
 Илишевский сабантуй. *Перевод С. Давыдова*
 Я был бы мальчишкой что надо! *Перевод М.Ямалова*
 «Скакун-буран ли это пролетел...» *Перевод С.Мальшева*
 Все выше, выше... *Перевод С.Мальшева*
 «Если мучительно ищешь, всерьез...» *Перевод С.Мальшева*
 Кувшин. *Перевод А.Лаврина*
 Билляр. *Перевод С.Мальшева*
 Такая страна... *Перевод С.Мальшева*
 Молчу... *Перевод С.Мальшева*
 Как надо жить. *Перевод С.Мальшева*
 Колыбель Земля. *Перевод С.Мальшева*
 Мы. *Перевод М.Ямалова*
 Куда торопимся? *Перевод В.Коркия*
 «И бездны у нас...» *Перевод Н. Беляева*
 Время. *Перевод С.Мальшева*
 Дуб. *Перевод М.Ямалова*
 Черные камни. *Перевод А.Лаврина*
 Ода камням. *Перевод М.Ямалова*
 Золотая Орда. *Перевод М.Ямалова*
 Сабля. *Перевод В.Коркия*
 Костер. *Перевод А.Лаврина*
 Сумерки. *Перевод В.Коркия*
 Не травите душу пустяками. *Перевод С.Мальшева*
 Призыв к простоте. *Перевод С.Мальшева*
 Счастье. *Перевод А.Лаврина*
 Струна. *Перевод А.Лаврина*
 Успех. *Перевод А.Лаврина*
 Написано пером... *Перевод М.Ямалова*
 На выставке. *Перевод М.Ямалова*
 Любят извечно поэтов... *Перевод М.Ямалова*
 Писали и тогда... *Перевод М.Ямалова*
 Перья. *Перевод С.Мальшева*
 «Сердце болит...» *Перевод А.Лаврина*
 Сердце. *Перевод А.Лаврина*
 О себе. *Перевод В.Коркия*
 Не могу научиться. *Перевод М.Ямалова*
 Собаке по имени Пират. *Перевод М.Ямалова*

Из «Коротких стихов»

Жизнь. *Перевод С.Мальшева*
Эпитафия. *Перевод С.Мальшева*
Превращение. *Перевод С.Мальшева*
Сбылось... *Перевод С.Мальшева*
«Сердце мое в вечном огне...» *Перевод А.Лаврина*
Ночной пейзаж. *Перевод Р.Кожевниковой*
Солнце. *Перевод А.Гирфановой*
Перемены. *Перевод С.Мальшева*
Жаворонок. *Перевод А.Лаврина*
Сестры-березы. *Перевод А.Лаврина*
Орел. *Перевод С.Мальшева*
Душа. *Перевод В.Коркия*
Осенние листья. *Перевод А.Лаврина*

ИНТЕРВЬЮ, БЕСЕДЫ

Детская больница: объект номер один
«В детстве отказать!»
«Дети — поэты с рождения»
«Я себя терпеть не могу»
«Я прежде всего — детский поэт!»
«Сабантую» старость не грозит
«Я — сентиментальный политик»
«Потомки скажут нам спасибо...»
«Кто Вы, Роберт Миннуллин?»
«Мой лирический герой немного погрустнел»
Светлая грусть Роберта Миннуллина
Будущее надо строить вместе, а не порознь
«Мы возрастим своих дипломатов»
Когда поэту не до стихов
Мы стали другим народом
Гимн башкирских татар
Поэт в России больше чем поэт
«Меня каждый татарин знает с детства»

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Переводы Э.Блиновой

Ох уж эти взрослые!
На сабантуе
Замечательная шапка
Просыпаюсь вместе с дедом
Грустный бычок
Мой друг автобус
Пожалейте Волка!
Когда я стану взрослым
Самый-самый
Такой большой
Отважные ребята
Если встречу Шурале
Я — как папа
Мой слон
Помогаю маме
Дедушка, расти большой!
Золотой хлеб
Волшебный курай
Над Казанью
Я и солнце
Ветер
Синичка на снегу
Глядит в окошко человек
Снегопад
Я нарисовал весну
Весенний дождик пробежал...
По грибы
Звездочки

Гостинец
Летучие лыжи
Удивительная квартира
Честное слово рыбакова
Позабыли
Я не хвастун!
Послушный
Кто же он на самом деле?
Серьезный вопрос
Солнце
В первый класс!
Палочка-скакалочка
Где же Дед Мороз?
Не буду плакать!
В лесу
Пугало
Во всем виноват медведь
Домотрясение
Помощница
Что всего нужней на свете?
Наш тигренок
Пират
Бураник
Кто разбил тарелку?
О хитрецах
Ошибка
Прощание с детским садом

Переводы В.Баширова

Гаяз и Аяз
Как бы мне героем стать
Снежные горы
Вкусная крапива
Без меня не справятся!
Книголюбы
Всезнайка
Даже если никто не узнает...
Запылился
Заслуженный соловей
Акбай в цирке
Не боимся!
Еще как вырастаю!
До прихода мамы

Переводы С.Мальшева

Хороший способ позеленеть
Рано утром
Мой волосатый человечек
Восемь кошек
Праздник снега
Дворник-артист
Отличная машина
Сладкий сабантуй
Загадка с отгадкой
Если очень захотеть...
Стою на посту
Какими бывают дедушки
О мальчике — трамвайном зайчике
Все путем!
Мальчишки дерутся...
Даже тучи понимают...
Одна семья
Чертенята
Песенка Тансылу
Сын и мама

Вот какой он человек!

Качели

Дорогой мальчик

Новые сапожки

Новые валенки

Про нас, хлеборобов

Умный цветок

У нас в деревне

Притяжение неба

Лай, пожалуйста!

Маме нужно отдохнуть!

Удивительный цветок

Если будет хлеб...

Мячик боится

Мальчик и соловей

Мальчики и дедушки

На языке берез

Загадка с подсказкой

Приезжайте в гости!

Мне нужен братишка!

Стадо возвращается в деревню

Сенокос

Крылатый огонек

Мама, я встретил щенка!

Спрятавшийся дождик

Хочется летать!

Совсем зеленый

Все течет

Солнечное яблоко

Бегут по улице цыплята

Ходили мы по ягоды

Зеленый конь лета

Дедушка сердится

Про папу с мамой

Моя сестренка

Стихи, написанные во время наблюдения за летним дождем

Дождик

Стихотворение написанное с сочувствием к дождю

Мечта

Волнение

Ночные улицы

Арбуз

Наш деревенский зоопарк

Индюк

Гусята

Непонятная корова

Бычок и грузовик

Научное открытие

Гусь

3-з-заяц

Поспевает — цвет меняет

Все поют по-своему

Май идет!

История с помидором

Мальчик, каких еще мир не видал

Мы считаем звезды

Такая работа

Люблю смеяться!

Маленькая сказка о Волке, который мечтал о дружбе

Маленькая сказка о болтливых рыбках

Маленькая сказка о зайчике и его хвостике

Грустные стихи про грустную школу в одной деревне

Маленькая сказка о машине и цветочке

Как стать чемпионом

Механизмы в нашем доме

Бабушка у нас в гостях

Люблю гостей
А почему?
Где же ветер?
Поющее дерево
Самое большое яблоко на свете
Большеротое ведро
Лающий шкаф
Про Тишину
Про дельфина
Завидую девочкам...
Устал
Хвост
Мы построили ракету
Мы любим солнце!
Лошадка
Булат на рыбалке
Насморк и платочек
Наш кухонный кран
Не хочу быть космонавтом
Наша семья
Радуга
Сладкоежки
Объявление
Поймите правильно!
Медведь
Болею!
Отдохнули!
Такой-сякой!
Архимед и Спартак
Кро!Ко!!Дил!!!
Как посмотреть на выход стада?
Дачный домик
Не понимают... ..

О ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА

И.Юзеев. Верю!
Ш.Галиев. Возлагаю большие надежды
А.Баянов. Со своим поэтическим почерком
С.Хаким. Певец детства
А.Остудин. «Душа! Будь человечной...»
Ш.Галиев. Праздник детства
Б.Вайнер. «С солнцем наперегонки»
С.Мальшев. «Ох уж эти взрослые!»
С.Мальшев. Напев в глазах становится слезой...
Р.Мустафин. Что такое «Кучтенец»?
М.Валеев. Большой поэт маленьких героев
Р.Кожевникова. «Островок доброты» Роберта Миннуллина
М.Ямалов. Светлыми долинами Миннуллина
М.Ямалов. Всем хорошим мы обязаны только им...
Д.Туманов. Хороший человек с грустными глазами

Литературно-художественное издание

Миннуллин Роберт Мугаллимович

ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР...

Редактор *А.Д.Алишева*

Художник *Р.Г.Хасанин*

Художественный редактор *Р.Г.Хасанин*

Техническое редактирование и компьютерная верстка *С.Н.Нуриевой*

Корректоры *Н.И.Максимова, А.Г.Хамитова*

Усл. кр.-отг. 35,70. Уч.-изд. л. 19,56 + вкл 1,18. Тираж 2000. Заказ С-1564.

ГУП Татарское книжное издательство. 420111. Казань, ул.Баумана, 19.

<http://tatkniga.ru>
e-mail: tki@tatkniga.ru

Оригинал-макет подготовлен с помощью пакета программ Jahat™.

ОАО Полиграфическо-издательский комплекс «Идел-Пресс».
420066. Казань, ул. Декабристов, 2.